

Российская Академия Наук

Кольский научный центр
Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина

**СЕВЕР И РЫНОК:
ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОРЯДКА**

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

3/2013 (34)

В этом номере представлены научные статьи, подготовленные по материалам выступлений на Международной научно-практической конференции “Европейский Север: инновационное освоение морских ресурсов (образование-наука-производство)” 13-18 марта 2013 , г. Мурманск, г. Апатиты

Апатиты
2013

СЕВЕР И РЫНОК:

формирование экономического порядка
№ 3 (34) 2013

Научно-информационный журнал

Основан в 1998 году

чл.-корр. РАН Геннадием Павловичем Лузиным

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт экономических проблем им.
Г.П.Лузина Кольского научного центра Российской
академии наук

ISSN 2220-802X

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Акулов В.Б.; к.э.н., доц. Башмакова Е.П.;
к.э.н., доц. Дидык В.В.; к.э.н., доц. Залкинд Л.О.;
к.э.н., доц. Кобылинская Г.В.; чл.-корр. РАН
Лаженцев В.Н.; д.э.н., проф. Ларичкин Ф.Д.;
Павлова С.А. (отв. секретарь); д.т.н., проф.
Маслобоев В.А.; к.э.н., доц. Рябова Л.А.; д.э.н.,
проф. Селин В.С. (главный редактор); д.э.н.
Скуфьина Т.П. (зам. главного редактора); к.э.н., доц.
Шпак А.В.; к.т.н., доц. Цукерман В.А.

184200, г.Апатиты Мурманской области,
ул. Ферсмана, 24а
Тел.: 8-81555-79-257
E-mail: pavlova@iep.kolasc.net.ru

Позиция редакции необязательно совпадает с
мнением автора

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования

Журнал включен в Реферативный журнал
и Базы данных ВИНТИ

© ФГБУН

Институт экономических проблем КНЦ РАН, 2013

© ФГБУН

Кольский научный центр РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы теории и практики управления экономикой

- Барашева Т.И.* Актуальные вопросы развития
малого и среднего бизнеса3
Беспалова С.В., Мотина Т.Н. Проблемы оценки
эффективности налоговой политики современной
России8
Гасникова А.А. В поисках эффективных мер,
направленных на развитие электроэнергетики
европейского Севера16
Гущина И.А. Социальная адаптация молодежи
по ряду значимых позиций общественной жизни
(по результатам социологических исследований) ...20
Кондратович Д.Л. Формирование социального
потенциала северного региона как фактора
социально-экономического развития24
Корчак Е.А. Арктические стратегии европейских
северных стран как основные инструменты
социально-экономического развития арктической
зоны27
Майков Т.Г., Петко О.В. Проблемы
прогнозирования социально-экономического
развития Мурманской области33
Марецкая В.Н., Омелай А.Ю., Тополева Н.О.
К вопросу об органическом сельском хозяйстве ...37
Победоносцева В.В. Механизмы финансирования
инвестиционных программ субъектов
коммунальной энергетики на территории
арктической зоны Российской Федерации41
Рябова Л.А., Корчак Е.А. Перспективы развития
малых прибрежных поселений Мурманской
области: поселок Териберка47
Скотаренко О.В. Методики оценки уровня
социально-экономического развития регионов53
Тошчина В.П. Демографическое развитие
прибрежных муниципальных образований
(на примере Терского муниципального района)....59
Ульченко М.В. Оценка уровня экономической
безопасности Мурманской области64
Saenkova E.S. Integration processes of the European
North69
Tchetinskaya I. Z. New Factors of the Russian
Migration Policy Tendencies Development74

Инновационные образовательные технологии

- Глазунов Ю.Т.* К оценке длительности
латентного периода высокой цели78
Меньших Н.Г., Цукерман В.А. Образование
как фактор устойчивого развития
экономических систем Севера и Арктики85

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Т.И.Барашева

к.э.н., доцент

Институт экономических проблем им Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. В работе рассматриваются направления и оценивается результативность поддержки субъектов малого предпринимательства в Мурманской области. Определяются проблемы малого бизнеса. Делается вывод о необходимости совершенствования подходов государственной поддержки развития субъектов малого предпринимательства.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства, государственная поддержка малого бизнеса, налоговое регулирование деятельности малых форм предпринимательства, предпринимательский климат

TOPICAL ISSUES OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS DEVELOPMENT

T.A.Barasheva

PhD (Economics)

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

Abstract. The article considers directions and evaluates efficiency of the support to small businesses in the Murmansk region. Challenges of small businesses are defined. The conclusion on the need to improve the governmental support approaches to small businesses development is made.

Keywords: small and medium-sized businesses, governmental support to small businesses, tax regulation of small businesses' activities, business climate

Роль малого бизнеса в решении социально-экономических проблем региона и муниципальных образований достаточно велика, особенно это проявляется в вопросах регулирования рынка труда муниципальных образований. Сохраняющиеся до сегодняшнего дня проблемы (значительная изношенность основных фондов, необеспеченность финансовыми ресурсами как для пополнения оборотных средств, так и для осуществления инвестиционной и инновационной деятельности, высокая потребность в высококвалифицированном персонале и др.) подрывают жизнеспособность предприятий малого и среднего бизнеса. Эти обстоятельства требуют от государства проведения активной политики по поддержке их развития.

Первым законом, определяющим нормативное и правовое регулирование развития малого и среднего предпринимательства, а также условия и порядок их поддержки, стал федеральный закон № 88-ФЗ «Об основах государственной поддержки малого предпринимательства в РФ» от 14.06.1995 г. Он явился основой для разработки регионального среза полномочий и путей взаимодействия властных структур и субъектов малого предпринимательства по вопросам поддержки. Руководствуясь данным законом, в Мурманской области были разработаны и прошли апробацию три целевые региональные программы поддержки малого предпринимательства (таблица 1).

Неудачной практикой по достижению поставленных задач в связи с отсутствием финансирования явилась Программа 1997-1999 гг., реализация которой пришлось на период финансового кризиса. Более поздние программы, заложившие основы региональной финансовой, информационной, консалтинговой, образовательной и других направлений системы инфраструктурной поддержки малого предпринимательства, хотя и не смогли избежать элементов декларативности, тем не менее, показали большую результативность, проявившуюся в положительной динамике развития предпринимательского сектора в Мурманской области.

Значимым для субъектов малого предпринимательства явился 2007 год, когда был принят обновленный федеральный закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Основными нововведениями в нем стали установление критериев отнесения предприятий к категории микро-, малых и средних, которые в последствии были

применены для разработки мер государственной поддержки развития предпринимательства. В этой связи значительным преимуществом областной Программы на 2009-2011 гг. явилось ориентация механизмов государственной поддержки на конкретные целевые группы. В зависимости от стадии развития малого бизнеса определена группа начинающих предпринимателей, для которых предусматривается выделение микрозаймов на следующих условиях: открытие кредитной линии под ставку рефинансирования ЦБ РФ. Для действующих малых предприятий и индивидуальных предпринимателей предоставляется льготный заем по ставке ЦБ + 4%. Им же для пополнения оборотных средств предлагается заем по ставке ЦБ +8%.

Таблица 1

Целевые региональные программы поддержки малого предпринимательства в Мурманской области

Период	Содержание
1997–1999 гг.	Задачи Программы (совершенствование региональной нормативно-правовой базы МП, формирование механизмов финансовой поддержки и информационно-консультационной др.) не были достигнуты в связи с отсутствием в кризис финансирования
2000-2004 гг.	Заложены основы региональной информационной, консалтинговой, образовательной и других элементов системы инфраструктурной поддержки. Государственным фондом развития малого предпринимательства и ОМС создана система микрокредитования (Апатиты, Мончегорск, Полярные Зори)
2005-2008 гг.	Создан гарантийный фонд, внедрена система микрокредитования, предложены новые виды субсидирования и механизмы поддержки для начинающих предпринимателей
2009-2011 гг.	ЦП разработана в соответствии с новым ФЗ «О государственной поддержке МСП в РФ» и Законом Мурманской области «О содействии развитию и государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Мурманской области» (2008 г.) Активно развиваются такие формы поддержки, как: прямая финансовая поддержка, льготная аренда (для микро- и малых предприятий), создание системы кредитных гарантий, субсидирование затрат, привлечение к выполнению государственного заказа, информационно-методическая и образовательная поддержка предприятий всех категорий
2013-2015 гг.	Программа направлена на стимулирование инноваций и увеличение вклада субъектов малого и среднего предпринимательства в социально-экономическое развитие Мурманской области.

Некоторое затруднение в реализацию мероприятий Программы 2009-2011 гг. внес разразившийся мировой финансовый кризис. Для выполнения заявленных в ней целей были разработаны и внедрены в практику федеральным уровнем и региональными органами власти и управления антикризисные меры. В целом за период действия Программы областным бюджетом было выделено более 75 млн руб. Более 215 млн руб. субсидий Мурманская область получила из федерального бюджета по результатам конкурса в рамках оказания государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Осуществление мер поддержки в регионе способствовало в кризисный период росту предпринимательского сектора и экономических показателей его развития (рис.1).

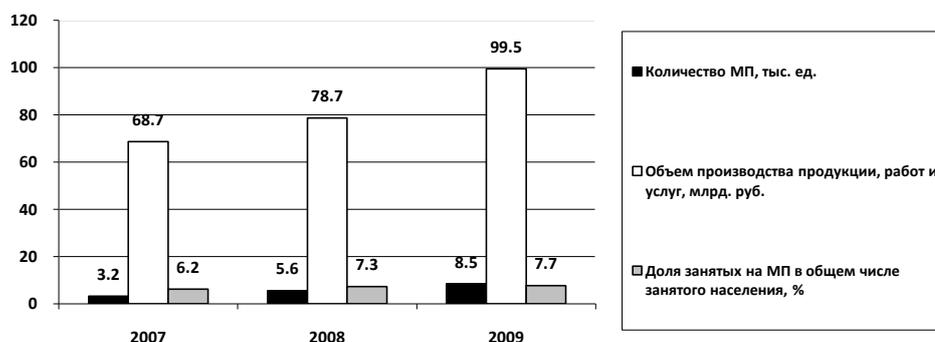


Рис1. Показатели деятельности малых предприятий [6]

С каждым годом все большей популярностью среди субъектов малого предпринимательства пользуется система субсидирования, которая обеспечивает частичную компенсацию расходов субъектов малого и среднего предпринимательства по отдельным видам хозяйственной деятельности. Значительный рост активности такого вида поддержки отмечен в 2011 г. Если в 2010 г. было рассмотрено 103 заявки и назначена субсидия 96 нуждающимся, то в 2011 г. из 140 заявителей удовлетворены были 140 единиц из числа предпринимательского сектора (из материалов департамента экономического развития Мурманской области).

Меняется также структура субсидируемых договоров. В 2010 г. наибольшая доля (82,8%) приходилась на субсидирование затрат по договорам кредитования (займа, кредитной линии) в части оплаты процентной ставки за пользование кредитом на реализацию инвестиционных проектов, а 9,6% договоров заключалось с целью субсидирования затрат финансовой аренды (лизинга) в части оплаты услуг лизингового процента, а также в части оплаты первого взноса (аванса) при заключении договора лизинга оборудования. В 2011 г. удельный вес договоров, приходящихся на погашение кредитов сократился на 30%, а по лизингу, наоборот, вырос более чем на 13%. В 2012 г. отмечается существенное преобладание субсидируемых договоров по лизингу, доля которых достигла 80,5% от общего объема всех заключенных договоров. Повышенный интерес субъектов малого и среднего предпринимательства к лизинговым операциям обусловлен, с одной стороны, высокой изношенностью основных фондов и необходимостью модернизации производства, с другой - недостаточностью собственных средств как источника финансирования капитальных вложений и низкой привлекательностью малого бизнеса для вложения внешних инвестиций [2]. Несмотря на то, что объемы инвестиций в основной капитал малых (на 56,6 млн руб.) и средних (на 416,2 млн руб.) предприятий возрастают (по сравнению с 2010 г.), в сравнении с другими регионами уровень инвестирования здесь низок, о чем свидетельствует 69 место, которое заняла Мурманская область по показателю объема инвестиций в основной капитал МП, исчисленного на душу населения (табл.2).

Таким образом, современная система мер государственной поддержки предпринимательского сектора в Мурманской области охватывает широкий перечень финансовых и нефинансовых инструментов, способствуя достижению малым бизнесом положительных эффектов. Оценка развития малого и среднего предпринимательства в регионе показывает рост оборота малых и средних предприятий с 110,6 млрд руб. в 2010 г. до 137,3 млрд руб. в 2011 г. За 2011 и 2012 гг. было создано 1596 и 1760 субъектов малого и среднего предпринимательства соответственно. Количество рабочих мест увеличилось в 2011 г. на 530, а в 2012 г. на 580 единиц. Рост предпринимательского сектора обеспечил увеличение налоговых поступлений в бюджетную систему региона (на 100 млн руб.) [4].

Несмотря на положительную динамику показателей развития субъектов малого и среднего предпринимательства и в дальнейшем необходимо продолжить совершенствование условий и поиск наиболее приемлемых мер поддержки для развития предпринимательского сектора, поскольку они все еще не являются идеальными. Результаты исследования, проведенного общественной организацией «ОПОРА РОССИИ» среди руководящих сотрудников предприятий малого и среднего бизнеса и предпринимателей из сорока регионов Российской Федерации [5], показали, что сложности с приобретением земельных участков и подбором складских помещений, низкая доступность новых энергетических мощностей и высокие тарифы на электроэнергию [1] явились причиной снижения рейтинга региона в оценке его бизнес-климата. Мурманская область заняла только 22 место из 40 возможных [5].

Задействование в программах поддержки лишь 3% субъектов малого предпринимательства характеризует не только трудности в доступе к участию в мероприятиях, но и низкую активность работы региональных администраций. Сами предприниматели сдержанно оценивают их деятельность: около 90% респондентов высказываются о недостаточном внимании органов власти и управления к малому бизнесу. При этом ими отмечается высокий уровень коррупции в системе государственных органов. Более 53% респондентов наблюдают коррупционное давление при получении господдержки (субсидий, помещений на льготных условиях и др.), 53% - выделении земли, 44% - доступе к государственным и муниципальным заказам [5].

По результатам 2011 года наиболее значимыми препятствиями для развития бизнеса предприниматели области называют: низкий уровень обеспеченности персоналом требуемой квалификации (37%), спад спроса (37%) и низкая доступность финансовых ресурсов (34%). Уже в 2012 году проблема падения спроса становится не столь актуальной, на первый план выходит проблема нехватки персонала требуемой квалификации.

Таблица 2

Место Мурманской области по объему инвестиций в основной капитал малых предприятий среди регионов РФ в январе-марте 2012 г. [7]

Субъект РФ (выборка)		Инвестиции в основной капитал на МП в январе-марте 2012 г. млн руб.		
		млн руб.	в % к янв.-марту 2011 г. с учетом ИПЦ	на душу населения, в % от среднего по РФ
	Российская Федерация	49 533,40	124,7	100
1	Камчатский край	685,5	284,2	360,3
2	Смоленская обл.	1 064,20	108,5	332,1
3	Новгородская обл.	554,2	71,5	278,1
4	Краснодарский край	4 770,10	92,5	271,6
5	Кемеровская обл.	2 102,90	120,6	267
6	Кировская обл.	1 076,40	131,4	249,1
7	Пензенская обл.	1 025,70	105,9	247,9
8	Нижегородская обл.	2 491,40	123,1	231,7
9	Псковская обл.	473,2	719,3	222
10	Тамбовская обл.	777,3	223,2	222
11	Воронежская обл.	1 577,80	135,4	207,9
12	Республика Коми	719,2	184	203,5
13	Республика Марий Эл	355,4	183,5	176,9
14	Новосибирская обл.	1 586,70	87,7	169
69	Мурманская область	68	80,8	20,1
70	Карачаево-Черкесская Республика	22,4	93,9	15
71	Иркутская обл.	112,7	62,9	13,9
72	Архангельская обл.	58	66,5	12,1
73	Ямало-Ненецкий АО	26,2	10,6	9,8
74	Забайкальский край	31,8	124,4	9,1
75	Республика Бурятия	29,5	126,6	8,7
76	Хабаровский край	43,3	53,6	6,9
77	Кабардино-Балкарская Республика	16,2	32,1	6,3
78	Республика Северная Осетия-Алания	12,7	225,7	6
79	Республика Хакасия	10	46,3	5,8
80	Республика Тыва	2,5	0,7	2,5
81	Чукотский АО	0,1	-	0,3
82	Республика Ингушетия	0	-	0
83	Чеченская Республика	-	-	-

Несоответствие предложения и спроса на рынке труда Мурманской области по профессионально-квалификационному составу является давним и большим вопросом. Усугубляется данная ситуация отсутствием рациональной государственной политики еще на этапе подготовки молодого кадрового состава, вызывая несоответствие профессионально-квалификационной структуры выпускников потребностям экономики и составу имеющихся вакансий. Так, доля выпускников учреждений ВПО и СПО в Мурманской области превышает 70%, а учреждений НПО - 30%. Среди вакансий, заявленных в службу занятости, около 80% приходится на рабочие профессии, 20% - специалисты. Цифры свидетельствуют, что система профессионального образования продолжает наращивать подготовку кадров по невостребованным специальностям. Выпускники вынуждены осваивать профессии, отличные от тех, которые они получили в профессиональных училищах, колледжах, университетах. Так, например, юристы идут в дизайнеры и машинистки, учителя - в секретари, продавцы и экспедиторы, менеджеры - в подсобные рабочие. Этот перечень можно продолжить и по многим другим специальностям [3].

Новый всплеск негодования среди субъектов малого и среднего бизнеса вызвали законодательные нововведения федерального центра - установление повышенных тарифов по страховым взносам. Рост уровня нагрузки ощутили все субъекты хозяйствования, но в большей мере субъекты малого предпринимательства, функционирующие в условиях специальных налоговых режимов. С 2013 года повышение страховых тарифов распространилось и на индивидуальных предпринимателей. Первое потрясение было вызвано ужесточением условий продажи алкогольной продукции. Результатом стало закрытие 38% функционирующих ларьков, а также перепрофилирование 20% ларьков на продажу непродовольственных товаров. Затем увеличение вдвое - с 17208 до 35665 руб. в год - обязательных взносов в Пенсионный фонд полностью дестабилизировало деятельность предпринимателей и сделало их нерентабельными.

Выборочный опрос 300 предпринимателей, который провела «Опора России», показал, что более 65% из них свернули планы по развитию, 50% увольняют сотрудников, почти всюду снижают заработную плату (Источник: Nord news). По данным ФНС России за три месяца 2013 г. работу прекратили более 300 тысяч индивидуальных предпринимателей.

В Мурманской области нововведениями были полностью перечеркнуты результаты работы органов власти и общественных организаций по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, включающие создание 400 индивидуальных предпринимателей в связи с реализацией программы «Шаг за шагом», а также создание только за полтора месяца 2013 г. более 700 индивидуальных предпринимателей в связи с разработкой и принятием на территории региона обновленной патентной системы. За два первых месяца 2013 г. после введения повышенных обязательных взносов в Пенсионный фонд более 1200 чел. сдали свидетельства и перестали осуществлять предпринимательскую деятельность.

Ситуация подсказывает, что следует более внимательно просчитывать последствия от принятия управленческих решений и использовать дифференцированный подход к установлению размера взносов в зависимости от результатов экономической деятельности индивидуальных предпринимателей, применять льготы, которые должны устанавливаться исключительно на научной основе. Проблема не в количестве льгот, как замечают специалисты, а в их разборчивости.

Кроме того, государству необходимо определиться - чем является для него малый и средний бизнес? Либо это инструмент управления занятостью населения, либо это поставщик налоговых поступлений? И в соответствии с выбором строить свою политику по отношению к малому бизнесу.

Курс Правительства РФ на стимулирование инноваций, повышение конкурентоспособности экономики регионов ставит новые задачи в управлении малыми формами хозяйствования, которые нашли свое отражение в долгосрочной целевой программе «Развитие малого и среднего предпринимательства, стимулирование инноваций в Мурманской области» на 2013-2015 гг. Однако при выполнении новых задач нельзя забывать о решении проблем уже существующих и спонтанно возникших.

Литература

1. Васильев А.М., Храпов В.Е. Особенности формирования цен на электроэнергию в России и их влияние на развитие малого бизнеса. // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011 (28). № 2. С.13-16.
2. Кобылинская Г.В. Особенности формирования структуры финансирования инвестиций в регионах СЗФО // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2009 (24). № 3. С.151-154.
3. Костюкевич В.Ф. О прогнозе кадровых потребностей экономики и социальной сферы Мурманской области и подходах к формированию контрольных цифр приема в учреждения профессионального образования. Режим доступа: <http://www.mstu.edu.ru/news/files/doklad.pdf>
4. Постановление Правительства Мурманской области от 01.10.2012 г. N 496-ПП «О долгосрочной целевой программе «Развитие малого и среднего предпринимательства, стимулирование инноваций в Мурманской области» на 2013-2015 годы». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Предпринимательский климат в России: индекс ОПОРЫ 2010-2011. Режим доступа: <http://www.en.nisse.ru/>
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. М. 2011. 990 с.
7. Результаты сравнительного анализа предпринимательского климата в муниципальных образованиях Мурманской области. Режим доступа: <http://opora51.ru/klimatt.html>

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.В.Беспалова

К.Э.Н.

Т.Н.Мотина

К.Э.Н.

кафедра финансов, бухгалтерского учета и управления экономическими системами
ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный технический университет»

Аннотация. Налоговая политика является одной из наиболее актуальных проблем современного государства и его развитие требует решения более сложных задач. Неоднозначность подходов к оценке налоговой политики государства создают сложности в определении ее эффективности. В статье рассмотрены направления оценки налоговой политики государства и проведен фрагментарный анализ современной налоговой политики России.

Ключевые слова: налог, налоговая система, налоговая политика, налоговое администрирование, налоговое бремя

PROBLEMS OF EVALUATING EFFICIENCY OF THE TAX POLICY IN MODERN RUSSIA

S.V.Bespalova

PhD (Economics)

T.N.Motina

PhD (Economics)

Department of finance, accounting and management of economic systems
Murmansk State Technical University

Abstract. Tax policy is one of the most pressing problems of the modern state and its development requires solving more complex problems. The ambiguity of approaches to evaluation of the tax policy makes it difficult to determine its efficiency. The article describes the evaluation directions of the tax policy of the state and fragmentarily analyzes the current tax policy of Russia.

Keywords: tax, tax system, tax policy, tax administration, tax burden

Налоговая политика является одной из наиболее острых проблем современного государства, а ее разработка требует решения все более сложных задач. Для эффективной реализации налоговой политики необходимо соблюдение принципа экономической детерминированности, т.е. равновесия финансовых интересов государства и хозяйствующих субъектов. Но в действительности предприятие и государство находятся в отношениях неравного экономического партнерства.

Актуальность данной тематики определяется тем, что в условиях глобального экономического кризиса, который захватывает практически все экономики мира, государства широко используют налоговую политику в качестве определенного регулятора воздействия на негативные явления рынка.

Налоговая политика относится к косвенным методам государственного регулирования. Ее содержание и цели зависят от объективных и субъективных факторов, политического строя, задач, стоящих перед государством.

Налоговая политика – это совокупность мероприятий государства в области налогообложения. Сложившиеся в государстве налоговые отношения отражаются в налоговой политике, задача которой состоит в обеспечении финансовыми ресурсами самого государства, создании благоприятных условий для увеличения эффективности национальной экономики и повышения уровня жизни населения.

Налоговая политика определяет роль налогов в обществе, которая может быть позитивна или негативна по отношению к субъектам хозяйствования. Для государства рост налоговых изъятий является положительным фактором, а для субъектов хозяйствования – отрицательным. Проблема состоит в определении границ изъятия, оптимальном сочетании функций налогов, их влиянии на состояние экономической, социальной и политической системы в обществе.

В теории налогообложения обычно выделяют три типа налоговой политики современного государства [5]:

1. Первый тип – *политика максимальных налогов*. В этом случае государство устанавливает достаточно высокие налоговые ставки, сокращает налоговые льготы и вводит большое число налогов, стараясь получить от своих граждан как можно больше финансовых ресурсов, не особенно заботясь о последствиях такой политики. Подобный метод не оставляет как налогоплательщику, так и обществу в целом практически никаких надежд на экономическое развитие.

2. Второй тип – *политика разумных налогов, или экономического развития*. В этом случае, государство ослабляет налоговый пресс для предпринимателей, сокращает свои расходы, в первую очередь, на социальные программы. Цель данной политики состоит в том, чтобы обеспечить приоритетное расширение капитала, стимулирование инвестиционной активности. Такая политика проводится в то время, когда намечается стагнация экономики, грозящая перейти в экономический кризис. Реализация этого типа налоговой политики сопровождается сокращением общего числа собираемых налогов, введением специальных «упрощенных» налоговых режимов и другими мероприятиями, направленными на снижение налогового пресса. Проведение такой политики провозгласило Правительство РФ на рубеже XXI в. при подготовке второй части Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). Были сделаны важные шаги по сокращению числа налогов, снижению налоговой нагрузки.

3. Третий тип – *политика социальной направленности*. Такая налоговая политика предусматривает достаточно высокий уровень обложения, но при значительной социальной защите. Налоговые доходы направляются на увеличение различных социальных фондов.

Для России характерно сочетание первого и третьего типов налоговой политики. Налоговая политика находит свое выражение в видах и количестве установленных налогов, величинах налоговых ставок, установлении круга налогоплательщиков, налоговых льготах.

В сложившихся условиях актуализируются задачи оценки эффективности действующей налоговой политики государства и определение путей ее оптимизации.

Эффективность налоговой политики определяется исходя из соответствия принципов ее построения и выполняемых ею функций поставленным социально-экономическим целям на каждом этапе развития страны. Основными принципами построения современной налоговой политики являются простота и экономичность, стабильность, законодательное регламентирование, доступность алгоритма расчета налогов, сбалансированное взаимодействие функций налогов, приемлемый размер налогового бремени, сочетание интересов государства, предприятий и населения, содействие развитию экономики страны.

Мировой опыт показывает, что политики налогообложения весьма динамичны и не могут эффективно функционировать длительное время в неизменном виде. Изменения в экономике страны, в финансовой политике государства требуют проведения соответствующих преобразований и в налоговой системе. Иначе говоря, налоговая политика не может быть приведена к какому-то окончательному виду. Возможна лишь ее адаптация к экономическому развитию страны и выбору путей развития экономики в будущем.

Эффективность налогообложения в процессе разрешения противоречий налоговых отношений сводится к следующим моментам [5]:

а) для государства: увеличить доходы государственного бюджета за счет налоговых поступлений и развивать базу налогообложения;

б) для хозяйственных субъектов: получить, возможно, большие доходы (прибыль) от своей деятельности, перечислив как можно менее значительную сумму налогов (сборов);

в) населения: получить достаточные доходы для существования, уплатив необходимые налоги, за счет которых государство берет на себя обязанности предоставлять ряд услуг образовательного, медицинского характера и других.

Поэтому при оценке эффективности налоговой политики необходимо учитывать эти разные направления векторов эффективности.

Сложность задачи измерения налоговой политики может быть сопоставима только с ее важностью. Если бы удалось в удовлетворительной степени решить эту задачу, налоговая политика была бы поставлена на реальную почву, обрела объективную оценку и избавилась от конъюнктурных вмешательств.

Для оценки налоговой политики государства существует несколько подходов. Самые распространённые из них:

- оценка общей налоговой нагрузки в различных модификациях (доля налогов в ВВП, теория А. Лаффера, модели полных ставок). Однако данный подход имеет ряд существенных недостатков, ограничивающих его практическое использование;

- анализ налогообложения, состоящий из таких методов анализа, как временной и структурный анализ, трендовый анализ, анализ относительных коэффициентов, а также пространственный, факторный, исторический и международный анализ. Однако здесь оценка налоговой политики производится только для целей государства;

- анализ системы количественных и качественных показателей, подразумевающий формирование, расчёт и анализ специальной системы показателей. При этом процесс анализа связан с обработкой большого объёма информации.

На наш взгляд, начинать оценку действующей налоговой политики, следует с последовательного развертывания общего понятия «налоговая политика» через некоторые качественные характеристики в систему конкретных показателей, которые, в свою очередь, на основании определенных критериев могли бы служить оценкой состояния налоговой системы.

Российская налоговая система обременена массой острейших проблем, выражающих специфику современной налоговой политики. Понятно, что анализ этих проблем и общая оценка политики могут потребовать особенных показателей.

Состояние налоговой системы измеряется такими показателями, как виды налогов, их ставки, суммы и структура поступлений, задолженность, и другими реальными величинами. Последовательное изменение состояний налоговой системы, то есть ее движение – результат определенной налоговой политики, а оценка этого движения и есть оценка налоговой политики.

Для оценки действующей налоговой политики РФ был проведен анализ налоговой системы по следующим направлениям:

- анализ структуры и динамики налоговых платежей.

По набору налогов российская система соответствует хорошо зарекомендовавшим себя мировым образцам и в принципе стабильна. Другое дело, что в этой достаточно устойчивой системе налогов происходят такие внутренние процессы, которые не всегда могут быть оценены положительно.

Экономический кризис, высокий субъективный компонент в государственной политике и недостаток налоговой культуры, как у налогоплательщика, так и у законодателя, предопределили значительные колебания в структуре налоговых поступлений, если рассматривать период с 2002 по 2012 гг. Так, в платежах, контролируемых ФНС, в период 2002-2010 гг. доля подоходного налога составляла от 9 до 14%, НДС – от 25 до 43%, налога на прибыль – от 19 до 44%, акцизов – от 4 до 12%, а имущественных налогов от 1 до 8-9% [данные по формам налоговой статистической отчетности].

Таблица 1

Изменение структуры налоговых поступлений по видам в консолидированный бюджет РФ за 2011-2012 гг.

Вид налоговых поступлений	2011 г.		2012 г.		Изменения структуры, %
	млн руб.	уд. вес, %	млн руб.	уд.вес, %	
Налоговые доходы, всего	9 715 209,6	100,0	10 954 009,95	100,0	-
Налог на прибыль организаций	2 270 315,7	23,4	2 355 410,68	21,5	-1,9
Налог на добычу полезных ископаемых	2 042 549,6	21,0	2 459 397,8	22,5	+1,5
Налог на доходы физических лиц	1 994 869,3	20,5	2 260 335,64	20,6	+0,1
Налог на добавленную стоимость	1 753 240,5	18,0	1 886 135,36	17,2	-0,8
Налоги на имущество	677 955,4	7,0	785 339, 2	7,2	+0,2
Акцизы по подакцизным товарам	603 879,9	6,2	783 641,7	7,2	+1,0
Налоги по специальным режимам	234 120,0	2,4	271 220,0	2,5	+0,1
Прочие налоги и сборы	138 280,4	1,5	26 800,0	1,3	-0,2

*По данным налоговой статистической отчетности

В последние два года 2011-2012 гг. рост поступлений по основным видам налогов идет более равномерно, что говорит о стабилизации налоговой структуры. По данным налоговой статистической отчетности за 2011 г. доля НП составляла 23%, НДС – 21%, НДФЛ – 20,5%; в 2012 г. увеличилась незначительно доля НДС и составила 22,5%, НП – 21,5, НДФЛ – 20,6%.

Анализируя структуру налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ по основным видам экономической деятельности за 2011-2012 гг., следует отметить продолжающийся рост доли поступлений от деятельности по добыче полезных ископаемых и обрабатывающих производств. Произошло это главным образом за счет добычи и переработки нефти и природного газа. Кроме того, в 2012 г. увеличились поступления от оптовой и розничной торговли.

Таблица 2

Структура налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ по основным видам экономической деятельности за 2011-2012 гг.

Вид налоговых поступлений	2011 г.		2012 г.		Изменения структуры, %
	млн руб.	уд. вес, %	млн руб.	уд. вес, %	
Налоговые доходы, всего	9 715 209,6	100,0	10 954 009,95	100,0	-
Добыча полезных ископаемых	2 748 327,0	28,3	3 138 065,8	28,6	+0,3
Обрабатывающие производства	1 695 728,5	17,5	1 971 231,5	17,9	+0,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1 101 051,2	11,3	1 025 285,7	9,4	-
Оптовая и розничная торговля; ремонт	1 003 365,5	10,3	1 295 643,9	11,8	+1,5
Транспорт и связь	739 356,3	7,6	796 189,9	7,3	-0,3
Строительство	516 420,9	5,3	605 855,3	5,5	+0,2
Финансовая деятельность	443 281,2	4,6	492 066,5	4,4	-0,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	310 592,3	3,2	276 639,0	2,5	-0,7
Образование	179 776,3	1,8	208 726,6	1,9	+0,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	146 731,7	1,5	169 894,2	1,6	+0,1
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	48 457,8	0,5	43 315,94	0,4	-0,1
Рыболовство, рыбоводство	9 817,6	0,1	9 716,6	0,08	-0,02
Остальные виды экономической деятельности	772 216,0	8,0	921 404,0	7,7	-0,3

*По данным налоговой статистической отчетности

Следующим направлением оценки налоговой политики является вопрос о действующем уровне налоговой нагрузки в российской экономике, а также о том, насколько налоговая нагрузка в России сопоставима с аналогичными показателями в различных странах, является ли она высокой или низкой.

Проблемы по оценке налоговой нагрузки начинаются с того, что в современной отечественной экономической литературе нет единого определения термина «налоговая нагрузка». На законодательном уровне налоговая нагрузка упоминается в Постановлении Правительства РФ от 23 июня 2006 г. "Об утверждении методики расчета величины совокупной налоговой нагрузки..." [2]. В этом документе используется понятие "совокупная налоговая нагрузка". При этом разъяснения данного определения отсутствуют.

Кроме того, не существует единой методики расчета налоговой нагрузки.

Общепринятой методикой определения налогового бремени на организации является порядок расчета, разработанный Минфином России, согласно которому показатель налоговой нагрузки предприятия рассчитывается как соотношение суммы уплаченных им налогов по данным налоговой отчетности и оборота (выручки) по данным Росстата [1].

Такой метод расчета относительно прост, но он недостаточно точно позволяет оценить реальную налоговую нагрузку на хозяйствующий субъект.

Формально налоговое бремя в России вполне среднего уровня, но фактически это бремя достаточно тяжелое для всех налогоплательщиков. Кроме того, налоги, занимая достаточно высокий удельный вес в затратах бизнеса, имеют сложную структуру и методологию взимания.

Специфика России при весьма умеренных значениях бремени наиболее ярко проявляется в двух моментах:

- в дооценке теневой экономики;
- в неравномерном распределении налоговой нагрузки за счет разной собираемости и действия льгот. Причем неравномерность как нарушение фундаментального принципа обложения проявляется в самых разных формах.

По результатам исследования, проводимого Всемирным банком, Международной финансовой корпорацией и PricewaterhouseCoopers, составляется рейтинг, оценивающий благоприятность деловой среды.

В совместном докладе Международной финансовой корпорации и Всемирного банка «Ведение бизнеса – 2012» проводится анализ систем нормативного регулирования бизнеса в 183 странах. Для этого рассматриваются десять показателей (от условий открытия нового бизнеса до банкротства компании, в том числе и налогообложение), оказывающих влияние на жизненный цикл малых и средних предприятия той или иной страны. В докладе все страны расставлены по местам от 1 до 183, причем страна, занимающая 1-е место, имеет самые благоприятные условия для предпринимательства.

В рейтинге благоприятности деловой среды "Doing Business - 2012" Россия занимает 120-е место среди 183 проанализированных стран, расположившись между Кабо-Верде и Коста-Рикой. По данным этого рейтинга регулятивная среда в России, в среднем, менее благоприятна для бизнеса, чем в других странах, высокий уровень налогообложения назван одним из главных факторов, мешающих ведению бизнеса [9].

В докладе «Doing Business-2013» Россия занимает 112-е место среди 185 проанализированных стран, расположившись между Палау и Сальвадором соответственно. Таким образом, за 2012 год Российская Федерация поднялась на восемь ступеней в рейтинге благоприятности деловой среды. При этом по показателю простоты уплаты налогов Россия поднялась со 105-го места на 64-й место. Этот локальный успех связан, прежде всего, с администрированием платежей. Несмотря на это, вопросы совершенствования налогового администрирования сохраняют актуальность. Однако совокупная налоговая ставка в РФ составляет 54,1%, что заметно выше как средней ставки фискальных платежей в странах Европейского союза – 42,6%, так и в мире в целом – 44,7%. Компания PricewaterhouseCoopers совокупную налоговую ставку 54,1% получила путем сложения трех эффективных ставок - по налогам на прибыль (7,1%), налогам на труд или на зарплату (41,2%) и по "прочим налогам" (5,8%) [8]. При этом по данным документа «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 гг.» доля налогов и обязательных платежей в совокупных затратах работодателя на оплату труда в Российской Федерации в 2012 году составила 33,1%.

Рейтинг экономик некоторых стран в разрезе 10 показателей по данным группы организаций Всемирного банка представлен в табл.3.

На самом деле о налоговом бремени можно говорить очень долго, но важно понимать, что это не линейный показатель.

Что касается России, то можно констатировать отсутствие в налоговой политике принципа соответствия уровня налогообложения финансовым возможностям субъектов хозяйствования. Об этом свидетельствует высокий уровень налогового бремени, возложенный на предприятия.

Таким образом, по мнению экспертов в России стало легче платить налоги, но их объем остается значительно выше, чем у стран-соседей.

Далее оценка эффективности налоговой политики проводилась через призму таких понятий как:

- задолженность, которая характеризует налоговую задолженность по основным видам налогов и уровням бюджетов в региональном и отраслевом разрезе. По отчетности ФНС на 1 января 2013 года общая задолженность, включая пени и штрафы, составила свыше триллиона рублей. Такой размер был характерен и в прошлые годы, но при увеличении общих налоговых поступлений до 11 трлн можно говорить о тенденции к снижению неплатежей [данные по формам налоговой статистической отчетности];

- налоговые льготы – один из важнейших инструментов налоговой политики государства.

Согласно п. 1 ст. 56 Налогового кодекса РФ льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере.

Рейтинг экономик некоторых стран согласно Doing Business-2013

Страна \ Индикаторы	Сингапур	Гонконг, Китай	Новая Зеландия	США	Германия	Франция	Казахстан	Россия	Украина
Рейтинг легкость ведения бизнеса	1	2	3	4	20	34	49	112	137
Регистрация предприятий	4	6	1	13	106	27	25	101	50
Получение разрешений на строительство	2	1	6	17	14	52	155	178	183
Подключение к системе электро-снабжения	5	4	32	19	2	42	80	184	166
Регистрация собственности	36	60	2	25	81	146	28	46	149
Кредитование	12	4	4	4	23	53	83	104	23
Защита инвесторов	2	3	1	6	100	82	10	117	117
Налогообложение	5	4	21	69	72	53	17	64	165
Международная торговля	1	2	25	22	13	27	182	162	145
Обеспечение исполнения контрактов	12	10	17	6	5	8	28	11	42
Разрешение неплатежеспособности	2	17	13	16	19	43	55	53	157

* <http://russian.doingbusiness.org/rankings>

В настоящее время в российской налоговой системе действует около 200 различных льгот и преференций - по налогу на прибыль организаций, налогу на добавленную стоимость, налогу на добычу полезных ископаемых, налогу на имущество организаций, земельному и транспортному налогам.

Отношение суммы льгот к сумме начислений по налогам за 2009-2011 гг. по данным статистической отчетности ФНС России представлены в табл.4.

Таблица 4

Удельный вес сумм налогов, не поступивших в бюджет в связи с предоставлением налогоплательщикам льгот, к суммам налогов, подлежащих уплате в бюджет (%)

Налоги	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Абс.откл. (+/-)	
				2010 к 2009	2011 к 2010
Налог на прибыль организаций	7,5	9,4	7,7	1,9	-1,7
НДС	119	92,8	93,3	26,2	0,5
Налог на добычу полезных ископаемых	9,1	12,3	12,6	3,2	0,3
Налог на имущество организаций	71,8	70,5	66,9	-1,3	-3,6
Транспортный налог	7,1	6,8	6,8	-0,3	-
Земельный налог	46,1	33,3	36,2	-12,9	2,9
Налог на имущество физических лиц	67,8	70,4	64,4	2,6	-6

По данным Счетной палаты выпадающие доходы по налогу на прибыль организаций в связи с применением налогоплательщиками налоговых преференций с 2010 года по первое полугодие 2012 года составили более 1 трлн руб.

Аудитор Счетной палаты Игорь Васильев считает, что налоговая политика должна строиться так, чтобы льготы получали те, кому они действительно положены. В частности, заметил он, являясь инструментом налоговой политики, льготы должны быть направлены на достижение экономических и социальных целей. Экономические цели достигаются путем стимулирования определенных областей экономики, а социальные – направлены на улучшение качества жизни незащищенных слоев населения и на стимулирование инвестиций в человеческий капитал [10].

По мнению председателя комитета Совета Федерации по бюджету Е. Бушмина, в настоящий момент работа по анализу эффективности применения льгот по налогам, разработке критериев и методики оценка их эффективности ведется только в субъектах Российской Федерации, на федеральном уровне она носит фрагментарный характер [6].

В частности, в Мурманской области оценка эффективности предоставленных региональных и местных налоговых льгот проводится в соответствии с Законом Мурманской области от 24.11.2008 № 1025-01-ЗМО «Об оценке эффективности налоговых льгот, предоставленных (планируемых к предоставлению) законами Мурманской области» (в ред. 09.07.2011), Постановлением Правительства Мурманской области от 05.08.2008 № 373-ПП «О порядке оценки эффективности предоставленных (планируемых к предоставлению) региональных налоговых льгот», Постановлением Правительства Мурманской области от 23.05.2011 № 851-ПП «О порядке оценки эффективности предоставленных и планируемых к предоставлению льгот по местным налогам в муниципальном образовании город Мурманск».

Структура региональных налоговых льгот по основным направлениям их предоставления за 2009-2011 гг. по Мурманской области годы представлена в табл.5 [7].

На протяжении всего анализируемого периода наибольшую сумму региональных налоговых льгот составляют льготы, предоставленные бюджетным, автономным и казенным учреждениям, органам государственной власти и органам местного самоуправления Мурманской области, целью предоставления которых является экономия бюджетных средств за счет ликвидации встречных финансовых потоков.

Таблица 5

Структура региональных налоговых льгот по Мурманской области за 2009-2011 гг.

Наименование показателей	2009 г.		2010 г.		2011 г.	
	млн руб.	%	млн руб.	%	млн руб.	%
Всего сумма региональных налоговых льгот	1 532,3	100	1 403,9	100	1 204,9	100
Темп роста (снижения) к предыдущему году, %	x	x	91,6	x	85,8	x
- льготы, направленные на ликвидацию встречных финансовых потоков	1 326,1	86,6	1 170,4	83,4	1 064,1	88,3
Темп роста (снижения) к предыдущему году, %	x	x	88,3	x	90,9	x
- льготы, имеющие социальную направленность	150,5	9,8	170,7	12,2	50,4	4,2
Темп роста (снижения) к предыдущему году, %	x	x	113,4	x	29,5	x
- льготы, направленные на поддержку и развитие	55,7	3,6	62,8	4,4	90,4	7,5
Темп роста (снижения) к предыдущему году, %	x	x	112,8	x	144,0	x

Сокращение объема налоговых льгот, имеющих социальную направленность, обусловлено, прежде всего, уменьшением суммы льгот по транспортному налогу в 2011 г.

Доля региональных налоговых льгот, направленных на поддержку и развитие экономики области увеличилась по сравнению с 2010 г. на 44% и составила в 2011 г. – 90,4 млн руб. (7,5% от общего объема предоставленных льгот). Данное увеличение произошло за счет увеличения объема

предоставленных льгот по налогу на имущество организаций, а также увеличением доходов организаций и предпринимателей, применяющих УСН.

В соответствии с методикой, утвержденной Постановлением Правительства Мурманской области от 05.08.2008 № 373-ПП, в основном, все льготы признаны эффективными. Вместе с тем, в течение ряда лет остаются невостребованными некоторые из предоставленных льгот, например, это касается льгот по налогу на имущество для ТСЖ и ЖСК, поскольку эти организации предпочитают использовать упрощенную систему налогообложения, что изначально освобождает их от имущественного налога.

Налоговый контроль, который характеризует работу контрольных органов: численность работников и расходы на их содержание, количество проверок и их результаты, доначисленные суммы, оспариваемые суммы, возврат и т.п.

Так, согласно отчету о результатах контрольной работы налоговых органов на 01.01.2013 г. всего по России путем проведения камеральной проверки было выявлено 5,38% нарушений, выездные проверки позволили выявить 99,07% нарушений; по Северо-Западному федеральному округу эти цифры составили 4,89% и 99,3% соответственно; по Мурманской области – 6,87% и 100% соответственно.

Оценка налоговой политики через изменение многих разнокачественных параметров состояния налоговой системы не может быть сведена к единственному, суммарному показателю. Но для общей оценки важно фиксировать прогрессивную динамику основных показателей.

Предварительный и во многом фрагментарный анализ современной налоговой политики позволяет сделать вывод о ее противоречивости. При всех очевидных достижениях налоговой политики серьезные проблемы остаются в фискальном федерализме, льготах, контроле и прочее.

Литература

1. Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок: Приказ ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@ (в ред. от 10.05.2012) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об утверждении методики расчета величины совокупной налоговой нагрузки на день начала реализации резидентом Особой экономической зоны в Калининградской области инвестиционного проекта и порядка установления (фиксации) факта увеличения этой величины: Постановление Правительства РФ от 23 июня 2006 г. N 391 // Росс. газета. 2006. 29 июня.
3. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов // СПС «КонсультантПлюс».
4. Аронов А.В. Налоговая политика и налоговое администрирование / А.В.Аронов, В.В.Кашин. М.: Высшая школа, 2010. 570 с.
5. Дадашев А.З. Налоги и налогообложение в Российской Федерации: учебник / А.З.Дадашев. М.: Вузовский учебник, Инфра-М, 2013. 240 с.
6. Налоговые льготы: анализ практики применения и методика оценки эффективности действия // Налоги и налогообложение, 2011, № 7 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Аналитическая записка. Результаты оценки эффективности предоставленных региональных налоговых льгот, проведенной в отношении каждой из предоставленных льгот за 2011 год // Режим доступа: <http://minec.gov-murman.ru>.
8. Вислогузов В. Россия превзошла мировой уровень налогообложения // Коммерсантъ, № 221 (5006), 22.11.2012 Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2072815>
9. Всемирный банк в России. Доклад об экономике России. Поддержка роста и снижение рисков. № 27 Апрель 2012 // Режим доступа: <http://www.logistics-forum.ru/novosti/111.pdf>
10. Сенаторы предлагают дать регионам исключительное право на установление налоговых льгот // Режим доступа: <http://www.audit-it.ru/news/account/309931.html>

В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА¹

А.А.Гасникова

К.Э.Н.

Институт экономических проблем им. Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. В статье рассматривается опыт развития электроэнергетики в течение последних нескольких лет, когда в отрасли происходили изменения, связанные с постепенной либерализацией рынка электроэнергии. Сделаны выводы о применимости накопленного опыта в регионах европейского Севера России с учетом особенностей электроэнергетики данной территории.

Ключевые слова: развитие электроэнергетики, европейский Север.

IN SEARCH FOR EFFECTIVE MEASURES TO DEVELOP POWER INDUSTRY IN THE EUROPEAN NORTH

A.A.Gasnikova

PhD (Economics)

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

Abstract. The article examines the experience of the power industry development during several last years when the electric power market was gradually liberalized. Conclusions on applicability of the experience to the regions of Russian European North are made, taking into account the specificities of the power industry in these regions.

Keywords: development of the power industry, European North of Russia

Электроэнергетика в разных регионах имеет свои особенности, обусловленные наличием тех или иных энергоносителей и историей экономического развития территории. На европейском Севере отличительной чертой электроэнергетики является относительная изоляция территориальных энергосистем от Единой электроэнергетической системы (ЕЭС) России. Возможности перетока электроэнергии из Мурманской области, Республики Карелия, Архангельской области и Республики Коми в Объединенную энергосистему (ОЭС) Северо-Запада ограничены. Это сдерживает развитие рынка электроэнергии на данной территории. Данная особенность европейского Севера отчасти была учтена при разработке законодательства об электроэнергетике. Так, с целью защиты интересов потребителей в условиях отсутствия конкуренции производителей электроэнергии Архангельская область и Республика Коми были включены в неценовую зону, в которой торговля электрической энергией (мощностью) осуществляется полностью на основе регулируемых договоров. Мурманская область и Республика Карелия входят в ценовую зону оптового рынка электрической энергии (мощности).

Территория Ненецкого автономного округа формально входит в ценовую зону. Но фактически оптовый рынок электроэнергии на территории округа отсутствует, а тарифы полностью регулируются исполнительной властью. Это связано с тем, что энергетическая инфраструктура данного региона представлена малыми локальными полностью изолированными энергосистемами, и потребители снабжаются энергией от ведомственных или государственных дизельных электростанций, которые не являются субъектами оптового рынка электрической энергии.

Региональные особенности электроэнергетики обуславливают актуальность задачи поиска мер, направленных на развитие электроэнергетики, которые учитывали бы данные особенности. При этом, как известно, «основными объектами анализа и регулирования в региональной экономике выступают, как правило, территориальные образования, являющиеся субъектами управления» [1]. В России такими субъектами управления являются субъекты Федерации (как синоним понятия «субъект Федерации» в данной работе используется также понятие «регион»). Несмотря на то, что общие принципы и правила регулирования электроэнергетики определяются на федеральном уровне, субъекты Федерации могут отчасти влиять на развитие электроэнергетики на своей территории и повышение энергоэффективности региональной экономики. В данной работе сделана попытка

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. № 2012-1.2.1-12-000-3002-007 по теме "Формирование стратегических приоритетов развития российской Арктики".

осмыслить опыт развития электроэнергетики в различных регионах (не только северных) в течение последних нескольких лет и сделать вывод и применимости накопленного опыта на европейском Севере России. Анализ охватывал развитие электроэнергетики за небольшой период, поскольку именно в последние годы происходили изменения, связанные с постепенной либерализацией рынка электроэнергии.

Прежде всего, отметим, что при формировании энергетической политики должна учитываться важнейшая роль энергоснабжения для функционирования всей социально-экономической системы. При этом целью развития социально-экономической системы любого уровня является повышение благосостояния и качества жизни населения, а развитая экономика и обслуживающая ее электроэнергетика являются необходимыми условиями достижения этой цели [2]. Поэтому в случае возникновения противоречия рыночных принципов и социальной роли энергообеспечения, приоритет в государственном регулировании электроэнергетики следует отдавать последнему.

Одним из условий долговременного взаимовыгодного сотрудничества производителей и потребителей электроэнергии является разработка и принятие четких и понятных всем правил рынка электроэнергии, которые будут действовать достаточно длительное время без изменений. Действующие в настоящее время правила сложны, а при необходимости ограничить рост тарифов государство включает «ручное» регулирование электроэнергетики в виде изменения правил или пересчета RAB-тарифов сетевых компаний, и это уже привело к тому, что отдельные частные инвесторы покинули отрасль или пообещали это сделать в перспективе [3]. Уход инвесторов, в свою очередь, будет означать дальнейшее недофинансирование инвестиционных программ и деградацию действующих мощностей.

Рынок электроэнергии должен быть понятен не только инвесторам и производителям, но и потребителям электроэнергии. Только тогда, когда предприятия будут уверены в том, что они смогут покупать электроэнергию в достаточном количестве по приемлемым ценам, можно ожидать развитие производства и экономический подъем. Потребность предприятий в стабильности тарифов дала возможность появиться специфическому виду бизнеса – поставке электроэнергии по фиксированной цене. ООО «ЕЭС.Гарант» покупает у производителей и поставщиков электроэнергию по свободным (колеблющимся) ценам и продает ее другим организациям по фиксированной на год цене [4]. Упомянутое предприятие предоставляет такую услугу на территории Кировской, Оренбургской, Свердловской областей и Удмуртской Республики, но есть вероятность появления подобного бизнеса и на других территориях.

В настоящее время генерирующие мощности и электрические сети сосредоточены в разных компаниях. На сетевые компании может оказываться прямое управленческое воздействие главного собственника – государства. Имеется в виду, что возможны принятие и реализация решений о развитии электросетевой инфраструктуры даже в тех случаях, когда экономическая выгода для компании от этого неочевидна или ее наступление ожидается через большой промежуток времени. Частными генерирующими компаниями государство напрямую управлять не может, здесь необходимо косвенное воздействие через установку правил игры. Следует, однако, заметить, что в последние годы наметилась тенденция консолидации генерирующих активов в руках государства. Например, подконтрольное государству «Интер РАО ЕЭС» приобрело у «Норильского Никеля» ОГК-3, а в ближайшее время намерено приобрести «Башкирэнерго» у АФК «Система». ОАО «Газпром» контролирует две ТГК и одну ОГК, а также изъявляет намерение приобрести компании КЭС-Холдинга, в той или иной степени контролирующего ТГК-5, ТГК-6, ТГК-7 и ТГК-9 [3]. Государством управляются также такие крупные генераторы как ОАО «ГидроОГК» и ОАО «Концерн Росэнергоатом». Но несмотря на то, что значительная часть генерирующих мощностей принадлежат государству, при осуществлении управления генерирующими компаниями необходимо учитывать интересы частных акционеров, которые могут не совпадать с государственными.

В сетевых компаниях тоже наблюдается тенденция к консолидации. В 2012 году вышла директива правительства РФ о передаче Холдинга МРСК, владеющего большей частью распределительных электросетей России, в управление ФСК ЕЭС. Ожидается, что это повысит эффективность энергетики, улучшит инвестиционную привлекательность и приведет к оптимизации тарифов. Впоследствии ожидается создание из двух сетевых компаний одной. Но данное решение встречает критику: есть существенная разница в управлении магистральными и распределительными сетями, и целесообразность их объединения в одну компанию сомнительна [3].

Напротив, консолидация различных территориальных организаций распределительных сетей на уровне региона представляется целесообразной. Так, в апреле 2012 года было высказано

предложение объединить сетевые ресурсы Мурманской области в составе «Колэнерго», которое, в свою очередь, подчинено ОАО «Межрегиональная распределительная компания Северо-Запада», входящему в Холдинг МРСК [5]. Консолидация распределительных сетей позволит создать единый центр ответственности за деятельность по распределению электроэнергии в регионе, повысит надежность энергоснабжения, и, что немаловажно, создаст условия для упрощения технологического присоединения новых потребителей. Отметим, что в настоящее время в Мурманской области действует около 40 предприятий распределительных сетей.

Необходимо добиваться завершения строительства объектов, предусмотренного «Генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики до 2020 года» [6], полностью и в установленные сроки. Наиболее крупными объектами для генерации электроэнергии, строительство которых предполагается завершить в указанный период:

- Кольская АЭС-2, оснащенная четырьмя энергоблоками ВБЭР мощностью по 300 МВт каждый (Мурманская область);
- Мурманская ТЭЦ-2, оснащенная тремя блоками по 180 МВт каждый (Мурманская область);
- Медвежьегорская ТЭЦ, оснащенная тремя блоками мощностью по 660 МВт каждый (Республика Карелия).

Большое значение имеет развитие магистральных ЛЭП в соответствии со «Стратегией развития Единой национальной электрической сети на десятилетний период» [7], в том числе завершение проекта «Северный транзит» (ЛЭП, соединяющая энергообъекты Мурманской области, Республики Карелия и Ленинградской области), развитие межсистемных связей относительно изолированных энергосистем, усиление связи объединенных энергосистем Северо-Запада и Центра.

С целью обеспечения энергоснабжения удаленных децентрализованных потребителей необходимо развитие малой энергетики на основе использования возобновляемых источников энергии и местных видов топлива. К основным возобновляемым источникам энергии, которые могут быть использованы для энергоснабжения малых потребителей на европейском Севере, относятся энергия ветра и гидроэнергия малых рек. Следует отметить, что «различные энерготехнологии, опирающиеся на возобновляемые энергоресурсы (вода), на органическое топливо (нефть, газ), следует рассматривать не как конкурирующие, а как дополняющие друг друга при создании гармоничной структуры электроэнергопроизводства, способного удовлетворить все потребности общества в электроэнергии» [8]. Этот принцип дополняемости особенно важен для удаленных потребителей, поскольку они должны иметь возможность быстро переключиться с использования, например, энергии ветра, на использование энергии, вырабатываемой дизельной установкой в периоды, когда сила ветра недостаточна для работы ветроустановки.

В неценовой зоне на европейском Севере тарифы на электроэнергию следует устанавливать на экономически обоснованном уровне. Тарифы, с одной стороны, не должны быть слишком завышены, и, с другой стороны, их величина должна быть такой, чтобы генерирующие мощности, расположенные в Архангельской области и Республике Коми, не стали для ТГК и ОГК обузой.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о включении Мурманской области в неценовую зону, от такого шага рекомендуется воздержаться. Одним из аргументов против включения Мурманской области в неценовую зону является относительно большой переток мощности за пределы региона относительно потребляемой в регионе мощности. В настоящее время возможность перетока из Кольской энергосистемы в Республику Карелия составляет 580 МВт, возможности экспорта электроэнергии в Норвегию – 56 МВт, в Финляндию – 70 МВт [9], притом что в области потребляется 1600-1800 МВт в год. Другим аргументом против является нецелесообразность еще раз по ходу дела менять правила игры на рынке электрической энергии. Такое решение негативно скажется на деятельности ОАО «Территориальная генерирующая компания № 1», которое работает на территории области. Более того, расширение неценовых зон может отпугнуть потенциальных инвесторов в электроэнергетику не только европейского Севера, но и других регионов страны.

Общими рекомендациями, применимыми при формировании энергетической политики, являются борьба с неплатежами, снижение потерь электроэнергии в сетях, развитие энергосбережения. Эти проблемы актуальны повсеместно, но на Севере они приобретают особую значимость ввиду больших объемов потребляемой энергии, а также ввиду передачи энергии по ЛЭП на значительные расстояния в случаях, когда производители и потребители электроэнергии удалены друг от друга. Последнее не является редкостью в северных регионах, для которых характерна концентрация основных потребителей энергии в промышленных узлах при недостаточном развитии сетевого хозяйства.

Неплатежи за потребленную энергию являются острой проблемой многих регионов (причем это характерно не только для расчетов за электрическую, но даже в большей степени за тепловую энергию). И дело здесь не в том, что за потребленную энергию не платят конечные потребители. В действительности, нередко ситуация, когда конечные потребители добросовестно оплачивают счета, но деньги через управляющие компании или посредников-перепродавцов тепла не доходят до энергетиков. Поэтому есть тенденция перехода к прямым расчетам потребителей с генерирующими компаниями.

Другим способом миновать управляющие компании при расчетах населения за услуги ЖКХ и электроэнергию, является схема с использованием единого расчетного центра на базе нескольких банков. В него будет поступать оплата от потребителей, которая затем будет распределяться между поставщиками услуг и энергии. Критики такого решения проблемы отмечают, что новая модель не создаст стимулов для стопроцентного выполнения обязательств, а лишь снизит риски того, что деньги задержатся у управляющей компании [10]. Данное замечание справедливо, но даже в нем отмечается, что снижение определенного риска все же произойдет.

Важной задачей является развитие энергосбережения и повышение энергоэффективности экономики, снижение потерь при передаче энергии по сетям. Решению этих задач будет способствовать повсеместное внедрение приборов учета потребляемой энергии. С одной стороны, это будет стимулировать потребителей к энергосбережению. С другой стороны, это явится стимулом для энергетиков к снижению потерь в сетях и поиску и ликвидации незаконных подключений к сетям, поскольку оплата энергии согласно приборам учета сделает невозможным перекладывание компенсации технологических (при транспортировке) и коммерческих (незаконное потребление) потерь на добросовестных потребителей. Некоторые компании уже начинают применение автоматизированных информационно-измерительных систем учета энергоресурсов, при использовании которых все данные в автоматическом режиме поступают в ресурсоснабжающую организацию, а потребители освобождаются от обязанности ежемесячно передавать показания приборов учета [11].

Развитию энергосбережения в северных регионах будет способствовать принятие региональных законов об энергосбережении и энергоэффективности (что уже сделано в ряде регионов страны), реализация региональных целевых программ в сфере энергосбережения. При этом при всей важности реализации технических мероприятий, следует также проводить просветительскую работу с населением и представителями предприятий и организаций с целью формирования грамотного и ответственного потребителя энергоресурсов.

Ниже представлены выводы о том, в каких направлениях следует работать с целью повысить эффективность и обеспечить развитие электроэнергетики регионов европейского Севера, адекватное сложившимся реалиям.

- В случае возникновения противоречия рыночных принципов и социальной роли энергообеспечения, приоритет в государственном регулировании следует отдавать последнему.

- Необходима разработка четких, понятных и энергетикам, и потребителям энергии, и инвесторам правил рынка электрической энергии (мощности), которые будут действовать достаточно длительное время без изменений.

- На уровне региона целесообразна консолидация территориальных организаций распределительных сетей, что позволит создать единый центр ответственности за деятельность по распределению электроэнергии в регионе, повысит надежность энергоснабжения, создаст условия для упрощения технологического присоединения новых потребителей.

- Необходимо добиваться завершения строительства объектов, предусмотренного «Генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики до 2020 года» и «Стратегией развития Единой национальной электрической сети на десятилетний период», полностью и в установленные сроки.

- Рекомендуется воздержаться от включения Мурманской области в неценовую зону. Это не только негативно скажется на деятельности ТГК-1, но и может отпугнуть потенциальных инвесторов в электроэнергетику других регионов.

- Необходимо решение проблемы неплатежей за потребляемую энергию путем перехода к прямым расчетам потребителей с генерирующими компаниями или создания единых расчетных центров.

- Необходимо стремиться к снижению потерь в сетях, чему должна способствовать не только модернизация сетевого хозяйства, но и внедрение приборов учета. Последнее также послужит выявлению незаконных подключений к сетям.

- Следует больше внимания уделять работе по энергосбережению и повышению энергоэффективности на уровне регионов (разработка регионального законодательства, реализация региональных целевых программ, просветительская работа).

Литература

1. Селин В.С. Принципы устойчивого развития регионов российского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2010 (23). № 3. С.42-46.
2. Гасникова А.А. Приоритеты развития электроэнергетики в свете целей социально-экономического развития регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2012 (31). № 3. С.73-78.
3. Батурин П. Энергетика в России: в чем Чубайс не виноват. Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/09/06/2012/654449.shtml>
4. Электроэнергия по фиксированным ценам. Режим доступа: <http://www.ies-garant.ru/catalog/33>
5. Все сети региона предлагают объединить под крылом «Колэнерго». Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=201204101887>
6. Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2020 года. Одобрена распоряжением Правительства РФ от 22.02.2008 № 215-р. Режим доступа: www.consultant.ru
7. Основные положения Стратегии развития Единой национальной электрической сети на десятилетний период / ОАО «ФСК ЕЭС». Режим доступа: http://www.fsk-ees.ru/evolution_strategy.html
8. Бороухин Д.С. Электроэнергетика как неотъемлемый элемент устойчивого развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2009 (18). № 3. С.138-140.
9. Годовой отчет ТГК-1 за 2011 год. Режим доступа: http://www.tgc1.ru/fileadmin/ir/Reports/Annual/2011/GO_2011_final_s_prilozhenijami__29.05_.pdf
10. Передел рынка (Expert Online. – 25 апр. 2012.). Режим доступа: <http://expert.ru/2012/04/25/peredel-ryinka/?partner=23143>
11. В Надыме создается система учета энергоресурсов. Режим доступа: <http://energyland.info/news-show-tek-electro-85809>

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ПО РЯДУ ЗНАЧИМЫХ ПОЗИЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)²

И.А.Гущина

к.э.н., доцент

Институт экономических проблем им Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. В статье анализируется содержание, уровни и значение социальной адаптации для общества, представлены результаты социологического исследования процессов социальной адаптации молодежи, показана необходимость разработки и реализации соответствующей молодежной политики на всех уровнях управления.

Ключевые слова: молодежь, социальная адаптация, общество, социологические оценки, общественное мнение, молодежная политика.

SOCIAL ADAPTATION OF THE YOUTH BY A NUMBER OF SIGNIFICANT POSITIONS (BY RESULTS OF SOCIOLOGICAL STUDIES)

I.A.Gushchina

PhD (Economics)

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

Abstract. The article analyzes the content, levels and significance of social adaptation for the society, presents the results of the sociological study of processes of social adaptation of young people, and shows the need for development and implementation of an appropriate youth policies at all governance levels.

Keywords: youth, social adaptation, society, sociological evaluations, public opinion, youth policy.

² Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

Существует множество определений понятия социальной адаптации. Известный отечественный социолог Г.В. Осипов считает, что это приспособление индивида к социально-экономическим условиям, ролевым функциям, социальным нормам, складывающимся на различных уровнях жизнедеятельности общества, к социальным группам, социальным организациям, социальным институтам, выступающим в качестве среды его жизнедеятельности. Он подчеркивает, что социальная адаптация невозможна без механизмов социального контроля, к которым относятся меры общественного и государственного воздействия. [1]. Таким образом, определить основную функцию адаптации можно как обеспечение интеграции индивида в социальную, образовательную, профессиональную среду через освоение им способов социального поведения и действий.

Особую значимость адаптационные процессы приобретают в периоды социальных изменений, всегда сопровождающихся нарушением стратификационного порядка – устоявшейся системы социального расслоения в обществе. В социальном настроении людей это чаще проявляется как утрата уверенности, определенности в настоящем и будущем, перемена ценностных ориентаций или, наоборот, настойчивое доказывание незыблемости предыдущих убеждений. Для кого-то – это новые возможности, для кого-то – жизненный крах. В любом варианте – это ситуация, требующая приспособления к новым социальным обстоятельствам [2].

Отдельного исследования заслуживает социальная адаптация молодежи, которая представляет собой сложный комплексный процесс включения молодых людей в новые для них обстоятельства «взрослой» жизни в трудовой, социальной, социокультурной, духовной сферах.

Наибольшую остроту эта проблема приобрела в постсоветский период, что связано с трансформационными процессами в российском обществе конца прошлого века. Идеологическая основа воспитания молодых поколений оказалась полностью разрушенной, а взамен ничего не было предложено. В результате существенно изменились ценностные ориентиры, значительно возросло социальное неравенство, проявившееся в ограниченности доступа значительной части молодежи к получению качественного образования, приобретению профессии и трудоустройству. Высокий уровень молодежной безработицы способствовал усилению социальной дезориентации. Все эти негативные процессы привели к росту алкогольной и наркозависимости, вовлечению части молодежи в криминальные группировки [3]. Для кризисных периодов вообще характерны негативные, регрессивные формы адаптации, которые по сути своей представляют разновидности социальной дезадаптации, чему способствует стремительное разрушение ранее характерных стереотипов поведения. В сложившихся обстоятельствах оказываются несостоятельными предыдущие представления о том, что собой являет российская молодежь, что влияет на формирование ее систем ценностей, интеграцию в политические, социальные, культурные процессы.

Все вышесказанное определяет, что социальная адаптация молодого поколения к реалиям современного российского общества представляется весьма актуальной и недостаточно изученной проблемой. Речь идет о времени настоящем, когда социальную адаптацию осваивает поколение, родившееся уже в постсоветский период. Современные рыночные отношения характеризуются динамичностью и многоаспектностью социальных ситуаций, предполагающих наличие умений к быстрой адаптации в стремительно изменяющихся обстоятельствах. Наличие множества негативных факторов, провоцирующих молодых людей на асоциальные поступки и поведение, предполагает адекватные методы управления процессами адаптации для этой категории населения. Тем самым подтверждается тезис о необходимости разработки и реализации соответствующей молодежной политики на всех уровнях управления.

В социологическом исследовании, проведенном Министерством спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации в 2010 г. выявлено, что в молодежной среде утвердились следующие основополагающие установки, характерные для общества с рыночной экономикой:

- индивидуализм - 27% респондентов ответили, что «нет ничего более ценного, чем я, любимый»;
- рационализм - 33,7% опрошенных полагают, что «целесообразность и выгода важнее идеалов и отвлеченных истин»;
- позитивизм - 34,9% участвовавших в опросе считают, что «реально лишь то, что можно практически использовать, а до остального мне дела нет».

Здесь же делается вывод о том, что современное молодое поколение успешно приспособилось к условиям новой экономики, научившись полагаться на собственные силы. Указывается на значение

такого фактора, приобщение с ранних лет к современным технологиям, благодаря чему, молодежь смело и быстро адаптируется к условиям их использования.

Как значимая представлена проблема межпоколенческих отношений, больше известная как проблема отцов и детей. Невосприятие ценностей старших поколений означает конфликт, и даже разрыв в преемственности основных ценностей семьи и общества. На вопрос «Существует ли межпоколенческая преемственность взглядов, ценностей, традиций?»:

- положительно ответили лишь 28% молодых россиян;
- на то, что преемственности не существует, указали 16%;
- более половины не смогли определиться с ответом, что также указывает на сложность межпоколенческих отношений [4].

В рейтинге основных ценностей нынешней молодежи преобладают такие как здоровье, материальное благополучие, семья, друзья, труд. Ценность труда, занимавшая ранее первые позиции, переместилась на пятое место, очевидно, в связи ослаблением такой идеологической составляющей как его общественная значимость [5].

Основой информационной и оценочной базы для данной статьи были определены материалы социологического мониторинга, проводимого Институтом экономических проблем Кольского НЦ РАН за последний, 2012 г. Исходя из имеющегося положительного опыта, был использован метод сопоставления: из массива социологической информации взята доля, приходящаяся на молодежь, и выполнено сопоставление ее мнений и оценок с остальной частью респондентов по тем вопросам, которые, на наш взгляд, в большей мере позволяют судить о степени социальной адаптации молодого поколения. В статье, в силу ограниченности ее объема, представлена лишь часть полученной информации.

Сопоставление выполнялось с учетом уровней адаптации, являющихся фазами единого процесса [6]:

а) микроуровень на котором происходит с тем или иным результатом адаптация к среде непосредственной жизнедеятельности (место проживания, ближайшее социальное окружение, условия жизни, учебы, профессиональной деятельности),

б) макроуровень предполагающий адаптацию, объектом которой выступает социум, общественные отношения и характер социальных взаимодействий (регион, страна). Адаптационный эффект проявляется в уровне интеграции индивида в обозначенные процессы, в формировании определенной социальной позиции.

Результативность деятельности местной власти в течение всего периода наблюдения оценивалась значительно ниже других властных структур, поскольку комфортность проживания в городе во многом зависит от этого уровня власти – отсюда и основные претензии именно к органам местного самоуправления. Молодежь весьма скромно, в пределах 5-балльной шкалы, оценила действия власти по таким направлениям как обеспечение общественной безопасности (3,3); доступность и качество медицинской помощи (2,8); доступность и качество профессионального образования (3,5); предоставление населению качественных услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства (2,5).

Наиболее острыми проблемами для семьи молодые респонденты обозначили низкий уровень жизни и высокие цены (42,4%), низкое качество инфраструктуры (ЖКХ, дороги) 39,5%, плохую экологическую обстановку (24,1%). Это факторы раздражения, озлобления, угнетения, отрицательно сказывающиеся на адаптационных процессах. В то же время, острота «взрослых» забот не столь болезненно воспринимается молодежью, на что указывают более негативные оценки обозначенных проблем остальной частью респондентов.

Важным аспектом социальной адаптации является принятие индивидом определенной социальной роли. Можно говорить о двух формах социальной адаптации: активной, когда индивид стремится воздействовать на среду с тем, чтобы изменить ее, и пассивной, конформной, когда он не стремится к такому воздействию. Опрос показал, что активность позиции в отстаивании своих интересов, как у молодежи, так и остальных респондентов, не столь велика: более 40% тех и других затрудняются ее определить, или не собираются ничего предпринимать.

В то же время, для того, чтобы улучшить личное благосостояние и социальное положение, молодежь предпочитает следующие действия: повысить образование (21,8%), сменить профессию и работу (29,5%), открыть свое дело (12,6%), уехать в другой регион, за границу (24,3%), выгодно жениться и активной использовать нужные связи (19%). Это показатели прагматичности, быстрой ориентации в обстоятельствах, а также достаточного потенциала территориальной и

профессиональной мобильности. С точки зрения результативности адаптационных процессов это следует оценивать положительно.

Одной из версий "психологического" подхода к оценке социальной адаптации является модель, включающая объективные тенденции развития условий жизнедеятельности и отображение этих тенденций в оценках и ожиданиях своего будущего. Жизненные перспективы, ориентация на успех, уверенность в будущем – важные показатели успешности адаптационного процесса. Доля тех представителей молодежи, которые «уверены и скорее уверены» в своем будущем составляет почти 35%. Уровень положительных ожиданий, в сопоставлении с остальной частью респондентов, у молодежи значительно выше, что представляется закономерным: отсутствие жизненного опыта при высокой доле оптимизма проявляется в большей степени уверенности в будущем. К сожалению, более половины молодых респондентов не ожидают изменений к лучшему или затруднились позиционировать себя в этом плане, что свидетельствует о несформированности личностной позиции и позволяет говорить о них как об объектах воздействия, но не субъектах деятельности.

Анализ адаптационных процессов на макроуровне позволил выявить следующие тенденции.

Показательным представляется распределение мнений молодежи на вопрос: «От кого, по Вашему мнению, в наибольшей мере зависит экономическое благополучие региона?». Почти в половине ответов (44,1%) продемонстрировано упование на федеральные власти при незначительном расчете на силы региона и муниципальных образований (22,6%) и населения (7,4). Это прямое указание на преобладание настроений социальной апатии, что следует оценивать как вариант адаптации в условиях, когда очевидна слабость регионов против властных рычагов Центра.

Оценка деятельности властных структур и социальных институтов и степень доверия к ним – категории различные, что очевидно из распределения мнений: если политическая обстановка в регионе, его позиция среди других регионов оценивается молодежью позитивно, то в доверии руководству региона большая часть и молодежи, и взрослого населения все-таки отказывает. Следует отметить, что уровень доверия считается одним из значимых показателей социальной адаптации.

Об уровне социальной адаптации молодежи можно судить и по показателям социального протеста. Это сумма показателей (недоверие к власти, невозможность влиять на решения властных структур, уровень неудовлетворенности материальными и экономическими обстоятельствами жизни и т.д.), определяющих ту или иную степень готовности к протестному поведению и действиям. В качестве основных протестных мер по защите своих интересов молодые северяне определили следующие: участие в митингах и демонстрациях (16%); выезд за пределы региона (13,8%) или страны (5,2%); готовность «пойти на баррикады» (13,5%). При этом вариант вступления в какую-либо политическую партию приемлемым для защиты своих интересов сочли лишь 2,3% респондентов [5].

Ответы на вопрос об участии в деятельности общественных организаций подтвердили мнение о социальной пассивности северной молодежи: более 80% не состоят ни в одной общественной организации.

Представленный в статье анализ процессов социальной адаптации молодежи позволяет сделать следующие выводы:

1. Процесс социальной адаптации молодежи происходит в условиях отсутствия в российском обществе четкой идеологической основы. Молодым людям приходится самостоятельно ориентироваться в множестве вариантов выбора: обогащение любыми средствами или приобретение высокой квалификации; пренебрежение нормами морали или следование им и т.д.;

2. Общечеловеческие ценности – здоровье, семья, друзья – не утратили своей роли, и в значительной степени являются жизненными ориентирами для молодежи.

3. Проведенное исследование выявило высокую степень неудовлетворенности молодежи основными показателями качества жизни – материальным положением, безопасностью жизнедеятельности, экологической ситуацией, ситуацией в здравоохранении, бездействием властных структур.

4. Сопоставление мнений молодежи и остального населения области по вопросам, характеризующим результативность социальной адаптации, показало:

а) на микроуровне, характеризующемся деятельностью индивида в близких ему социальных обстоятельствах, различия между указанными группами очевиднее, что указывает на существование специфики адаптационных процессов в молодежной среде. Личностная сфера оценивается молодыми респондентами более позитивно, чем сфера общественного сосуществования,

б) на макроуровне восприятие социальной действительности и уровень адаптированности к ней в большей степени соответствуют значениям социальной апатии и различаются незначительно

по сопоставляемым группам, что указывает на единство адаптационных условий и соответствующую им близость социальных процессов.

5. Основой стратегии социальной адаптации молодежи следует определить формирование ценностных ориентаций молодого поколения через проведение эффективной молодежной политики – как на уровне принципов, так и на уровне конкретной деятельности властных и общественных структур по делам молодежи.

Литература

1. Осипов. Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма. 2007.
2. Корчак Е.А., Корчак А.Д. Основные характеристики благосостояния населения Мурманской области в свете институциональных преобразований регионального развития. // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2012(29). № 1. С.62-66.
3. Кондратович Д.Л. Возможности исследования институциональной эффективности социальной организации и управления в северном регионе на основе социологической информации. // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011(28). № 2. С.94-98.
4. Ценностные ориентации молодежи в современных условиях» - отчет о социологическом мониторинге. Режим доступа: www.edu53.ru/np-includes/upload/2010/08/15/256.doc
5. Гущина И.А. Жизненные ориентиры и некоторые аспекты социального самочувствия молодежи Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2012 (31). № 3. С.52-53.
6. Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи // Социологические исследования, 2002. № 4. С.92-95.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕВЕРНОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*

Д.Л.Кондратович

к.э.н., доцент

Институт экономических проблем им Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые подходы к определению социального потенциала. Также выявляется специфика его формирования на уровне муниципальных образований северного региона (Мурманская область), которая обуславливается общественной деятельностью жителей муниципалитетов; удовлетворением требований для различных сфер общественной жизни, таких как: трудовая деятельность, культурное богатство, возможности реализации интересов к социополитической сфере и т.д.

Ключевые слова: социальный потенциал, муниципальные образования, северный регион, движение населения, состояние здоровья, уровень жизни, образ жизни, занятость, доходы

FORMATION OF SOCIAL CAPACITY POTENTIAL OF THE NORTHERN REGION AS A FACTOR OF SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT

D.L.Kondratovich

PhD (Economics),

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

Abstract. The article considers some approaches to social potential definition. The specificity of its formation is also revealed at the level of municipalities (the Murmansk region), which is caused by public activities of the municipalities' residents, meeting requirements for various spheres of public life such as labor activities, cultural wealth, potentialities for realization of interests in the socio-political sphere, etc.

Keywords: social potential, municipalities, northern region, population movement, state of health, living standard, life conditions, employment, incomes

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ 12-32-01295; 13-32-01266; 12-32-06001.

Формирование социального потенциала на уровне муниципального образования – это процесс непрерывного, сбалансированного культурного, образовательного, социально-экономического развития, при котором обеспечиваются условия, необходимые для возрастающего воспроизводства человеческого потенциала и расширения возможностей человека.

Весь мировой опыт говорит о том, что успешное развитие современной экономики невозможно без поворота к нуждам и потребностям человека, его культурному и образовательному совершенствованию. Социально-экономические трансформации последних десятилетий в России коренным образом изменили условия жизнедеятельности людей. Адаптация к ним значительной части населения России происходит с большими социальными издержками, усугубляясь многочисленными просчетами в государственном регулировании.

Социальный потенциал городов северного региона во многом определяется социальной активностью жителей муниципальных образований; удовлетворением потребностей в различных сферах общественной жизни, таких как: трудовая деятельность, духовные ценности, возможности реализации своих интересов в социально-политической сфере и т.д. Также социальный потенциал определяется факторами, непосредственно детерминирующими потенциал личности, а именно: здоровье, образование, профессионализм, карьера, материальное благосостояние, иными словами, социальные ресурсы отражают возможности социального потенциала в области удовлетворения общественных потребностей.

Таким образом, социальный потенциал муниципальных образований северного региона характеризуется в основном индикаторами, отражающими качество жизни населения, такими как состояние здоровья, образование, уровень и образ жизни и др. В тоже время социальный потенциал является основой устойчивого социально-экономического развития муниципального образования.

К структуре социального потенциала муниципального образования относят:

- культурное богатство и культурный потенциал территории,
- природное богатство и природный потенциал,
- мера социальной защищенности членов общества,
- национальные традиции и некие устойчивые цивилизационные особенности,
- экономическая роль муниципального образования и экономическая роль гражданского общества,
- система отношений солидарности.

Исходя из современных трактовок к исследованию социального развития, социальный потенциал муниципального образования следует понимать, в том числе и как человеческий потенциал, то есть возможности, которыми располагает человек для своего развития.

При оценке социального потенциала муниципальных образований многие исследователи опираются в основном на показатели государственной статистики, задача которой заключается в оценке ситуации в целом, что позволяет дать стартовую характеристику для последующих исследований. Однако оценка социального потенциала на локальном уровне только на основе статистических данных часто бывает достаточно затруднительной, так как не позволяет выработать конкретные управленческие решения по улучшению благосостояния населения. В целях конкретизации управленческих решений, на наш взгляд, можно применить метод социологической оценки потенциала муниципальных образований, с использованием широкого набора оценочных показателей, в основе которых заложены субъективные оценки жителей по ряду наиболее сложных вопросов.

Проблема низкого качества здравоохранения беспокоит жителей Апатитов, ЗАТО, Кандалакши и Оленегорска, что, к сожалению, происходит на фоне проводимой модернизации сфер здравоохранения и образования, ориентированной позитивные изменения. Низкое качество и труднодоступность медицинской помощи негативным образом сказываются на уровне здоровья жителей Мурманской области. На уровень здоровья оказывает влияние и неблагоприятная ситуация в сфере социально-экономического развития, неблагоприятная экологическая ситуация, а также непосредственно негативные тенденции в развитии системы здравоохранения в последние годы.

Социологические исследования, проведенные сотрудниками отдела социальной политики на Севере ИЭП КНЦ РАН в период с 2008 по 2012 гг., также показывают, что материальное положение жителей Мурманской области за данный период существенно не изменилось к лучшему. Тем не менее, более половины жителей муниципальных образований не хотели бы уезжать из мест своего проживания, с которыми их связывают прочные духовные и материальные связи. Многие продолжают надеяться на лучшее, считают временными те трудности, которые они переживают.

Однако, вызывает тревогу тенденция к переезду в другие регионы России тех категорий граждан, чей профессиональный уровень, позволяет им иметь более высокие доходы, а также молодого поколения, не имеющего возможности найти работу с достойным уровнем заработной платы по месту жительства. То есть происходит отток именно тех категорий населения, которые обладают высоким потенциалом и могли бы внести существенный вклад в развитие муниципальных образований непосредственно Мурманской области.

Очевидным является и то обстоятельство, что формирование социального потенциала зависит от социальной стабильности в целом. Социальная стабильность определяется как сложная система, поддерживающая качественные условия жизнедеятельности людей, их материальное благополучие, а также уверенность в завтрашнем дне. Сохранение стабильности невозможно без противодействия внешним и внутренним угрозам. К внутренним угрозам можно отнести рост алкоголизма и наркомании, рост коррупции и некоторые другие проблемы [2].

Специфика формирования социального потенциала в Мурманской области определяется также наличием множества монопрофильных поселений, включающих города горнодобывающего комплекса с крупными градообразующими предприятиями и закрытые территориально-административные образования оборонного назначения (ЗАТО). Они характеризуются узкой специализацией деятельности, что затрудняет процесс формирования естественных условий для развития [1].

Мурманская область сталкивается в последние годы с проблемой удержания и привлечения специалистов. С каждым годом эта ситуация только обостряется, что уже наблюдается по целому ряду специальностей (врачи, медицинский персонал, работники инженерных и технических специальностей, строители, работники жилищно-коммунального сектора, общественного питания и торговли, специалисты рыбообработки).

Очевидно также, что и демографическая ситуация во многом зависит от доступности и качества медицинского обслуживания, а отсутствие комплексного подхода к решению проблем здравоохранения, существенно влияет демографические показатели.

В результате миграционного оттока в большинстве муниципальных образований складывается неблагоприятное отношение численности населения моложе трудоспособного возраста к численности населения старше трудоспособного возраста, что в последующий период может привести к возникновению проблем в сфере формирования как социального потенциала в целом, так и трудового в частности [3].

Важнейший показатель развития социального потенциала региона образовательный уровень населения. В области он выше средних показателей по РФ и практически соответствует уровням, достигнутым в странах Северной Европы.

По мнению жителей Мурманской области в целях развития социального потенциала муниципальных образований необходимо больше уделять внимания развитию сети общеобразовательных учреждений, обеспечению обязательного общего полного образования, обеспечению учебных учреждений квалифицированными педагогическими кадрами, развивать материально-техническую базу образовательных учреждений, а также оснащать учебных учреждений современными техническими средствами.

Следует также отметить, что формирование и развитие социального потенциала муниципальных образований северного региона во многом определяется возможностями удовлетворения основных потребностей населения, что неразрывно связано процессом повышения уровня и качества жизни жителей. Это отражается на качестве воспроизведенных социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов городов Севера. Социальный потенциал также является признаком устойчивого социально-экономического развития региона.

В Мурманской области разработана Концепция Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года [2], в которой отражены основные центры роста экономики региона. В целом Концепция является сбалансированной, но ряд вопросов в быстроменяющихся условиях требует усиления. В частности, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на условия формирования социального потенциала северного региона, которые связаны с решением множества проблем развития человека. Это, в свою очередь, вызывает необходимость создания такой системы социально-экономического устройства, которая открывала бы простор для его всестороннего совершенствования каждого жителя, проживающего в сложных климатических условиях. Единого рецепта построения такой системы не существует, и при заметном нарастании общности главных направлений и многих форм экономического и социального развития каждый

регион создает и реализует свою модель, отражающую его специфику. Мурманская область не может быть исключением из общего правила и должна выработать собственную доктрину, стратегию и модель социально-экономического развития в целях сбережения и развития социального потенциала. Доктрина социального развития Мурманской области должна содержать ясные, четко сформулированные идеи развития, стратегию и тактику, связанную с формированием и активизацией социального потенциала каждого муниципального образования, учитывающие факторы, условия и средства, ориентированные на устойчивое экономическое развитие региона.

Таким образом, основой социально-экономического развития северного региона должно стать формирование социального потенциала как совокупности социальных, экономических и организационно-управленческих ресурсов обеспечивающих устойчивое развитие муниципальных образований.

Литература

1. Гущина И.А., Довиденко А.В. Некоторые аспекты социальной жизни в малых городах северного региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011 (28). № 2. С.80-84.
2. Гущина И.А., Положенцева О.А. Влияние кризиса на уровень социальной стабильности в Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011 (28). № 2. С..84-86.
3. Концепция Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года. Режим доступа: http://economics.gov-murman.ru/ekonomika_oblast
4. Муниципальные образования Мурманской области. Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2011. 194 с.
5. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-32-01295 «Определение условий развития социального потенциала муниципальных образований северного региона»; РГНФ 13-32-01266 «Исследование и разработка принципов управления социально-экономическим развитием северного региона, ориентированных на индикаторы качества жизни»; часть результатов получена в рамках выполнения проекта по гранту РГНФ № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг.

АРКТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СЕВЕРНЫХ СТРАН КАК ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ³

Е.А.Корчак

к.э.н., доцент

Институт экономических проблем им Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Всевозрастающее значение Арктики обуславливает разработку и реализацию «арктической политики». Основа такой политики – устойчивое развитие, ориентирующее экономику территорий арктической зоны на обеспечение текущих экономических и социальных потребностей с учетом интересов коренного населения.

Ключевые слова: Арктика, политика, Норвегия, Финляндия, Швеция, Дания.

ARCTIC STRATEGIES OF THE EUROPEAN NORDIC STATES AS THE MAIN TOOLS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE

E.A.Korchak

PhD (Economics)

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

³ Исследование проведено в рамках гранта РГНФ №13-12-51010 «Коренные народы и устойчивое развитие местных сообществ Севера и Арктики РФ».

Abstract. The increasing importance of the Arctic causes the development and implementation of the «Arctic policy». The basis of the policy is sustainable development, directing the economy of the arctic territories towards ensuring the current economic and social needs taking into account interests of the indigenous population.

Keywords: the Arctic, policy, Norway, Finland, Sweden, Denmark

Арктика – это специфический регион, стратегическая роль которого определена природно-ресурсным, экономическим и человеческим потенциалом. Всевозрастающее значение Арктики обуславливает разработку и реализацию «арктической политики», основой которой является устойчивое развитие, ориентирующее хозяйственную деятельность в регионе на удовлетворение нынешних экономических и социальных потребностей с учетом интересов коренного населения Севера [1].

Активную роль в Арктике играют страны, имеющие в своем составе арктические территории, межправительственные организации (Арктический совет, Совет Баренцева Евро Арктического региона, Совет министров северных стран), администрации регионов (фюльке, провинций, округов) и муниципалитетов, организации коренных народов, неправительственные организации, а также транснациональные корпорации (горнодобывающие, нефтегазовые, транспортные) [1, 2].

Европейский союз позиционирует себя непосредственным участником арктической политики за счет арктического статуса стран-членов – Дании, Финляндии и Швеции [3] (Исландия и Норвегия являются членами Европейской экономической зоны; Канада, Россия и США - стратегическими партнерами ЕС [4]), «играющим» роль институциональной силы посредством внедрения стандартов поведения присутствующих в арктическом регионе стран [3]. В соответствии с арктической политикой Европейского союза (The European Union and the Arctic Region, 2008 г.), основные его интересы в Арктике сосредоточены в энергетической и научно-исследовательской сферах, охране окружающей среды и изменении климата [3, 4]. Евросоюз заинтересован в проведении скоординированной арктической политики, основными целями которой являются [4] сохранение природной среды и автохтонного населения (предотвращение или смягчение негативных последствий изменения климата, разработка экосистемного подхода к управлению человеческой деятельностью, защита прав и интересов коренных народов и т.п.); обеспечение добычи ресурсов, не наносящей ущерб окружающей среде (эксплуатация арктических углеводородных ресурсов в строгом соответствии с экологическими стандартами и с учетом особой уязвимости Арктики; обеспечение устойчивой эксплуатации рыбных ресурсов с учетом прав и интересов местных прибрежных общин; устойчивое развитие туризма с минимизацией его воздействия на окружающую среду и с учетом извлечения из сферы туризма выгод для местных сообществ и т.п.); участие в многостороннем управлении жизнедеятельностью в Арктике (трансграничное сотрудничество и реализация региональных программ по укреплению сотрудничества с арктическими государствами).

Численность населения Исландии, полностью расположенной в арктической зоне, по оценкам на 01.01.2012 г. составила 319,6 тыс. чел. [5] (ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 80,9 лет⁴, средний возраст населения – 35,6 лет⁵, уровень безработицы – 7,4%⁶). К основным отраслям экономики республики относятся рыболовство, производство гидроэнергии, алюминия и минеральных удобрений, к числу передовых наукоемких технологий - исследования по использованию водорода в качестве альтернативного вида топлива и т.п. [6].

«Арктическая стратегия Исландии вписывается в контекст общей европейской стратегии, что объясняется ограниченностью ресурсов для осуществления в одиночку дорогостоящих арктических проектов [7]». Общие принципы арктической стратегии Исландии изложены в «Nordic cooperation on foreign and security policy» («докладе Столтенберга», подготовленном в 2008 г. по заказу правительств скандинавских стран), в соответствии с которым республика заявляет о своих правах на арктический шельф и об участии в планировании действий в чрезвычайной обстановке в морских зонах, где ожидаются повышенная интенсивность движения судов и борьба за природные ресурсы [7]. Целями такой политики являются [8]: северная стабилизация (развертывание оперативных групп из военных и гражданских лиц для помощи государствам, пострадавшим от крупных внутренних беспорядков или в других критических ситуациях); сотрудничество северных стран в наблюдении за исландским воздушным пространством; развитие северной морской системы мониторинга; создание береговой охраны и спасательных служб; социальная безопасность; ликвидация последствий

⁴ Statistics Iceland. Режим доступа: <http://www.statice.is/Statistics/Population>.

⁵ Демография Исландии. Режим доступа: <http://ru.worldstat.info/Europe/Iceland>.

⁶ Iceland Unemployment rate. Режим доступа: http://www.indexmundi.com/iceland/unemployment_rate.html.

стихийных бедствий; расследование военных преступлений; сотрудничество северных стран с другими странами; военное сотрудничество в сферах здравоохранения (создание северного медицинского подразделения), образования и подготовки управленческих кадров, технического обслуживания и модернизации боевой техники.

В состав северных территорий Дании входят ее автономные территории Гренландия и Фарерские острова общей площадью 3 млн км² (14% площади Арктики) [9] и общей численностью населения 104,9 тыс. чел. или 1,9% населения страны [5] (ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 74,9 года, средний возраст населения – 34,2 года, уровень безработицы – 6,8%⁷). Численность населения Гренландии на 01.01.2012 г. составила 56,6 тыс. чел. (ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 71 год, средний возраст населения – 33,6 года, уровень безработицы – 6,8%⁸), основные народы на территории Гренландии – это гренландские эскимосы (инуиты), составляющие 89% всего населения. Численность населения Фарерских островов составила 48,3 тыс. чел. (ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 79,5 лет, средний возраст населения – 35 лет⁹, уровень безработицы – 6,8%¹⁰).

Экономика Гренландии сосредоточена на свободной от материкового льда прибрежной полосе, основными статьями экспорта являются рыбопродукты – 85% (переработанные креветки, по производству которых Гренландия занимает ведущее место в мире); около половины доходной части бюджета Гренландии составляет ежегодная финансовая дотация Дании¹¹. Основными отраслями экономики Фарерских островов являются рыболовство, овцеводство, лёгкая промышленность; Данией также ежегодно выделяется блок-помощь Фарерским островам на осуществление делегированных местному Правительству полномочий¹².

Инструментом арктической политики Дании является «Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011-2020» [10] (разработанная и реализуемая по согласованию с органами местного самоуправления Гренландии и Фарерских островов, 2010 г.), включающая такие аспекты, как:

- мир и безопасность Арктики: мирное сотрудничество с учетом Конвенции ООН по морскому праву, расширение морской безопасности, соблюдение суверенитета;
- самостоятельный рост и развитие: устойчивая эксплуатация минеральных, биологических ресурсов, интеграция в международную торговлю, сотрудничество в Арктике по вопросам здравоохранения и социального развития;
- уязвимость климата, окружающей среды и природы;
- международное сотрудничество.

Одна из главных задач арктической политики Дании – содействие устойчивому росту и социальной стабильности посредством [10]:

- поддержки адаптивности и мобильности населения арктической зоны с учетом изменений климата, которые могут повлечь в будущем реструктуризацию промышленности и изменения в социальном развитии территорий, в т.ч. профессиональная подготовка высококвалифицированных кадров горнодобывающей промышленности и видов морской деятельности с учетом специфических условий жизнедеятельности в Арктике и с привлечением представителей коренных народов;
- реализации местных проектов развития инфраструктуры с целью вовлечения малых поселений арктической зоны в сферу туризма; сотрудничество Дании, Гренландии и Фарерских островов в сфере здравоохранения, экологической медицины, а также развитие телемедицины в Гренландии;
- обеспечения социальной устойчивости развития основных отраслей промышленности, в т.ч. максимально возможное использование местного населения в качестве рабочей силы, обеспечение безопасности здоровья и окружающей среды, распределение ресурсной ренты в пользу местного сообщества, а также обеспечение участия населения в развитии промышленного сектора;
- сохранение культурного наследия, укрепление прав коренных народов и поддержание продуктивной деятельности их общин; сотрудничество Дании, Гренландии и Канады в реализации

⁷ Denmark Age structure. Режим доступа: http://www.indexmundi.com/denmark/age_structure.htm

⁸ Greenland Demographics Profile 2012. Режим доступа: http://www.indexmundi.com/greenland/demographics_profile.html

⁹ Faroe Islands Age structure. Режим доступа: http://www.indexmundi.com/faroe_islands/age_structure.html

¹⁰ Faroe Islands Unemployment rate. Режим доступа: http://www.indexmundi.com/faroe_islands/unemployment_rate.html

¹¹ Гренландия (административная единица). Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Гренландия_\(административная_единица\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гренландия_(административная_единица))

¹² Фарерские острова. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Фарерские_острова.

проектов, касающихся вопросов семьи и гендерного равенства; проведение летних школ для школьников с целью стимулирования молодежи к проведению научных исследований в области геологии и биологии, обеспечения возможностей получения образования в Дании и США, совершенствования английского языка в школах Гренландии.

В состав северных территорий Финляндии входят территории северных провинций Лапландии (с территориями, входящими в арктическую зону), Северной Остроботнии и Кайнуу с общей численностью населения 662,5 тыс. чел. или 12,3% населения страны [5] (ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 78,7 лет, средний возраст населения – 40,6 лет, уровень безработицы – 11,7%¹³).

Основными сферами экономики этих территорий Финляндии являются сельское хозяйство, рыболовство, лесная промышленность, животноводство, горнодобывающая промышленность; на территории Лапландии находится Саамский регион Финляндии [11].

В соответствии с арктической стратегией Финляндии «Finland's Strategy for the Arctic Region» (2010 г.) [12], аспектами развития арктического региона страны являются:

- уязвимость природы: международное сотрудничество в решении экологических проблем, разработка региональных климатических моделей и долгосрочный мониторинг состояния окружающей среды, содействие ядерной безопасности, экосистемный подход в использовании природных ресурсов региона,

- экономическая активность и инновации: позиционирование Финляндии в качестве международного эксперта в области инноваций, инвестиций, научных исследований, усиление присутствия Fimpro в Баренцевом регионе,

- транспорт и инфраструктура: развитие транспортных коммуникаций, совершенствование международных правил безопасности судоходства и защиты окружающей среды,

- коренные народы: обеспечение участия коренных народов в решении вопросов, затрагивающих их жизнедеятельность; повышение статуса коренных народов в Баренцевом регионе,

- международное сотрудничество: укрепление роли Арктического Совета, активное сотрудничество в Баренцевом регионе.

В состав арктической зоны Швеции входят территории лёнов Норрботтен (с территориями, входящими в арктическую зону) и Вестерботтен с населением 508,1 тыс. чел. или 5,3% населения страны [5] (ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 80,9 лет, средний возраст населения – 42,4 лет, уровень безработицы – 7,6%¹⁴); коренные народы – финны и саамы. Основными отраслями экономики территорий являются туризм, целлюлозно-бумажная и деревообрабатывающая промышленность, машиностроение, рыболовство и оленеводство [13].

Инструментом арктической политики Швеции является «Sweden's strategy for the Arctic region» (2011 г.) [14], в основе которой заложены следующие приоритеты шведской политики в Арктике:

- климат и окружающая среда (сохранение и устойчивое использование биоразнообразия с учетом интересов коренных народов и т.п.),

- экономическое развитие (добыча природных ресурсов и использование возобновляемых ресурсов на устойчивой основе, устойчивое развитие туризма, развитие оленеводства, расширение доступа к телекоммуникационным технологиям),

- человеческое измерение (развитие телемедицины в сельской местности с целью повышения уровня здоровья населения и увеличения ожидаемой продолжительности жизни; участие предприятий в развитии местных общин, соблюдение ими социальных прав человека, социальная ответственность; укрепление знаний о процессах традиционной жизнедеятельности коренных народов, сохранение их культуры и языка, адаптация коренных народов к изменениям арктического

¹³ Рассчитано по: Vaeston keski-ika Lapin seutukunnissa 1980-2011. Режим доступа: http://www.lapinliitto.fi/c/document_library/get_file?folderId=52584&name=DLFE-12567.pdf; Pohjois-Pohjanmaan maakuntaohjelman 2011-2014. Режим доступа: www.tem.fi; Väestön ikäjakauma. Режим доступа: <http://www.fennica.ascientia.fi>; Hallänningar lever längst. Режим доступа: <http://fof.se/tidning/2010/7/hallanningar-lever-langst>

¹⁴ Рассчитано по: Västerbotten. Режим доступа: <http://www.nyhetskungen.se/Västerbotten/sida3>; Pa tal om kvinnor och man i Norrbotten. Режим доступа: http://www.lansstyrelsen.se/norrboten/SiteCollectionDocuments/Sv/manniska-och-samhalle/jamstalldhet/KvM_BD_12_web.pdf; Sweden. Life expectancy at birth. Режим доступа: <http://www.indexmundi.com/sweden/life-expectancy-at-birth.html>; Уровень безработицы в Швеции. Режим доступа: <http://svspsb.net/sverige/grafik.php?g=urovenj-bezraboticy>.

климата; развитие сферы культуры как важного фактора привлечения рабочей силы в арктические территории; профессиональная подготовка высококвалифицированных кадров с учетом специфических условий жизнедеятельности в Арктике; развитие международного научного сотрудничества с целью повышения качества образования),

– арктическое сотрудничество (обеспечение сохранения Арктики как региона с низкой политической напряженностью; укрепление роли Арктического совета в качестве центрального многостороннего форума по арктическим вопросам и органа сотрудничества в Баренцевом Евро арктическом регионе; содействие разработке арктической политики Европейского Союза и подключению ЕС к арктическим делам в качестве партнера по сотрудничеству; осуществление проектов сотрудничества в Арктике в соответствии с нормами международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву и др.).

В состав северной части Норвегии¹⁵ (Нур-Норге) входят территории северных фюльке Финнмарк, Тромс и Нурланн, а также арктическая территория Шпицберген (Свальбард), общей численностью населения 472,7 тыс. чел. или 9,5% населения страны [5] (ожидаемая продолжительность жизни при рождении – 80,3 лет, средний возраст населения – 39,5 лет, уровень безработицы – 2,7%¹⁶). Коренное население Норвегии – саами. Основными сферами экономики северных территорий страны являются рыбная промышленность, добыча полезных ископаемых и глубоководная разведка нефти [15].

Цель арктической стратегии Норвегии «The High North: visions and strategies» (2011 г.) [16] – создание в Арктике условий для совместного существования экономики и местного сообщества в экологически безопасных и устойчивых рамках посредством достижения следующих приоритетов:

1) новый энергетический регион: развитие нефтегазовой отрасли во взаимосвязи с другими отраслями промышленности и с учетом интересов местных сообществ в рамках комплексного управления, основанного на экосистемном подходе. Реализация направления должна способствовать развитию промышленности и сферы обслуживания в арктической части страны, а также укреплению европейской энергетической безопасности в целом,

2) новая промышленная эра: развитие знаний о новых возможностях развития промышленности, создание новых видов деятельности, устойчивое управление рыбными запасами и морская биоразведка, надлежащее использование морских углеводородных ресурсов, а также более широкое использование газа в промышленных целях в экологически безопасном направлении и в рамках политики страны в области климата,

3) комплексное управление морскими районами: целостное и долгосрочное управление морскими районами, сохранность культур экосистем, развитие наукоемкого управления окружающей средой и ресурсами,

4) рост привлекательности Северного ледовитого океана: развитие сотрудничества с РФ в целях обеспечения большей надежности и эффективности морской деятельности, а также усиление потребности в управлении северными морскими районами, определение объемов поисково-спасательных работ и аварийной готовности при нефтяных загрязнениях в будущем,

¹⁵ Норвегия в национальных нормативно-правовых актах не дает определения своих арктических территорий. Однако при принятии в 1997 г. Руководства по проведению морских работ по нефти и газу в Арктике определила, что арктическую территорию Норвегии образуют районы Норвежского моря севернее 65° с.ш. Площадь полярных владений Норвегии, отсчитанных от Северного полярного круга, — 2,7 млн км² (13% площади Арктики), включая акваторию, окружающую Шпицберген (см., например: Мазур И.И. Арктика – точка бифуркации в развитии глобального мира. Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130860/>)

¹⁶ Рассчитано по: Демография Норвегии. Режим доступа: <http://ru.worldstat.info/Europe/Norway>; Kommune Profilen. Режим доступа: http://statistikknett.no/profil/befolkning/DinRegion/bef_alder_region.aspx; Statistics Norway. Режим доступа: <http://www.ssb.no/english/>; KONFIDENSINTERVALLER FOR REGIONALE LEVEALDERESTIMATER. Режим доступа: <https://www.duo.uio.no/bitstream/handle/123456789/16923/masteroppgavexHildexEirinxPedersen.pdf?sequence=1>; Уровень безработицы в Норвегии. Режим доступа: <http://www.knigafactov.ru/norway/unemployment-rate>; Ledighet på 2,4% i Troms fylke i juli 2011. Режим доступа: <http://www.nav.no/Lokalt/Troms/Ledighet+på+2%2C4%25+i+Troms+fylke+i+juli+2011.284661.cms>; Nest flest arbeidsledige i Finnmark. Режим доступа: <http://www.desk.no/a/154794/tv-på-tv-program-program/nest-flest-arbeidsledige-i-finnmark/>; Liten stigning i ledigheten. Режим доступа: <http://www.blv.no/lokalsider/article5685531.ece>

5) глобальный банк знаний по вопросам окружающей среды, климата и общества: решение задач в области окружающей среды, связанных с уязвимостью природы региона, существующим переносом загрязнений на дальние расстояния, наличием опасных отходов на границе с РФ (в т.ч. ядерных), а также развитие экономики с учетом состояния окружающей среды,

6) инновационное сотрудничество: развитие и укрепление Арктического совета, Баренцева совета и Северного измерения, создание прочных связей, стимулирующих поиски успешных политических решений в отношениях между арктическими государствами, международное сотрудничество в рамках повышения уровня знаний по окружающей среде и национальной безопасности, постепенная интеграция рынков труда, международное сотрудничество в области образования и т.п.,

7) новый геополитический центр: норвежско-российское сотрудничество в военной области и в области контроля над рыболовными промыслами в Баренцевом море, соблюдение основополагающих международных правовых принципов, уважение прав и соблюдение ответственности прибрежных государств.

Социальная составляющая арктической стратегии Норвегии включает укрепление основ занятости и рост благосостояния населения страны посредством определения региональных и национальных приоритетов в сотрудничестве с арктическими странами, а также коренными народами. К числу таких приоритетов относятся проведение долгосрочной политики занятости и укрепление основ благосостояния населения всей страны посредством приоритетного развития отраслей нефтяной и газовой промышленности, а также сферы рыболовства; содействие развитию предпринимательства среди молодежи; содействие развитию туризма посредством инвестирования развития транспортной инфраструктуры; содействие в активизации деятельности коренных народов и в развитии их культуры, создание рабочих мест для коренных народов и поддержание их уровня жизни.

Таким образом, «арктический интерес» стран Северной Европы связан с обеспечением безопасности Арктики в рамках модели устойчивого развития арктических территорий, основными элементами которой являются рациональное природопользование, защита окружающей среды и международное сотрудничество (сегодня в международном сотрудничестве преобладает взаимодействие между неправительственными организациями). В отличие от Американского Севера, арктические стратегии стран Северной Европы – социально направлены и предусматривают соблюдение прав и содействие в активизации жизнедеятельности коренных народов, а также активную политику занятости с учетом специфических условий жизнедеятельности в Арктике.

Литература

- 1 Мазур И.И. Арктика – точка бифуркации в развитии глобального мира. Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130860/>
- 2 Сергунин А., Коньшев В. Арктические стратегии стран Северной Америки и Россия. Режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=27>
- 3 Уткин С. ЕС и Арктика: присматриваясь к будущему. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/index.php?id_4=261
- 4 The European Union and the Arctic Region. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52008DC0763:EN:NOT>
- 5 Arcticstat [Электронный ресурс]: URL: <http://www.arcticstat.org>
- 6 Экономика Исландии. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Исландии
- 7 Студнева Е. Россия и Исландия: арктическое притяжение. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=816
- 8 Thorvald Stoltenberg. NORDIC COOPERATION ON FOREIGN AND SECURITY POLICY. Режим доступа: http://www.mfa.is/media/Frettatilkynning/Nordic_report.pdf
- 9 Государственная политика в Арктике. Режим доступа: http://library.narfu.ru/sites/arctic/rus/info/gosud_politika_v_arktike/Pages/gosud_politika_v_arktike.aspx#e
- 10 Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011-2020. Режим доступа: http://um.dk/en/~media/UM/English-site/Documents/Politics-and-diplomacy/Arktis_Rapport_UK_210x270_Final_Web.ashx
- 11 Финляндия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Финляндия>

- 12 Finland's Strategy for the Arctic Region. Режим доступа: <http://vnk.fi/julkaisukansio/2010/j07-suomen-arktinen-08-finlands-strategy/pdf/en.pdf>
- 13 Экономика Швеции. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Швеции
- 14 Sweden's strategy for the Arctic region. Режим доступа: <http://www.government.se/content/1/c6/18/61/74/9168f21a.pdf>
- 15 Экономика Норвегии. Отрасли экономики. Режим доступа: <http://norvegiya.org/blogcategory/otrasli-ekonomiki/>
- 16 The High North: visions and strategies. Режим доступа: http://www.regjeringen.no/en/dep/ud/campaigns/the-high-north/high_north_visions_strategies.html?id=663591

ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Т.Г.Майков

**начальник отдела менеджмента качества
МГТУ, г. Мурманск**

О.В.Петко

**д.э.н., профессор
г.Санкт-Петербург**

Аннотация. Представленная статья посвящена проблемам прогнозирования социально-экономического развития Мурманской области, а также учёта интересов региона в контексте реализации национальной стратегии развития Арктической зоны РФ.

Ключевые слова: Стратегия социально-экономического развития; сценарный подход; изменение конъюнктуры мировых рынков; перенос сроков реализации Штокмановского проекта; система прогнозирования.

CHALLENGES OF FORECASTING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MURMANSK REGION

T.G.Maikov

**head of department of quality management
Murmansk State Technical University, Murmansk**

O.V.Petko

**Doctor of Sciences (Economics), professor
St. Petersburg**

Annotation. The article is devoted to the challenges of forecasting socio-economic development of the Murmansk region as well as taking into account interests of the region in the frameworks of implementation of the national strategy of the RF Arctic zone development.

Keywords: Strategy of socio- economic development; scenario approach; change of the world market situation; postponement of Shtokman project; forecasting system

Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года определяет Мурманскую область, как стратегически значимый форпост Российской Федерации в Арктике и Северной Атлантике, обладающий значительным потенциалом, позволяющим преодолеть последствия кризисного периода и перейти к устойчивому модернизированному социально-экономическому развитию. Этому способствует новая российская стратегическая политика в отношении Арктики, на основе которой разработаны масштабные экономические проекты, касающиеся развития транспорта и вовлечения в хозяйственный оборот углеводородных и водных биологических ресурсов Северного Ледовитого океана, а также оборонной и стратегической функций приморских территорий и прибрежных акваторий Мурманской области [1].

В данном контексте перспективы социально-экономического развития Мурманской области подробно рассматриваются как в национальных, так и в региональных Стратегиях, Программах развития и других документах программно-целевого характера.

При этом, сценарии развития, как правило, разрабатываются на основе показателей, полученных в результате экстраполяции основных демографических и экономических трендов последних десятилетий, мало учитывающих влияние существующих внешнеэкономических, экологических, социальных, политических и других рисков. Наиболее существенными при этом могут оказаться несовпадения прогнозных оценок с фактически складывающейся динамикой при средне- и долгосрочных прогнозных построениях.

Ярким примером подобной ситуации может являться прошлая версия энергетической стратегии до 2020 г., принятая Правительством РФ в 2003 г. Тогда, даже согласно оптимистическому сценарию, темпы экономического роста на долгосрочную перспективу оценивались менее чем в 5%. В действительности в 2004-2007 гг. они составили около 7 процентов. Как сложится экономическая динамика в последующий (до 2020 г.) период, безусловно, точно не известно. Тем не менее ясно, что, по крайней мере, в среднесрочном периоде предыдущая версия энергетической стратегии не смогла сыграть предупреждающую роль в прогнозировании серьезных дефицитов в энергетической сфере и особенно в электрогенерации.

В настоящее же время неблагоприятные, в том числе шоковые изменения конъюнктуры мировых рынков, вновь вызвали необходимость пересмотра временных и экономических параметров прогнозируемых сценариев реализации национальных, региональных и отраслевых стратегий развития.

Так, в августе 2012 года официальными представителями ОАО «Газпром» фактически была признана экономическая нерентабельность проекта освоения шельфового месторождения «Штокман» и заявлено о переносе окончательного инвестиционного решения по нему. Определяющую роль в этом сыграли последствия «Сланцевой революции» в результате внедрения в промышленную эксплуатацию технологии добычи газа из залежей сланцевых пород Северной Америки. Предполагалось, что США будут основным рынком сбыта штокмановского газа, однако освоение сланцевых месторождений коренным образом изменила ситуацию, как в Америке, так и на мировом рынке в целом. По состоянию на 2012 г. газ в США стал стоить существенно дешевле, чем в России. Кроме того, ожидается дальнейшее падение цен после строительства мощностей для экспорта сжиженного газа за пределы Северной Америки[2, с. 9].

В данном контексте на сегодняшний день в корректировке нуждается ряд прогнозов и программ, затрагивающих как региональные, так и общенациональные стратегии развития арктической зоны.

В виду того, что Штокмановский мегапроект рассматривался как один из ключевых факторов, определяющих стратегию освоения арктических ресурсов, а также являлся базисом стратегии социально-экономического развития Мурманской области, его заморозка привела к осознанию необходимости разработки плана первоочередных мер, направленных на решение наиболее важных проблем развития региона.

Одной из ключевых тем, выступающих при этом на передний план, является мазутозависимость региона.

В настоящее время более 80% отпускаемой тепловой энергии в Мурманской области вырабатывается котельными, работающими на ввозимом мазуте. Складывающаяся в рыночных условиях цена на топочный мазут значительно превышает размер топливной составляющей в тарифе на тепловую энергию.

Высокие цены в результате провоцируют достаточно большие долги перед теплоснабжающими предприятиями внутри региона, усиливая тарифный дисбаланс. Так, накопленные ими в период с 2005 по 2012 гг. убытки, даже с учётом полученных компенсаций из бюджетов различных уровней, составляют более 12 млрд руб. (около 30% доходной части бюджета Мурманской области). В бюджете 2012 г. субсидии на компенсацию недополученных теплоэнергетиками доходов составляют 2,5 млрд руб., при этом общая сумма их убытков оценивается в сумму около 5 млрд, что крайне негативно сказывается на развитии жилищно-коммунального и топливно-энергетического сектора Мурманской области, так как денежные средства, которые могли бы быть вложены в инфраструктурное развитие коммунальной системы региона, направляются на погашение задолженностей предприятий перед поставщиками топлива.

Именно по этой причине после заморозки Штокмановского проекта вопрос газификации Мурманской области приобрёл новую актуальность.

Преимущества масштабного перевода котельных области на газ видится органам региональной исполнительной власти в возможности значительной экономии средств регионального

бюджета и населения в результате снижения цены на теплоносители, которая сегодня составляет до двух третей оплаты за жилищно-коммунальные услуги. Кроме того, использование газа несёт меньшую экологическую нагрузку на окружающую среду.

Однако, при всей остроте проблемы мазутозависимости Мурманской области, целесообразность перевода котельных на привозной газ оставляет много сомнений. В отличие от бесспорной рентабельности проектов газификации региона, предусматривающих поставку топлива со Штокмановского месторождения, при реализации которых цена на тепловую энергию снизилась бы примерно в три раза по сравнению с ценами тепловой энергии, выработанной с использованием мазута, проекты перевода котельных на привозной сжиженный углеводородный газ (СУГ) являются малоэффективными в виду того, что в отопительный период цены на мазут и СУГ практически равны.

Социальные риски при принятии такого решения кроются в том, что субъекты теплоэнергетики, которые перейдут на СУГ, лишатся компенсационных выплат из бюджета, т.к. подобные субсидии призваны уравновесить сезонные колебания цен на топочный мазут, а стоимость углеводородного газа в течение года остается стабильной. При этом теплоснабжающие предприятия будут вынуждены возвращать инвестируемые в газовое хозяйство средства путем повышения стоимости услуг для населения.

Таким образом, данный вариант решает проблему лишь снижения тарифного дисбаланса, оставляя без внимания структурные проблемы и возможный рост социального напряжения.

При принятии окончательного решения по вопросу использования газа в сфере теплоэнергетики области, большое внимание следует уделить возможности использования инфраструктуры, созданной под привозной газ в случае возвращения Газпрома к проекту освоения арктического месторождения и следующей за ним газификации региона. Глубокому анализу должны быть подвергнуты сроки её окупаемости, так как значительное их превышение даже пессимистического прогноза по времени реализации Штокмановского проекта делает переход региона на использование газа экономически нецелесообразным.

Проблема надежности прогнозов изменения внутренней и внешней среды для любой экономической системы является ключевой при выработке долгосрочных стратегий и программ их развития. При этом практически невозможно точно и однозначно предусмотреть временные параметры, характер изменения и степень влияния всех факторов в их взаимозависимости [3, с. 3]. Так, современные процессы на мировых рынках являются классическим тому примером.

Вместе с тем, следует признать, что разрабатываемые в последние годы различными, в том числе правительственными, структурами долгосрочные прогнозы не отличаются достаточным уровнем обоснованности исходных гипотез и предположений. Основная причина этого видится в том, что долгосрочный прогноз развития масштабной экономики нельзя разработать силами небольшой группы экспертов, причем в весьма короткие сроки, как правило, устанавливаемые для такого рода работы [4].

Ещё один недостаток действующей системы прогнозирования заключается в том, что она строится исходя из потребностей только федерального уровня управления. Минэкономики РФ формировало систему показателей региональных прогнозов исходя из предложений своих департаментов. При этом потребности органов власти самих субъектов РФ не учитывались. Кроме того, централизация государственного управления и бюджетных потоков сопровождается унификацией подходов к регионам, всё меньше учитывающих специфические условия хозяйствования и жизнедеятельности на Севере.

В сущности, в данном контексте можно говорить об осовремененной модели директивного метода управления, существовавшей в дореформенный период, когда регионы не обладали достаточной самостоятельностью, а управление из центра не могло в полной мере учитывать экономические интересы и возможности региона.

В настоящее время, как вытекает из региональной политики России, вся более значительная часть экономических и социальных проблем относится к компетенции субъекта РФ, а действующая система прогнозирования не охватывает многие жизненно важные региональные проблемы и не может служить инструментом для принятия решений по региональному развитию. В частности, за рамками централизованного прогноза остаются такие вопросы, как использование природных ресурсов, внутрирегиональная дифференциация экономического положения и социальных программ, финансовое положение предприятий различных отраслей, интенсивность оттока финансовых ресурсов, инвестиционная привлекательность региона и ряд других вопросов, имеющих принципиальное значение.

При этом нельзя не отметить существование позитивных процессов постепенного перераспределения полномочий между субъектами федерального и регионального уровней. Рыночная экономика по сравнению с директивной повышает требования к качеству управленческих решений, потому что в условиях рыночной конкуренции и хозяйственной самостоятельности нужно не только самостоятельно выявить эти цели, необходимо также обосновывать варианты решений (стратегические альтернативы) по развитию экономической системы на основе критериев эффективности.[5, с. 23].

Примером такой работы служит Стратегия социально-экономического развития Мурманской области на период до 2025 г., утверждённая в декабре 2011 г. Разработчиками стратегии в максимальной степени были учтены различные вызовы и факторы развития региона, однако, даже при этом невозможным являлся точный прогноз ситуации во внешней и внутренней среде, включая глобальные депрессивные явления.

Безусловно, существуют обстоятельства, на которые органы государственной власти и муниципального управления, представители бизнеса и гражданского общества повлиять практически никак не могут. Например, это колебания спроса и цен на мировых рынках, послужившие на рассмотренном примере причиной возникновения необходимости внесения корректуры в среднесрочные планы развития Мурманской области в связи со сдвигом сроков ввода новых стратегических объектов, в частности Штокмановского месторождения.

Однако при этом, условно можно выделить ещё две группы внешних вызовов в социально-экономическом развитии региона. Первая группа - факторы, на которые влияние региона минимально, но все-таки возможно: перераспределение полномочий в сфере государственного управления и укрепление централизма, в том числе в сфере бюджетной политики; международная ситуация, в том числе в борьбе за ресурсы Арктики (в частности, делимитация акваториальных границ).

Вторую же группу составляют те явления, на которых следует акцентировать наибольшее внимание управленческих и общественных институтов на пути к интеграции своей деятельности с целью защиты интересов региона: взаимодействие с отдельными заинтересованными министерствами и ведомствами, в том числе по реализации федеральных целевых программ и проектов; диалог с управляющими компаниями (холдингами) по вопросам развития соответствующих предприятий и организаций; приграничное сотрудничество и т.п. И именно в данном направлении видится путь к созданию основы для эффективных методов прогнозирования социально-экономического развития Мурманской области, базирующихся на концепции сценарного подхода и позволяющих в максимальной степени учесть интересы региона в рамках реализации государственных стратегий.

Литература

1. Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.: [утверждена Президентом РФ 20.02.2013г.] // <http://government.ru>: Сайт Правительства РФ. Режим доступа: <http://government.ru/docs/22846/index.html>
2. Кравченко Е., Стеркин Ф. Энергетическая революция // Ведомости. 2012. № 98 (3112). С.8-13.
3. Узяков М.Н. О качестве научного предвидения // Проблемы прогнозирования. 2008. № 1. С.3-18.
4. Селин В.С. Проблемы и тенденции экономического развития Мурманской области в долгосрочной перспективе // <http://mines.gov-murman.ru>: Сайт министерства экономического развития Мурманской области. Режим доступа: http://mines.gov-murman.ru/content/expert_opinion/sub04
5. Дудов Н.Н. Стратегические альтернативы развития северных регионов: Дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Иркутск. 2008. 202 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЧЕСКОМ СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В.Н.Марецкая

научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

А.Ю.Омелай

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Н.О.Тополева

младший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы производства органической продукции за рубежом, предпосылки развития органического сельского хозяйства в России и регионе. Развитие органического сельского хозяйства приведёт к повышению конкурентоспособности местной продукции и улучшению качества жизни населения региона.

Ключевые слова: Органическая продукция, сельское хозяйство, конкурентоспособность, законопроект

TO THE ISSUE OF ORGANIC FARMING

V.N.Maretskaya

researcher

Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of RAS

A.Y.Omelay

junior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of RAS

N.O.Topoleva

junior researcher

Luzin Institute for Economic Studies, Kola Science Centre of RAS

Abstract. The topical issues of organic production abroad and the preconditions for development of organic agriculture in Russia and in the region are considered. It is concluded that development of organic agriculture will increase competitiveness of the local production and improve life quality in the region.

Keywords: organic products, agriculture, competitiveness, bill

В России повышается интерес к органическому сельскому хозяйству, подкрепляющийся желанием потребителей приобретать качественные и свободные от химических, синтетических и генетически измененных компонентов продукты питания. Таким образом, появляется все больше предпосылок для создания рынка органических продуктов питания, для этого необходима соответствующая законодательная база, сертифицирующие органы, соответствующие международным стандартам, информационная и маркетинговая поддержка органических продуктов [1].

Впервые в России на законодательном уровне понятие «органические продукты» было введено постановлением от 21.04.2008 № 26 «Об утверждении СанПиН 2.3.2.2354-08», определяющее их как «пищевые продукты, произведенные с использованием технологий, обеспечивающих их получение из сырья, полученного без применения пестицидов и других средств защиты растений, химических удобрений, стимуляторов роста и откорма животных, антибиотиков, гормональных и ветеринарных препаратов, ГМО, не подвергнутого обработке с использованием ионизирующего излучения и в соответствии с настоящими санитарными правилами». Экологизация производства пищевой продукции, которую по сути обеспечивает органическое сельское хозяйство, определена одним из приоритетов реализации Доктрины продовольственной безопасности России [2].

16 ноября 2012 года был опубликован проект Федерального закона РФ «О производстве органической сельскохозяйственной продукции» [3].

Статья 4 данного законопроекта - Органическая сельскохозяйственная продукция определяет: органической в Российской Федерации признается сельскохозяйственная продукция, соответствующая требованиям, установленным одним из следующих документов:

- национального стандарта органической сельскохозяйственной продукции (предварительного национального стандарта органической сельскохозяйственной продукции);
- международного стандарта органической сельскохозяйственной продукции или стандарта органической сельскохозяйственной продукции иностранного государства, зарегистрированного в Федеральном информационном фонде технических регламентов и стандартов;
- зарубежной либо российской системы сертификации органической продукции.

В действующем законодательстве Российской Федерации нет понятия «органическая сельхозпродукция» или «экологически чистая продукция». Не дает точную формулировку и новый законопроект, пока в нем описаны лишь общие ее характеристики: производство такой продукции предполагает минимизацию или полный отказ от использования минеральных удобрений, пестицидов, регуляторов и ускорителей роста растений и животных.

Для продукции растениеводства допустимо применение натуральных удобрений, запрет на использование химических средств защиты растений (разрешены механические, биологические средства), запрещена обработка семян искусственными химическими препаратами. Для продукции животноводства допускаются только натуральные корма (допускается 70% органик, 30% органик в конвексии), запрещается использование антибиотиков, животные должны содержаться беспривязно [4].

Появлению экологически чистых продуктов препятствует отсутствие не только стандартов, но и механизмов государственной поддержки их производства. Законопроект предусматривает сразу несколько видов господдержки: создание системы сертификации биопродукции, целевые кредиты, субсидии, страхование рисков (от неурожая и болезней), поддержку потребительской сельскохозяйственной кооперации, малого и среднего предпринимательства, предоставляющего услуги производителям органической продукции. Предполагается, что закон «О производстве органической сельскохозяйственной продукции» вступит в силу в 2015 году [3].

В последние два десятилетия мировой рынок экологически чистых продуктов питания бурно развивается и становится популярной альтернативой потреблению вредных и экологически небезопасных продуктов. Доля хозяйств, поставляющих натуральную сельскохозяйственную продукцию, в общей площади земель и в структуре сельскохозяйственных предприятий постоянно растет. Рынок этих товаров быстро расширяется не только в Европе, Северной Америке и Японии, где располагаются самые емкие рынки, но и в развивающихся странах [1].

Органическое сельское хозяйство практикуется в 160 странах мира. По данным Organic monitor¹⁷ лидирующими регионами производства органической продукции в мире являются Европа и Северная Америка. Лидирующие рынки — США, Германия, Франция. Объем мирового рынка органической продукции в 2010 г. составил \$60 млрд [4].

Общая площадь земель, используемых под органическое производство, уже достигла примерно 37 млн га (а в отрасли задействованы около 1,8 млн фермеров). Наибольшие площади сертифицированы под органическое сельское хозяйство в следующих странах: Австралия – 12 млн га, Аргентина – 4,4 млн га, США – 1,9 млн га. При этом наибольшая доля органических сельхозземель в структуре общей площади угодий страны зафиксирована на Фолклендских островах – 35,7%, Лихтенштейн – 26,9% и Австрия – 18,5% [5].

В Европе органическое сельское хозяйства стало стремительно развиваться в период с 1990 по 2002 гг., когда площадь органических сельскохозяйственных угодий увеличивалась в среднем на 30% в год и достигла четверти всех органических сельскохозяйственных угодий мира, ежегодный рост составляет около 7%. Италия, Испания, Германия, Великобритания и Франция в сумме дают более 50% всех органических сельскохозяйственных земель Европы [1].

Популярность органических продуктов растет и в приграничной Финляндии. В 2011 г. был отмечен 50% рост спроса. Рынок органических продуктов оценивается почти в 200 млн евро. Наиболее популярными в Финляндии органическими продуктами являются яйца, молочные продукты, овощи, фрукты и мука. В стране насчитывается более 4300 фермеров, занимающихся органическим сельским хозяйством [6]. До 90% фермеров Финляндии включены в экологические программы, полностью занято производством экологической продукции 7 % хозяйств [7]. Финляндия объявила сельское хозяйство всей страны экологической отраслью, производящей только экологическую продукцию по странам Европейского Севера (ЕС). На производство экологической продукции Финляндии Централизованный Фонд ЕС выделяет повышенные субсидии. В Финляндии существуют субсидии для фермеров (50%), что способствует увеличению количества фермеров.

По данным International Federation of Organic Agriculture Movements, объем российского рынка экопродукции в прошлом году составлял \$60-80 млн. Лишь 10% органической продукции

¹⁷ Консалтинговая компания, занимающаяся специализированными исследованиями, консультациями и обучением, посвященным рынку органической продукции.

продаваемой в стране, отечественного производства, остальное — импорт из стран Евросоюза, в основном из Германии. Глава объединения производителей органической продукции в России Александр Коновалов признает, что биопродукты сейчас дороги, их стоимость в рознице превышает цену традиционной сельхозпродукции в среднем на 70-100%, на некоторые виды – в 3 раза. Европа испытывает дефицит земли, пригодной для производства органической продукции, а в России пустует 40 млн га. Сейчас в экообороте задействовано примерно 150 тыс. га. Но, если закон примут, если будут субсидии в рамках «зеленой корзины», которую не лимитирует ВТО, Россия может выйти на рынки Европы и занять до 20% рынка [8].

Эксперты отмечают, что развитию органического рынка России мешают отсутствие единой и официальной системы органик-сертификации, общей концепции развития и правил органического земледелия, понимания потребителем, что такое органик-продукты, установка барьерных цен крупными торговыми сетями. При этом изменение потребительских предпочтений в сторону здорового питания, развитие специализированных розничных магазинов, розничной торговли в интернет-магазинах, наличие в России обширных свободных земель, не обработанных химикатами, говорят о большом потенциале рынка [4].

Производство органической продукции – одно из перспективных, инновационных направлений развития сельскохозяйственных предприятий Мурманской области.

В настоящее время в области осуществляют производственную деятельность 16 сельскохозяйственных предприятий, 26 крестьянских фермерских хозяйств, 6,9 тыс. личных подсобных хозяйств, и именно они являются источником обеспечения населения высококачественными продуктами питания, такими как мясо, молоко, яйца. Местные сельхозпроизводители самым благоприятным образом влияют на состояние потребительского рынка, на уровень розничных цен в сторону понижения и решают важную задачу для объектов социального назначения (больницы, детские сады, школы), обеспечивая свежей, диетической продукцией.

К сельскохозяйственным предприятиям, которые пополняют продовольственный рынок региона продукцией собственного производства относятся:

- ООО «Мурманский «Агрохолдинг» в состав которого входят ООО «Птицефабрика «Мурманская», ООО «Свинокомплекс «Пригородный», ООО «Деликат». ООО «Мурманский «Агрохолдинг» - мясоперерабатывающее предприятие полного цикла: от производства высококачественного сырья до прямых продаж в фирменных магазинах «Деликат»;

- ГОУСП «Туллома» самое крупное предприятие в области по производству молока, на котором имеется цех по его переработке, где ежедневно вырабатывается до 20 тонн продукции – молоко пастеризованное, кефир, творог и др. продукция. Большая часть производимой продукции реализуется через местную торговую сеть;

- СХПК «Тундра» и «Оленевод» являются племенными репродукторами по разведению оленей. Оленина и деликатесная продукция из нее, которую выпускают предприятия, реализуется на внутреннем рынке и пользуется повышенным спросом у населения области.

Уровень самообеспечения по основным продуктам в области имеет низкие показатели. По данным статистики в 2011 г. он составил: по мясу 17%, молоку 14%, яйцу 45%, картофелю 23% (табл.), но в условиях Севера, где сельскохозяйственное производство значительно ограничено природно-климатическими и экономическими факторами, выпуск местной продовольственной продукции играет важную роль, обеспечивая определенную автономность региона в удовлетворении минимальных потребностей населения в важнейших видах продовольствия, особенно в случае возникновения кризисных ситуаций (экономических, политических, техногенных, экологических, природных и др.), при которых поступление продовольствия в регион может быть прервано.

Присутствие местной продукции на региональном продовольственном рынке существенно препятствует монополизации локальных рынков отдельными поставщиками завозной продукции, оказывая существенное понижающее влияние на уровень розничных цен.

В настоящее время и на перспективу сохраняется и социальная значимость местного производства, являющегося основным поставщиком качественной продукции в учреждения здравоохранения, школы, детские сады, а также организациям общественного питания городов и промышленных предприятий [9].

Достигнутые объемы местного сельскохозяйственного производства не достаточны для обеспечения душевого потребления основных видов продовольствия в регионе (табл.).

Вместе с тем, проводимая аграрная политика в Мурманской области последних лет показывает, что благодаря государственной поддержке предприятий внедряются новые

инновационные технологии, осуществляется строительство, реконструкция, модернизация производства, что ведет к увеличению объемов продукции местных сельхозпроизводителей.

У сельскохозяйственных предприятий региона есть все предпосылки для производства органической продукции, основанные на эффективном использовании всего комплекса местных природных условий и ресурсов.

Самообеспечение населения Мурманской области основными продуктами питания в 2011 г., %

Показатели	Мясо	Молоко	Яйца.	Картофель	Овощи
Производство на душу, кг яйца/шт.	13	36	104	15,3	0,8
Фактическое потребление кг на человека в год, яйца/шт.	76	256	228	66	95
Рациональная норма потребления	70-75	320-340	260	95-100	120-140
Самообеспечение, %					
к фактическому потреблению	17	14	46	23	1
к рациональной норме потребления					
min значение	18,2	11,2	40,1	16,1	0,6
max значение	17	10,6	40,1	15,3	0,5
к норме минимальной потребительской корзины	23,1	12,1	50,4	16,2	0,7

Рассчитано на основе: [10,11,12].

Важным условием в правильном определении приоритетов развития, помимо природных факторов, является учет прогнозной рыночной конъюнктуры, являющейся одним из основных критериев для формирования отраслевой структуры, роста объемов производства, обеспечения экономической эффективности [13].

Для организации производства и реализации органической продукции в условиях Севера необходимо реализовать следующие меры [14]:

- перевод определенной территории в состояние, пригодное для производства органической продукции, постоянные вложения в улучшение качества почв;
- совершенствование системы обмена информацией о технологиях органического сельского хозяйства, обучение руководителей и специалистов сельхозорганизаций и хозяйств, постоянное их консультирование в области производства экологически безопасной продукции;
- сертификация продукции на предмет органической;
- формирование общественного мнения относительно потребления экологически безопасных продуктов питания;
- рассмотрение вопросов ценообразования, выбор каналов сбыта для реализации органических продуктов;
- возможность гарантировать экологическую безопасность сельхозпродукции на протяжении всей цепочки – от производителя к конечному потребителю, разработка общероссийского органического логотипа;
- стремление обеспечить круглогодичные поставки органической продукции потребителю;
- постоянное проведение научных исследований как в области технологий производства продукции органического сельского хозяйства, так и сбыта органической продукции.

С ростом интереса местного населения к здоровым продуктам питания, а организаций и правительства к устойчивому сельскому хозяйству и минимальному влиянию на окружающую среду, спрос на продукцию органического происхождения будет расти, так как органическое сельское хозяйство сочетает традиции, инновации и научные достижения для получения пользы от окружающей среды, распространения полезных взаимосвязей и хорошего качества жизни для всех, кто вовлечен в эту систему.

Литература

1. Все что вы хотели знать про органические продукты. Режим доступа: <http://organicproducts.narod.ru/russia.html/>

2. Хандажапова Л.М., Лубсанова Н.Б. О развитии органического сельского хозяйства в России. Режим доступа: <http://economics.open-mechanics.com/articles/316.pdf>
3. Проект ФЗ от 16 ноября 2012 года «О производстве органической сельскохозяйственной продукции». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Российский органический стандарт и технологическая платформа для сертификации. Режим доступа: <http://www.ecounion.ru>
5. Коноваленко А.Д. Формирование рынка органической продукции. Режим доступа: http://science-bsea.narod.ru/2012/ekonom_2012_18/konovalenko_form.htm
6. Спрос на органическую продукцию в Финляндии увеличился на 50%. Режим доступа: <http://www.organikmarket.ru/news/spros-na-organicheskie-produkty-v-finlyandii-uvlechilsya-na-50/>
7. Козарев В.В., Беляков Л.С. Опыт фермеров скандинавских стран на Российскую землю. М.:ФГНУ» Росинформагротех». – 2004, с.79
8. Органический огурец для ВТО. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/business/2012/11/26/4868205.shtml>
9. Марецкий Ю.А., Марецкая В.Н., Тополева Н.О. Факторы, условия и тенденции развития аграрного производства на Европейском Севере России. // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2009 (22). № 1. С.7-14.
10. Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2012: Стат.сб. / Комистат-Сыктывкар, 2012. 208с.
11. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 02.08.2010 № 593 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
12. ФЗ РФ № 227 от 03.12.2012 г. «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
13. Марецкий Ю.А. Проблемы и перспективы реализации концепции развития агропромышленного комплекса Мурманской области. // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011 (28). № 2. С.26-28.
14. Иванов В.А. Аграрный сектор Севера России: трансформационные процессы, перспективы и механизмы устойчивого развития. Сыктывкар. 2012. С.16-18.

МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОГРАММ СУБЪЕКТОВ КОММУНАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.В.Победоносцева

к.э.н.

Центр физико-технических проблем энергетики Севера КНЦ РАН

Аннотация. Рассмотрены основные аспекты финансирования инвестиционных программ субъектов муниципальной энергетики на примере системы централизованного теплоснабжения города Апатиты Мурманской области. Сделан вывод о том, что уровень противоречий между выгодоприобретателями-интересантами определяется методом финансирования инвестиционных программ.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, тепловая энергия, инвестиционный проект, тариф

MECHANISMS OF INVESTMENT PROGRAMS FINANCING OF COMMUNAL POWER ENGINEERING ENTITIES THE TERRITORY OF ARCTIC ZONE OF RUSSIAN FEDERATION

V.V.Pobedonostseva

PhD (Economics), Researcher

Research Centre for Physical and Technical Issues of the Northern Energetics

Kola Science Centre of RAS

Abstract. The main aspects of financing investment programs of municipal power engineering entities using the case study of Apatity, Murmansk region are considered. It is concluded that the level of conflict between the potential beneficiaries, interested parties is determined by the choice of the method of financing of investment programs.

Keywords: The Arctic zone of Russian Federation; thermal energy; investment project; tariff

Признание российской Арктики не просто сырьевым придатком страны, а зоной её стратегических интересов обуславливает возрастание роли социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). Процесс освоения ресурсов должен учитывать не только интересы компаний, осуществляющих производственную деятельность в нефтегазовом секторе, но и интересы региона, в котором ведётся разработка месторождений. С этой целью необходимо развивать соответствующую инфраструктуру, в том числе коммунальную энергетику, на принципах государственно-частного партнёрства (ГЧП).

Инвестиции определяют темпы экономического роста. Поэтому анализ условий, влияющих на инвестиционные решения, позволяет сформировать предложения по реализации экономической политики инвестиционного процесса, в том числе с позиций инвестиционной, экологической и энергетической безопасности, а также с учётом решения социальных задач (макроуровень). В свою очередь, принимая инвестиционное решение, предприятие оптимизирует свою деятельность с позиций эффективности использования капитала, т.е. максимизации рыночной стоимости или прибыли предприятия (микроуровень) [1].

Управление инвестициями в энергетическом комплексе должно осуществляться с учетом реализации задачи повышения энергоэффективности, т.е. увеличения отдачи от каждой используемой единицы энергетического ресурса. К общероссийским проблемам коммунальной энергетики (высокая изношенность распределительных тепловых сетей и большие потери при передаче тепловой энергии; низкая эффективность работы малых источников тепловой и электрической энергии и высокая изношенность их оборудования) добавляются проблемы дорогостоящего привозного топлива, а также избыточная мощность объектов генерации, поскольку характерные для России последних 20 лет масштабная деиндустриализация и демографический спад усугубляются на территории АЗРФ «отрицательной» миграцией. Соотношение себестоимости и меновой стоимости объектов недвижимости и более чем 2-кратная финансовая социальная нагрузка по сравнению с регионами средней полосы России при сопоставимом уровне доходов населения предопределяют минимизацию численности населения и в будущем.

Несмотря на избыточность энергосистемы Кольского полуострова, Мурманская область ввозит большое количество топочного мазута. Дисбаланс в расходах на топливо и доходах от продажи тепловой энергии приводит к высоким затратам бюджетных средств на сдерживание роста тарифов. Отказ от «посреднических» услуг и учет сезонного колебания цен на мазут (рис.1) позволяет несколько снизить расходы (примерно на 20%), но не решает в полной мере эту проблему.

Отсюда следует важность реализации проектов, направленных на снижение мазутозависимости.

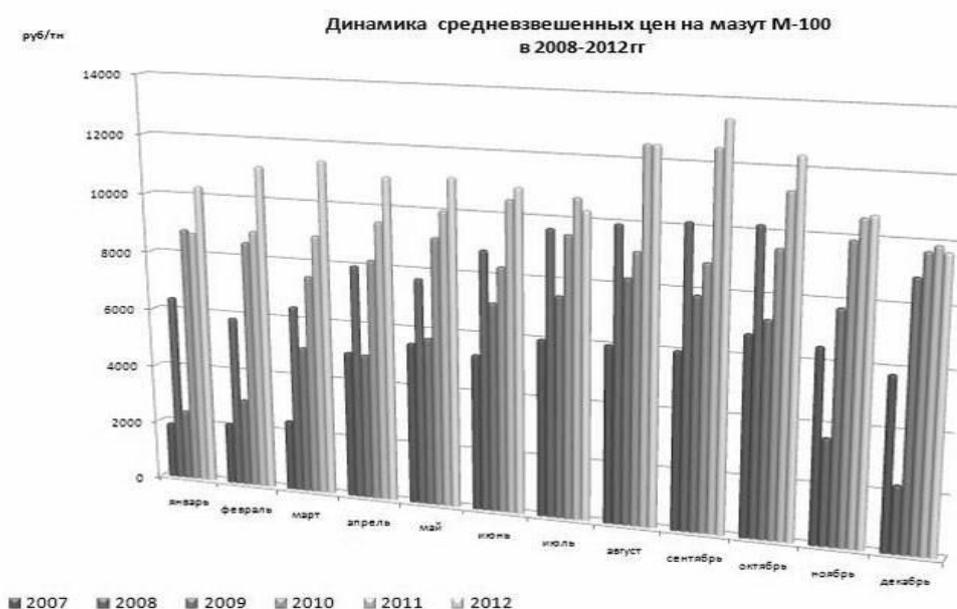


Рис.1. Сезонная динамика цен на мазут [2]

Показано [3], что различные по техническим и технологическим характеристикам энергетические проекты могут финансироваться по одинаковым схемам и из одних и тех же источников и, наоборот, идентичные проекты – по разным схемам и из разных источников. Несмотря на кажущуюся тривиальность этого тезиса, из него следует, что здесь имеет место так называемое условие безразличия, то есть существование альтернативных методов достижения одного и того же результата. А это уже типичная задача оптимизации с соответствующим алгоритмом действий. Критериями оптимальности для предприятия могут быть максимизация прибыли или его стоимости, а для потребителей - сбалансированность спроса и предложения. Рассмотрим эту задачу применительно к системе теплоснабжения города Апатиты Мурманской области.

Тепловая сеть г.Апатиты представляет собой систему открытого (разомкнутого) типа с подключением абонентских отопительных установок к прямой и обратной линиям теплосети по зависимой схеме с водоструйным элеватором в качестве смесильного устройства. Т.е. в отопительные приборы жилых зданий (через регулятор расхода) непосредственно из подающей линии тепловой сети поступает горячая вода, к которой в смесителе (элеваторе) подмешивается часть охлажденной воды, возвращающейся после отопительной установки в обратную линию сети, смешанная вода подается элеватором в отопительную установку. При этом обеспечивается не превышение максимально допустимой по СНИП температуры в отопительных приборах жилых и общественных зданий (95°C), и поддерживается требуемый температурный режим работы отопительной установки. Недостатком такой схемы является ограниченность регулировочного диапазона, связанная с невозможностью существенного изменения коэффициента инжекции стандартного элеватора.

Горячее водоснабжение абонентов теплосети производится водой непосредственно из тепловой сети, т.е. по открытой схеме: соотношение расходов воды из прямой и обратной линий, необходимое для поддержания постоянной температуры смеси в точках водоразбора (около 60°C согласно СНИП), обеспечивается регулятором температуры. Достоинства такой схемы - возможность экономии металла при строительстве жилых зданий из-за сокращения количества труб в индивидуальной подводке (три трубы: прямая и обратная трубы по горячей воде и труба холодного трубопровода из городской системы водоснабжения). Наиболее существенные недостатки открытых систем следующие: необходимость создания мощной водоподготовительной установки для подпитки теплосети; нестабильность качества сетевой воды и, как следствие, увеличение скорости коррозии труб тепловой сети и роста отложения на поверхностях нагрева; нестабильность гидравлического режима тепловой сети; присутствие в воде различных добавок, ухудшающих органолептические свойства горячей воды.

В настоящее время в соответствии с законодательством РФ тарифы для поставщиков теплоэнергии формируются по методу экономической обоснованности расходов («затраты плюс») (рис.2). Так как ресурсоснабжающая организация (РСО) Апатитская ТЭЦ (АТЭЦ) филиала «Кольский» ОАО «ТГК-1», является естественной монополией и, соответственно, характеризуется убывающей кривой средних издержек по мере роста объемов предоставления товара (обусловлено избыточностью мощности), снижение потребления в случае роста тарифов будет незначительным, поскольку тепло необходимо для обеспечения жизнедеятельности.

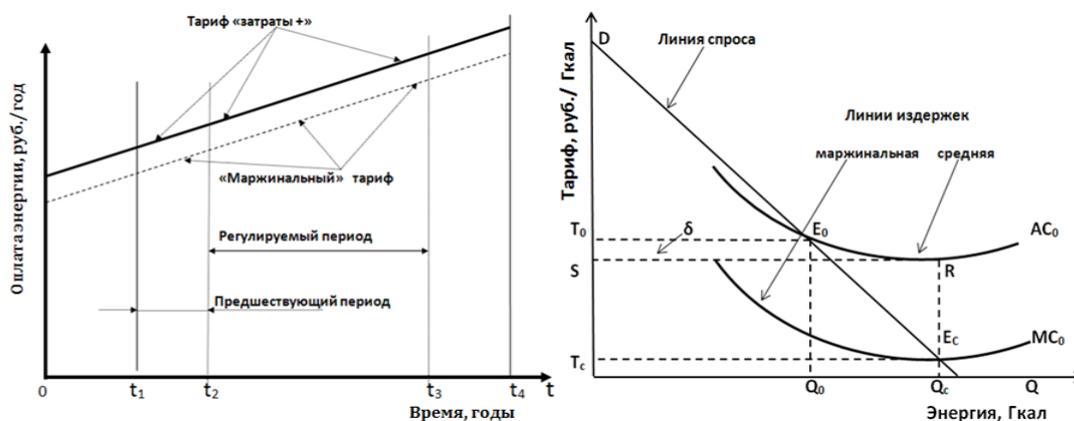


Рис.2. Тариф «затраты плюс». AC - average cost (average unit cost, средняя стоимость, средние издержки производства на единицу продукции); MC - marginal cost (маргинальные/предельные издержки) [3]

Федеральным законом [4] предусмотрена возможность финансирования инвестиционных проектов организаций коммунального комплекса (ОКК) с использованием утвержденной представительным органом местного самоуправления программы комплексного развития коммунальной инфраструктуры (ПКР) следующими методами: доходность инвестированного капитала - RAB (Regulatory Asset Base - Регулируемая база активов), включение инвестиционной составляющей в тариф (или надбавка к тарифу) и плата за подключение. Одним из возможных механизмов финансирования инвестиционных проектов энергосбережения является энергосервисный контракт [5,6].

При применении модели финансирования, основанной на методе RAB, в краткосрочном периоде (пока идет строительство объекта коммунальной инфраструктуры) тарифы не изменяются, поскольку для финансирования предприятие привлекает средства инвесторов. Финансирование развития коммунальной инфраструктуры за счет включения в тарифы инвестиционной составляющей приводит к росту тарифа для существующих потребителей. Установление платы за подключение обеспечивает значительную финансовую нагрузку на будущих потребителей, однако существующие потребители могут получить выигрыш за счет эффекта масштаба (увеличение объема производства приводит к снижению средних издержек в расчете на единицу продукции) [3].

Совет депутатов города Апатиты своим решением утвердил Программу комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры (ПКР) муниципального образования город Апатиты с подведомственной территорией на период 2011-2013 гг. и на перспективу до 2020 года [7].

Самым крупным инвестиционным проектом теплоснабжения является проект «Новое строительство и реконструкция тепловых сетей», который состоит из трех частей: строительство тепломагистрали Апатитская ТЭЦ - г. Кировск d720мм (реализует ОАО «ХТК»), сумма финансирования 2995000 тыс. руб.; реконструкция тепловых сетей АТЭЦ (магистраль I очереди, d530; магистраль II очереди, d720, магистраль III очереди, d720, магистраль на АНОФ-2, d720), сумма финансирования 85000 тыс. руб.; замена и реконструкция тепловых сетей ОАО «Апатитыэнерго», сумма 1054529 тыс. руб. (рис.3).

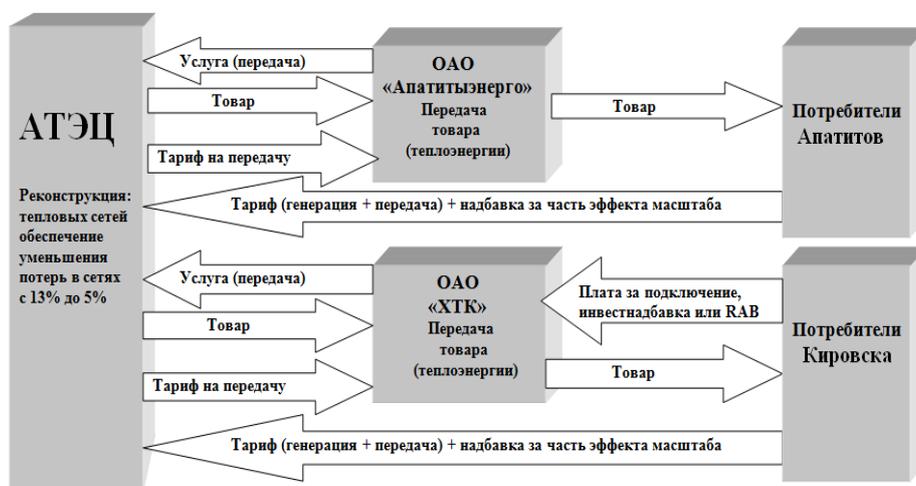


Рис.3. Возможная схема взаимодействия потребителей и предприятий теплоэнергетики [3]

Для возмещения затрат, связанных с реализацией первой части проекта, предполагается применение метода доходности инвестированного капитала (RAB) [8]. В качестве источника финансирования второй и третьей части проекта Совет депутатов города Апатиты выбрал метод инвестиционной составляющей в тарифе (надбавки к тарифу для потребителей Апатитов). Обоснованность такого решения вызывает сомнение, поскольку за счет повышения тарифа для жителей города Апатиты финансируется в первоочередном порядке реконструкция магистральных тепловых сетей АТЭЦ, причем без каких-либо обязательств по снижению тарифа в последующем. Представляется, что это типичная задача для применения энергосервисного контракта (рис.4, 5). Выполненное в рамках работы [9] обследование показало, что потери тепла в магистральной теплотрассе (от АТЭЦ до города) даже в 1998 году не превышали 3%. Вместе с тем, финансирование реконструкции распределительных тепловых сетей ОАО «Апатитыэнерго», находящихся полностью

в собственности города Апатиты и потери тепла в которых составляют 12,7%, в ближайший период не предусматривается. Кроме того, в принятой ПКР не учитывается, что в соответствии с п.9 статьи 29 Федерального закона [10] с 1 января 2022 года использование централизованных открытых систем теплоснабжения (горячего водоснабжения) для нужд горячего водоснабжения, осуществляемого путем отбора теплоносителя на нужды горячего водоснабжения, не допускается.

27 февраля 2013 года координационный совет по поддержке инвестиционной и инновационной деятельности Мурманской области рекомендовал Правительству присвоить проекту «Строительство тепломагистрали от Апатитской ТЭЦ до ЦТП г. Кировск» [11] статус приоритетного инвестиционного проекта Мурманской области. Евразийский банк развития (ЕАБР) откроет ОАО «ХТК» кредитную линию в объеме 2 млрд руб. сроком на 6 лет.

«Цель проекта - обеспечение развития теплоснабжения Апатитско-Кировского региона и улучшение экологической обстановки района, снижение себестоимости производства тепловой энергии в регионе за счет создания теплотрассы от Апатитской ТЭЦ до г.Кировск. Задачи проекта – строительство тепломагистрали от АТЭЦ до г.Кировск, повышение надежности и качества теплоснабжения потребителей, увеличение выручки ОАО «ТГК-1» (доли рынка) за счет реализации дополнительной энергии, снижение убытков ОАО «Апатит» за счет отказа от убыточной деятельности (производство тепловой энергии)» [11].

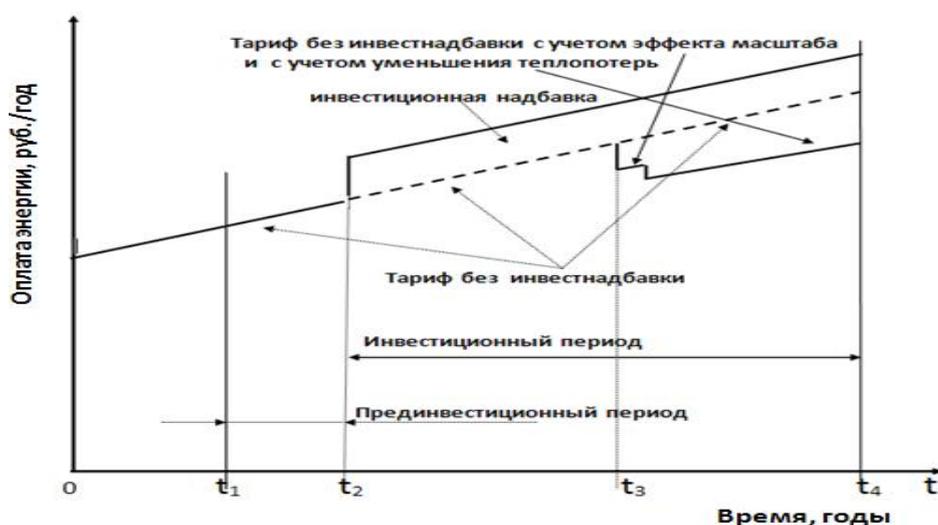


Рис.4. Влияние способов финансирования инвестиционных проектов на изменение тарифа

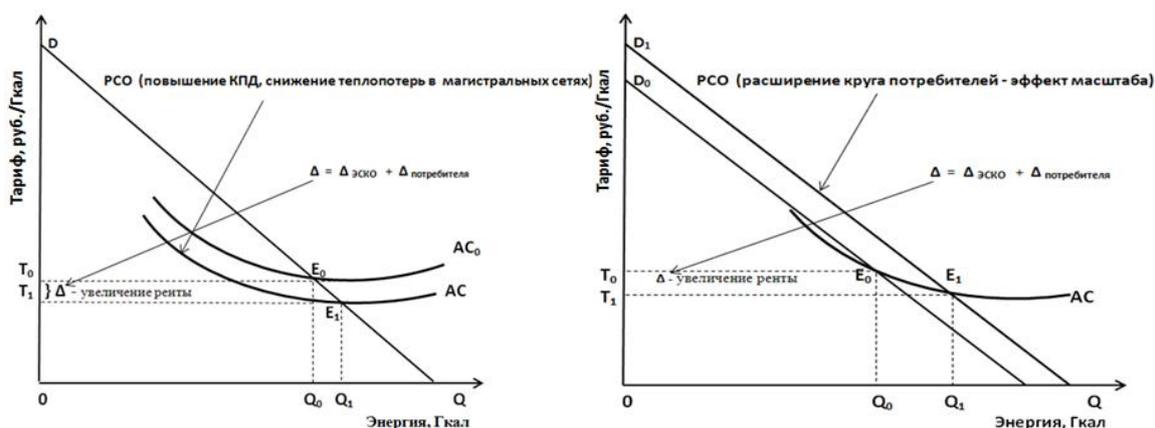


Рис.5. Предпосылки для энергосервисного контракта

«Необходимый тариф передачи теплоэнергии от АТЭЦ до потребителей г.Кировск и г.Апатиты определяется как необходимый тариф для операционной деятельности ОАО «ХТК» с учетом включения в него выплат по кредиту (тело и проценты) и возврата собственных средств» [11]. Для этого ОАО «ХТК» поглощает ОАО «Апатитэнерго», а тариф на передачу тепловой энергии до г. Апатиты возрастает с 287 руб/Гкал (2013 г.) до 836 руб/Гкал (2021 г.), т.е. почти

в 3 раза. Затраты на содержание тепломагистрали от АТЭЦ до г.Апатиты в течение одного года (с 2014 г.) увеличиваются в 25 раз. Другими словами, потребителям города Апатиты предлагается оплатить значительную часть расходов на строительство тепломагистрали Апатитская ТЭЦ - г.Кировск (рис.6). Обещание не повышать тариф более чем на 8-10% ежегодно для потребителей Апатитов (с 1526 руб/Гкал в 2013 г. до 2091 руб/Гкал в 2020 г. при максимально возможном тарифе 1502 руб/Гкал с учетом инвестиционной составляющей в тарифе, принятом ПКР), которые на протяжении нескольких лет будут оплачивать значительную часть расходов этого инвестиционного проекта, вряд ли является для них достаточно убедительным аргументом. Заявленное в проекте улучшение экологической обстановки выполняется применительно к г.Кировск, однако не оценивается воздействие на экологию г. Апатиты дополнительных выбросов АТЭЦ (известно, что предприятия теплоэнергетики и, в частности, ТЭЦ входят во вторую – среднюю – группу производств по степени экологической опасности [12]).

Добавим здесь, что одним из отрицательных последствий известных структурных преобразований электроэнергетики для регионов Европейского Севера РФ явилась сложность согласования интересов всех участников «энергетической цепочки» от производителей до потребителей энергии в условиях невозможности конкурентного рынка электрической и тепловой энергии [13].



Рис.6. Схема взаимодействия потребителей и предприятий теплоэнергетики по бизнес-плану проекта «Строительство тепломагистрали от Апатитской ТЭЦ до ЦТП г.Кировск»

Поскольку во всех случаях инвестиционные затраты оплачиваются конечными потребителями, можно сделать следующие **выводы**:

1. При реализации проектов повышения энергоэффективности в условиях рыночных отношений ключевыми являются финансовые показатели потенциальных выгодоприобретателей, иногда имеющих разнонаправленные векторы интересов.

2. Уровень противоречий между потенциальными выгодоприобретателями-интересантами (производителем и потребителем, заказчиком и инвестором) определяется выбором метода финансирования инвестиционных программ.

3. Критериями оптимальности для предприятия могут быть максимизация прибыли или его стоимости, а для потребителей - сбалансированность спроса и предложения.

Литература

1. Победоносцева В.В., Победоносцева Г.М. Инвестиционные решения при освоении территорий Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2012 (29). № 1. С.24-26.
2. Компания «ТрансСервис» всегда проводит анализ конъюнктуры рынка! Режим доступа: <http://mazutbitum.ru/dinamika2007-2009.html>
3. Победоносцева В.В. Механизмы финансирования инвестиционных программ субъектов коммунальной энергетики // Научное издание. Труды Кольского научного центра РАН, 1/2012 (8). Энергетика, выпуск 4. 130 с. С.92-102.

4. Федеральный закон от 30.12.2004 г. № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса» // «Российская газета». Федеральный выпуск № 3669, 31 декабря 2004 г.
5. Федеральный закон от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», Федеральный выпуск № 5050, 27 ноября 2009 г.
6. Постановление Правительства РФ от 18.08.2010 г. № 636 «О требованиях к условиям контракта на энергосервис и об особенностях определения начальной (максимальной) цены контракта (цены лота) на энергосервис» // Собрание законодательства РФ, 23.08.2010 г., № 34, ст. 4488.
7. Программа комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры муниципального образования город Апатиты с подведомственной территорией на период 2011-2013 гг. и на перспективу до 2020 года. Утверждена решением Совета депутатов города Апатиты от 27.03.2012 г. № 548. Режим доступа: <http://www.apatity-city.ru/>
8. Антипов А.Г. Проблемы и перспективы развития теплоснабжения Мурманской области. Доклад в Мурманской областной Думе заместителя Генерального директора ОАО «ТГК-1», Генерального директора ОАО «Мурманская ТЭЦ», Мурманск, 30.11.2010 г.
9. Техничко-экономическое обоснование проекта реконструкции системы теплоснабжения микрорайона «Северный» г. Апатиты с целью повышения эффективности энергоиспользования: Отчет (научный руководитель, д.т.н. Л.Д.Криворуцкий), ИФТПЭС КНЦ РАН, Апатиты, 1998. 115 с.
10. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. N 190-ФЗ «О теплоснабжении» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: http://base.garant.ru/12177489/7/#block_7000
11. Бизнес-план проекта «Строительство тепломагистрали от Апатитской ТЭЦ до ЦТП г.Кировск» в редакции 2012 г.
12. Мартемьянова Е.С., Дроздова Е.И. Экологичность технологий промышленных производств как фактор устойчивого развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2008 (21). № 2. С.74-78.
13. Гасникова А.А. Электроэнергетика Европейского Севера на современном этапе // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011 (28). № 2. С.19-22.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ПРИБРЕЖНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОСЕЛОК ТЕРИБЕРКА¹⁸

Л.А.Рябова

к.э.н., доцент

заведующая отделом социальной политики на Севере

Е.А.Корчак

к.э.н., старший научный сотрудник

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН

Аннотация. Анализируются социально-экономическая ситуация и перспективы развития малых прибрежных поселений Мурманской области на примере рыболовецкого поселка Териберка, проблемы развития которого типичны для малых прибрежных поселений региона. До недавнего времени будущее Териберки связывалось, помимо сохранения рыбной отрасли, с освоением Штокмановского газоконденсатного месторождения, однако реализация проекта отложена на неопределенное время. Обсуждаются перспективные направления развития прибрежного поселка в новых условиях.

Ключевые слова: малые прибрежные поселения, Мурманская область, Териберка, социально-экономическая ситуация, перспективы развития прибрежного поселения

¹⁸ Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

Часть результатов получена в рамках выполнения гранта РГНФ №13-12-51010 «Коренные народы и устойчивое развитие местных сообществ Севера и Арктики РФ».

DEVELOPMENT PROSPECTS OF SMALL COASTAL COMMUNITIES IN THE MURMANSK REGION: THE CASE OF TERIBERKA

L.A.Riabova

PhD (Economics), Docent

Head of Department of Social Policy in the North

E.A.Korchak

PhD (Economics), Senior Researcher

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

Abstract. Socio-economic situation, as well as prospects of development of small coastal communities in the Murmansk region are analyzed using the case study of fishing village of Teriberka, where development issues are typical for small coastal communities in the region. Until recently Teriberka's future was associated, first of all, with development of the Shtokman gas condensate field, however, the project was postponed for an indefinite time. Perspective directions for development of the coastal village under new conditions are discussed.

Keywords: small coastal communities, Murmansk region, socio-economic situation, development prospects of the coastal community

Несмотря на интенсивный процесс урбанизации [1], малые поселения, в том числе прибрежные, продолжают играть важную роль в системе расселения как зарубежного, так и российского Севера. Они жизненно важны для использования и защиты природных ресурсов, для рыночной и традиционной экономики, отличаются сильной связью с культурно-историческими традициями и имеют большое значение для сохранения контроля над важнейшим ресурсом любого государства – территорией, а в случае прибрежных поселений – и над его акваторией. Кроме того, в них сохраняются условия для поддержания уклада жизни и культур коренных народов Севера [2].

Малые прибрежные поселения Мурманской области, к которым мы относим населенные пункты с численностью населения менее 5 тыс. чел., находящиеся в зоне береговой линии, сосредоточены на побережье Баренцева моря (Мурманский берег, или Мурманская прибрежная зона) и на побережье Белого моря (Терский берег). Их число не превышает 15, при том, что во многих из них численность населения составляет менее 100 чел. Подавляющее большинство малых прибрежных поселений области – дотационные, со сложной социально-экономической ситуацией.

В 2012 году авторы данного доклада в рамках выполнения грантов Российского гуманитарного научного фонда (ссылка 1), а также международного проекта «Неолиберальное управление и устойчивое развитие в Баренц Евро-Арктическом регионе с точки зрения местных сообществ» (грант по программе Сотрудничества в Арктике Совета Министров Северных Стран, NordRegio), провели исследование современного положения и перспектив социально-экономического развития малых прибрежных поселений Мурманской области на примере поселка Териберка, расположенного на побережье Баренцева моря, проблемы развития которого весьма типичны для малых прибрежных поселений региона.

Мурманской прибрежной зоне, где расположен поселок Териберка, свойственны значительные контрасты в размещении населения, подавляющее большинство которого – до 90% – сосредоточено в пределах Кольского залива [3]. Село Териберка расположено в 120 км к северо-востоку от Мурманска и Кольского залива на побережье Баренцева моря и включает 2 части: «старую» Териберку и Лодейное – часть поселка, основанная в 1930-х годах, где в период советской индустриализации были построены судоремонтные мастерские. Расстояние до районного центра г.Колы – 150 км. В соответствии с ЗМО «О статусе, наименованиях и составе территорий муниципального образования Кольский район и муниципальных образований, входящих в его состав» с. Териберка – административный центр сельского поселения Териберка Кольского района, в состав которого также входят н.п. Дальние Зеленцы, н.п. Западный Кильдин, н.п. Восточный Кильдин, н.п. Маяк Тювагубский, н.п. Остров Большой Олений [4].

Актуальность исследования была обусловлена социально-экономическими и политическими преобразованиями последних десятилетий на национальном, региональном и муниципальном уровнях, болезненно отразившимися на социально-экономической ситуации этого прибрежного поселения, сохраняющейся непростой ситуацией в рыбной отрасли РФ и Мурманской области, а также планами освоения Штокмановского газоконденсатного месторождения и предполагаемым строительством на территории поселка Териберка портового транспортно-технологического

комплекса, в том числе завода по сжижению природного газа, реализация которых могла бы значительно повлиять на дальнейшую судьбу поселка. Экспедиционная работа в Териберке выполнялась авторами доклада в декабре 2012 г., было проведено 12 интервью с представителями органов власти регионального и местного уровня, предпринимателями, местными жителями. Авторы статьи выражают благодарность всем, кто принял участие в интервью и в обсуждении проблем развития поселка.

Териберка – один из старейших рыболовецких поселков Мурманской области. Основанная около 500 лет назад, в прошлом она была самой богатой рыбацкой деревней Кольского полуострова, мультиэтнической и открытой для международных контактов, особенно во времена поморской торговли до революции 1917 года. Пика социально-экономического развития Териберка достигла в советский период: численность населения в середине 50-х гг. прошлого века составляла более 12 тыс. чел., в 1970-1980-х гг. она стабилизировалась на уровне 2,4 тыс. чел. Экономика поселка была основана на рыболовстве и рыбообработке, деятельности судоремонтных мастерских, оленеводстве и фермерстве (молочно-товарные фермы, птицефермы, фермы по разведению американской норки). Териберка была известна всей стране своей культурной жизнью. Особенно славился русский народный Поморский хор Териберки, организованный в 1935 г. и существующий до сих пор – хор неоднократно становился лауреатом престижных фестивалей в СССР, его выступления транслировались по радио Советского Союза.

В середине 1990-х гг. Териберка столкнулась с глубоким социально-экономическим кризисом, обусловленным рыночными преобразованиями в РФ, а также введением квот на вылов рыбы в Северной Атлантике. Кризис проявился в развале экономики поселка, росте безработицы до 40-50% трудоспособного населения, резком снижении уровня жизни и ухудшении демографической ситуации [5] (рис.1).

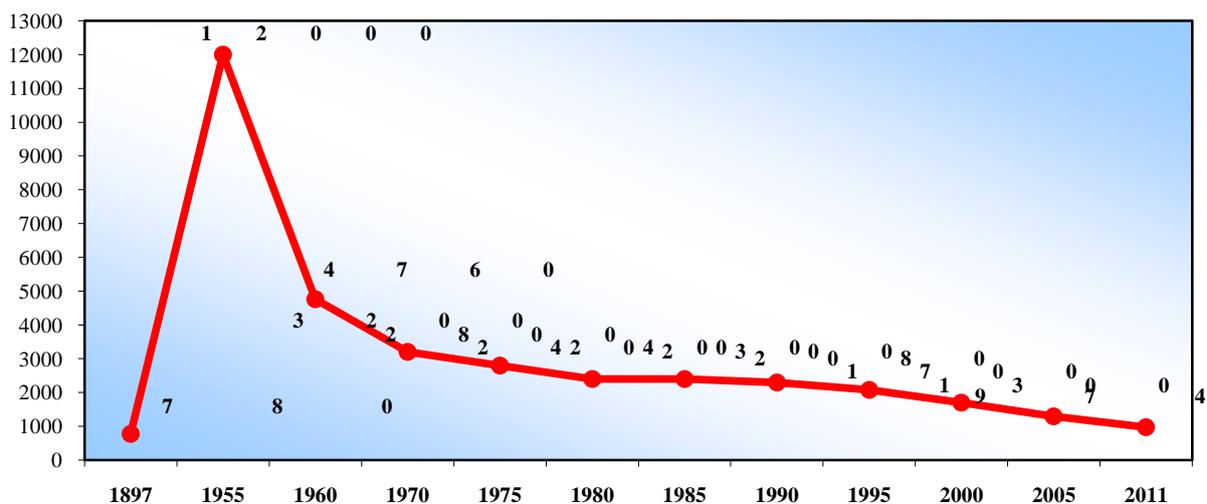


Рис.1. Динамика численности населения Териберки, чел. [6, 7]

Сегодня численность населения в Териберке – 974 чел. [6], более 26% из которых старше трудоспособного возраста. 50,3% населения составляют женщины. Экономика поселка базируется на рыболовстве и рыбообработке: здесь функционируют сельскохозяйственный производственный кооператив рыболовецкий колхоз «Мурман» и ООО «СиФудРус» – частное предприятие, занимающееся рыбообработкой. Часть населения занята в ООО «Териберские СРМ» (коммунальное хозяйство), в обслуживании Нижне-Териберской ГЭС (ГЭС-19) Каскада Серебрянских ГЭС, в ремонте и содержании дорог (участок № 5 Кильдинского ГОУ ДРСИ), в учреждениях социальной сферы (школа, детский сад, дом культуры, библиотека и др.), а также в малом бизнесе, представленном, в основном, торговлей [8, 9].

Уровень смертности в поселении (27,2 на 1000 чел. в 2012 г.) в два раза выше среднеобластного. Уровень зарегистрированной безработицы – 35% от численности экономически активного населения, а уровень общей безработицы, по нашим оценкам, достигает 60% от численности экономически активного населения. «Болевыми точками» для поселка являются проблемы, связанные с функционированием социальной и транспортной инфраструктуры: высокий

удельный вес аварийного жилья, отсутствие внутриселенческого автобусного сообщения, снижение доступа к услугам образования и здравоохранения – в поселении осталась одна школа, несколько лет назад была закрыта больница. Кроме того, проблемы развития села связаны с вопросами разграничения земельной собственности между Администрацией Кольского муниципального района и местной Администрацией Териберки. В частности, как выяснилось в ходе полевого исследования, эти проблемы препятствуют развитию туризма в Териберке из-за сложностей в отводе земли под строительство гостиницы.

До недавнего времени обеспечение территориального развития Териберки определялось ее вовлечением в региональные и межрегиональные экономические связи – в соответствии с Генеральным планом муниципального образования «Сельское поселение Териберка» перспективы социально-экономического развития поселения связывались с освоением Штокмановского газоконденсатного месторождения (ШКГМ) [10]. Проект освоения ШКГМ предполагал строительство портового транспортно-технологического комплекса вблизи с.Териберка, включающего специализированный морской порт, бункеровочную базу, завод по производству сжиженного природного газа, административную зону, площадку временных сооружений. При реализации проекта предполагалось использование преимущественно вахтового метода работы с обеспечением населения Териберки рабочими местами, главным образом, в обслуживающей сфере [11].

В 2012 г. было объявлено о переносе реализации проекта на неопределенный срок. Такой поворот событий показал, что современная Териберка, в которой основными видами экономической деятельности и главными источниками занятости населения остаются рыбообработка и прибрежное рыболовство, остро нуждается в новых подходах к развитию, поскольку традиционные виды деятельности в тех объемах, в которых они сегодня реализуются, не обеспечивают решение социально-экономических проблем поселка и его устойчивое развитие в будущем. Кроме того, одной из главных причин сложной ситуации в поселке, как и во многих других прибрежных поселениях Мурманской области, Севера и Арктики РФ, является дискриминационный механизм распределения доходов от освоения северных и арктических природных ресурсов. Сложившаяся система работает, главным образом, в пользу федерального уровня и промышленных корпораций. Это создает искусственную дотационность большинства северных регионов и муниципалитетов. Необходимы изменения налоговых и неналоговых механизмов распределения доходов, совершенствование межбюджетных отношений между федеральным центром и регионами, направленные на увеличение объема средств, остающихся на региональном местном уровне. На Севере и в Арктической зоне не обойтись без государственного протекционизма, особенно в социальной сфере, где сегодня чрезвычайно много проблем.

В Териберке, как и в других малых прибрежных поселениях, нужны четко определенные и финансово обеспеченные стратегии экономического развития поселка, включающие новые направления развития, стратегии борьбы с бедностью, обеспечения занятости и повышения уровня жизни населения, демографического развития, на основе реализации которых возможно сохранение поселка и обеспечение его устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Как показало исследование, главную роль в обеспечении устойчивого развития поселка местное сообщество отводит региональным органам государственной власти, и, в первую очередь, Губернатору области – М.В. Ковтун. В июле 2012 г., почти сразу после своего назначения, Губернатором был подписан План решения основных социально-экономических проблем сельского поселения Териберка на 2012-2014 гг., предусматривающий решение наиболее острых проблем поселка в организации качественной медицинской помощи, в области жилищно-коммунального хозяйства (восстановление и ремонт систем ливневой канализации и дренажа, замена электрокабеля и ремонт водозабора, создание резервного источника электроснабжения, закупка двух мощных дизель-генераторов), ремонте дорог (ремонт 42-километрового подъезда к селу от Серебрянской трассы), в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами, образования, культуры (капитальный ремонт здания Териберского дома культуры) и развития бизнеса [11]. Как показали интервью, план выполняется и приносит положительные результаты – в конце 2012 г. для нужд поселения были закуплены мусоровоз, насосы для канализационных и дренажных систем.

Заметному снижению безработицы в Териберке способствовало открытие в мае 2012 г. модернизированного, использующего самые современные технологические линии, закупленные в Исландии, рыбоперерабатывающего комплекса частной компании «СиФудРус». В рамках ведомственной целевой программы областного комитета рыбохозяйственного комплекса «Развитие прибрежного рыбохозяйственного комплекса на 2009-2011 годы» предприятию была предоставлена

государственная поддержка в форме субсидирования процентов по кредитам на закупку сырья и вспомогательных материалов, модернизацию производства и приобретение оборудования [12, 13]. Предприятие обеспечило для местного населения около 90 рабочих мест.

Несмотря на то, что проект освоения Штокмановского месторождения отложен, в поселке продолжают действовать социальные программы, начавшиеся во время подготовки к реализации проекта. Так, компания «Штокман Девелопмент АГ» в рамках реализации программы по социальному развитию и подготовке кадров уже не первый год спонсирует обучение лучших выпускников школы п. Териберка в Мурманском государственном техническом университете с перспективой их дальнейшего привлечения на работу в Штокмановский проект (программа «Штокмановский стипендиат»). При финансовой поддержке «Штокман Девелопмент АГ» в Лодейнинской средней общеобразовательной школе с целью повышения качества учебного процесса и языковой подготовки при поступлении в высшие и среднеспециальные учебные заведения открыт лингафонный учебный кабинет. Кроме того, в целях развития социальной инфраструктуры Териберки «Штокман Девелопмент АГ» обеспечил капитальный ремонт и оснащение необходимым оборудованием спортивного и тренажерного залов поселенческой школы [14-16].

Устойчивое развитие Териберки местное сообщество связывает и с международным сотрудничеством. В рамках программы Европейского союза Коларктик, направленной на снижение периферийности приграничных территорий, развитие их социального и экономического потенциалов, на развитие сотрудничества северных приграничных губерний на равноправной основе, реализуется программа «Экономическое и социальное развитие Териберки». Программа включает финансирование развития рыбной отрасли, малого и среднего предпринимательства, туризма, общий объем финансирования – 108 млн руб. [17]. Среди партнеров Программы – Министерство экономического развития Мурманской области, Администрация муниципалитета Териберка, Сер-Варангер (муниципалитет Båtsfjord), муниципалитет Hammerfest, Норвежский государственный жилищный банк, Союз норвежских рыбаков, Промышленный лицей г. Мурманска, Коммерческая организация «Мурманское областное агентство поддержки малого и среднего предпринимательства», Ассоциация прибрежного рыболовства промышленников и фермерских хозяйств Мурманска, Shtokman Development AG, Кольская муниципальная администрация.

Одним из важных условий устойчивого развития прибрежного поселения Териберка, как считают представители региональных и местных органов власти и жители поселка, является развитие сферы туризма. В качестве его основных направлений рассматриваются экстремальный, познавательный, научный туризм. Например, среди природных объектов, способных выступить в качестве достопримечательностей, участники интервью выделили оз. Могильное (гидрологический памятник природы) на о. Кильдин, где за тысячелетия установилось такое равновесие пресной и морской воды, которое создало возможность одновременного развития морских, солоновато-водных и пресноводных организмов. На территории поселения расположен ряд бухт, подходящих для дайвинга, в том числе вблизи н.п. Дальние Зеленцы. Для познавательного туризма может представлять интерес с.Териберка, н.п. Дальние Зеленцы, функционирующие и заброшенные или законсервированные научные и военные объекты. На наш взгляд, большой интерес для туристов могут представлять черты традиционного поморского образа жизни, быта, фольклора, сохраняющиеся в поселке. Деятельность Поморского народного хора, кружки рукоделия, работающие в Доме культуры села, дают хорошую базу для развития фольклорного туризма. Как показали интервью, у индивидуальных предпринимателей есть намерения развивать и этнический туризм, например, разрабатывается идея создания кластера «саамская деревня». Однако на сегодняшний день сфера туризма в поселке пока представлена лишь эпизодическими мероприятиями, главным образом, «серого» туризма.

В сентябре 2012 г. принята новая редакция региональной целевой программы «Развитие туризма в Мурманской области на 2012-2015 гг.» [18], основная цель которой – обеспечение развития внутреннего и въездного туризма посредством реализации таких мероприятий, как поддержка веб-туризма, опубликование ежегодных сборников и аналитических материалов с данными о развитии туризма в муниципалитетах области, производство сувениров с символикой Кольского полуострова, предоставление государственной поддержки развитию туризма в Мурманской области в виде дотаций, субсидий и т.д. В рамках этой программы Администрация поселка планирует осуществлять мероприятия по более активному развитию туристической деятельности в Териберке.

По мнению представителей региональных и местных органов власти, населения поселка главным направлением устойчивого развития прибрежного поселения Териберка является его

позиционирование и планомерное развитие в качестве рыбацкого поселка с возрожденными в полной мере рыбными промыслами, развитым маломерным флотом и судоремонтными мастерскими, дополненное таким направлением как развитие туризма, основанного на достопримечательностях поселка и его окрестностей, способных стать уникальными туристическими брендами Териберки. По мнению местного сообщества, для реализации такой стратегии развития поселка в сложившихся условиях необходима существенная поддержка региональных органов государственной власти.

Литература

1. Дидык В.В. Роль местного самоуправления в достижении устойчивого развития территории российской части Баренцева региона // Север и рынок: формирование экономического порядка – Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011 (28). № 2. С.87-90.
2. Рябова Л.А. Местные сообщества планетарного Севера: тренды и факторы социального развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011 (28). № 2. С.102-107.
3. Васильев А.М., Денисов В.В. Проблемы и перспективы комплексного подхода к организации морской деятельности в прибрежно-морском пространстве Мурманской области // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2012 (31). № 3. С.35-45.
4. О статусе, наименованиях и составе территорий муниципального образования Кольский район и муниципальных образований, входящих в его состав [Электронный ресурс]: Закон Мурманской области, от 29.12.2004 N 577-01-ЗМО. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»
5. Eikeland S., Ryabova L., Ivanova L. Northwest Russian fisheries after the disintegration of the USSR: market structure and spatial impacts. Polar Geography. 2005. V. 29. № 3. P.224-236.
6. База данных показателей муниципальных образований. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>
7. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book3182/10196/>
8. Сельское поселение Териберка Кольского района. Режим доступа: <http://mun.gov-murman.ru/local/teriberka.shtml>
9. Сельское поселение Териберка. Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Териберка_\(сельское_поселение\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Териберка_(сельское_поселение))
10. Генеральный план МО «Сельское поселение Териберка». Режим доступа: www.teriberka51.ru/getattached.php?fileid=119
11. Ковтун М.: «Антикризисный план по Териберке имеет конкретный механизм реализации». Режим доступа: http://www.gov-murman.ru/press/?d=29-06-2012_11:48
12. После модернизации открылся рыбоперерабатывающий комплекс в Териберке. Режим доступа: <http://www.mbnews.ru/content/view/33603/100/>
13. Единственная прибрежная рыбная фабрика в Мурманской области откроется в апреле. Режим доступа: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=201203191232>
14. Общественные слушания в рамках Штокмановского проекта. Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/deposits/shp/public-hearings/>
15. При финансовой поддержке «Штокман Девелопмент АГ» в Лодейнинской средней общеобразовательной школе (Мурманская область) открыт лингафонный учебный кабинет и переоборудован спортивный зал. Режим доступа: <http://www.shtokman.ru/press/news/2011/221/>
16. Социальная направленность Штокмановского проекта. Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/about/>
17. На решение проблем Териберки будет выделено свыше 108 млн рублей. Режим доступа: <http://hibiny.com/news/ru/archive/34795>
18. ВЦП Развитие туризма 2012-2015 годы. Режим доступа: http://minec.gov-murman.ru/content/targ_programs/sub02/sub18/

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

О.В.Скотаренко

к.э.н., доцент кафедры финансов

бухгалтерского учета и управления экономическими системами

ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный технический университет»

Аннотация. В данном исследовании автором поставлена проблема оценки уровня социально-экономического развития региона. В статье выделены особенности исследуемых методов оценки в отечественной науке, а также автором уточнена методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов, разработанная Министерством экономического развития РФ.

Ключевые слова: уровень социально-экономического развития, комплексная оценка, индекс жизни населения, уровень социальной защищенности населения, система оценок региональных ситуаций, эффективность использования потенциала региона.

EVALUATION METHODS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS

O.V.Skotarenko

PhD (Economics), Docent of department of finance, accounting and management of economic systems,
Murmansk State Technical University

Abstract. In the study the author raises the problem of evaluating the level of socio-economic development of the region. The article reveals the specificity of the studied evaluation methods in the domestic science, also the author specifies the methodology of complex evaluation of socio-economic development of regions, developed by the RF Ministry of economic development.

Keywords: level of socio-economic development, complex evaluation, index of life, level of social protection of the population, the system of evaluations of regional situations, efficiency of using the region's potential.

Тенденции и темпы социально-экономического развития, как Российской Федерации, так и ее регионов зависят от большого количества факторов (показателей). Официальная статистика приводит данные более, чем по 100 показателям, одни из которых оказывают весьма значительное влияние на уровень жизни населения и социально-экономическую сферу (такие, например, как валовой региональный продукт, доходы и расходы консолидированных бюджетов, инвестиции в основной капитал, среднедушевые денежные доходы, уровень безработицы) и воспринимаются как основные показатели, практически в целом определяющие достигнутый уровень социально-экономического развития; другие же влияют не столь прямо и чувствительно (такие, например, как площади сельхозугодий и пашни, число амбулаторно-поликлинических учреждений, выпуск специалистов из высших и средних учебных заведений), поэтому в оценках достигнутого уровня социально-экономического развития эти показатели отбрасываются на задний план или вообще не учитываются.

Попытки комплексно оценить уровень социально-экономического развития регионов Российской Федерации предпринимались многими специалистами [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Так, для оценки уровня социально-экономического развития региона В.Е. Рохчин главную роль отводит показателям жизни населения [1]. Оценку динамики этого показателя предлагается осуществлять на основе мониторинга качества жизни населения по следующим составляющим [2]: уровень жизни населения; состояние общественного здоровья; образ жизни населения.

Мониторинг уровня жизни населения региона предлагается производить в разрезе основных социальных групп населения с учетом принятого в обществе стандарта жизни - потребления и расходов населения, денежных сбережений, накопленного имущества, обеспеченности населения объектами просвещения, культуры и искусства, состояния защиты социально уязвимых слоев населения. Для определения уровня жизни населения предлагается использовать систему показателей (индикаторов), предложенную А. Суриковым [3].

В качестве обобщающей оценки уровня жизни населения предлагается индекс жизни (индекс потребительских цен, характеризующий изменение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, исходя из фактической структуры потребительских расходов населения в текущем периоде к его значению в базовом периоде).

Л.М.Чистов, говоря об обществе социальной защищенности, отмечает, что одним из существенных недостатков известных макро- и микроэкономических теорий функционирования социально-экономических комплексов различных уровней является отсутствие обоснованного обобщенного критериального показателя, отражающего конечные цели их развития, соответствующие обществу социальной стабильности, справедливости и защищенности. Он предлагает в качестве такого показателя использовать показатель социальной защищенности человека [4].

В.Лексин и А.Швецов в своей работе [5] отмечают, что мировой опыт территориального управления свидетельствует о недостаточности использования единого показателя или даже системы показателей для оценки социально-экономического развития. Они предлагают использовать систему оценок региональных ситуаций, значимость которых выявляется на основе регионального анализа.

Интересный подход излагает В.Е.Парфенова в работе [6], посвященной проблемам структурных изменений динамики степени удовлетворения социально-бытовых потребностей населения. Автор рассматривает удовлетворение потребностей населения как цель общественного производства и в то же время как необходимое средство достижения более высокой цели - всестороннего развития самого человека. Говоря об особенностях измерения результатов развития социальной сферы, автор исходит из того, что условием оптимизации конечных результатов выступает не безграничное увеличение объема социальных услуг, а приближение к некоторому рациональному уровню их потребления, который может быть выражен социальными нормами [6].

В.Н.Иванова считает, что в основу оценки эффективности развития регионов должна быть положена динамика уровня удовлетворения потребностей всех основных категорий населения, степень реализации региональных интересов и комплексная характеристика условий жизнедеятельности населения [7]. Для оценки основных сторон социально-экономического развития она предлагает следующий комплекс показателей:

- увеличение средней продолжительности жизни населения;
- характеристика естественного прироста населения;
- сокращение детской смертности и смертности населения в трудоспособном возрасте;
- изменение обеспеченности населения жилой площадью;
- динамика уровня удовлетворения других социально-культурных и бытовых потребностей населения.

Рассмотренные выше методы позволяют достаточно детально оценить динамику удовлетворения широкого спектра потребностей населения. Достичь этого уровня позволяют предлагаемые показатели и критерии оценки развития социально-экономических процессов в регионе. При этом степень удовлетворения потребностей населения ряд авторов предлагает осуществлять на основе сопоставления фактически достигнутых результатов с нормативными (установленными целями развития социально-экономических процессов). Однако большинство подходов связано с оценкой отдельных процессов социально-экономического развития региона и не позволяет оценить сложившуюся ситуацию в целом, за исключением предлагаемого Л.М.Чистовым показателя социальной защищенности, который базируется на сопоставлении среднегодового дохода среднесписочного жителя региона с величиной рациональной потребительской корзины. При этом автор, вводя понятие «рациональной потребительской корзины» отмечал, что её размер обусловлен рациональным потреблением, но не приводит обоснований и рекомендаций для его определения.

Несомненно, рассмотренные подходы и показатели оценки качества жизни населения заслуживают пристального внимания и могут быть использованы в ходе планирования и оценки развития социально-экономических процессов в регионе. Однако все рассмотренные показатели оценки не отражают связи результатов с затратами, т.е. ресурсами, использованными для их достижения. Это не позволяет оценить эффективность использования потенциала региона на стадии планирования различных мероприятий и в ходе их реализации.

Е.Л.Щесняк справедливо отметил, что проблема оценки эффективности существует на всех уровнях управления экономикой - от общества в целом - до отдельных предприятий [8]. На всех этих уровнях категория эффективности призвана отражать связь между ресурсами и поставленными (или достигнутыми) целями, решая задачи наилучшего и полного использования ресурсов. В связи с этим категория эффективности должна занимать ведущее место в экономической науке. Это подтверждается особым вниманием, уделяемым категории эффективности многими зарубежными и отечественными экономистами.

Постановлением Правительства РФ от 11.10.2001 г. № 717 «О Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 годы и до 2015 года)», была утверждена разработанная Министерством экономического развития РФ методика комплексной оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ.

Базовыми индикаторами комплексной оценки уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации по официальной методике, являются двенадцать показателей, представленные в табл.1.

В 2004 году, в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 737 [9] перечень индикаторов оценки уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации был изменен. Однако по новой методике расчеты комплексного показателя социально-экономического развития субъектов Российской Федерации не производились.

Количество используемых для комплексной оценки уровня социально-экономического развития частных индикаторов, представляется, недостаточным для объективной оценки уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Среди используемых для комплексной оценки показателей, должны быть учтены не только базовые индикаторы, оказывающие видимое влияние на уровень социально-экономического развития, но также и показатели не столь явно влияющие на уровень социально-экономического развития. Совокупность менее значимых показателей может оказать существенное влияние на комплексный показатель уровня социально-экономического развития.

Вместе с этим следует учесть, что многие индикаторы включают в себя элемент субъективности, что не позволяет говорить об объективной оценке уровня социально-экономического развития, проводимой по официальной методике. Названная методика основана на расчете базовых индикаторов, которые связываются с коэффициентом уровня покупательной способности, который, в свою очередь, рассчитывается из среднедушевого прожиточного минимума, формируемого субъективным методом. При этом представляется важным при расчете уровня социально-экономического развития использовать лишь объективно полученные показатели. Таким образом, еще одним из основных принципом оценки уровня социально-экономического развития является объективность показателей социально-экономического развития.

Кроме расширения перечня частных показателей социально-экономического развития, а также учета их объективности, необходимо также проработать комплекс показателей, которые могут быть сопоставлены с имеющимися у субъектов Российской Федерации собственными полномочиями, отражающими результативность деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по решению важнейших экономических и социальных проблем.

В настоящее время большинство статических показателей не сопоставимы с полномочиями органов государственной власти в социально-экономической сфере, то есть на их основе нельзя судить о влиянии конкретных полномочий и их совокупности на социально-экономическое развитие субъекта Федерации [1, 6]. Таким образом, объективно оценить имеющуюся модель разграничения компетенции в социально-экономической сфере между органами государственной власти Федерации и органами государственной власти субъектов РФ невозможно. Можно строить предположения и догадки о том, как влияет наличие или отсутствие того или иного полномочия у конкретного органа государственной власти на социально-экономическое развитие конкретного субъекта РФ. Между тем не вызывает сомнения тот факт, что наличие или отсутствие определенных полномочий в социально-экономической сфере у органов государственной власти РФ или органов государственной власти субъектов РФ будет воздействовать на социально-экономическое развитие.

В последнее время регионы Российской Федерации приобретают все большую самостоятельность, которая выражается в децентрализации управления и обособленности как хозяйственных, так и финансовых структур. Возникла необходимость формирования новой региональной сферы интересов и ответственности, реализуемых в специфических условиях на конкретной территории.

Интересы региона, прежде всего, выражаются в стабилизации воспроизводства, а также сохранении и преумножении накопленного потенциала. В противном случае, при нарушении стабилизации воспроизводства, возникает вероятность перехода региона в разряд депрессивных. Процесс восстановления подорванного потенциала региона весьма сложен, требует больших временных и финансовых затрат. В то время как при устойчивом развитии региональные интересы реализуются в наибольшей степени. Поэтому на современном этапе перед региональными органами встала задача поддержания определенных параметров социально-экономического развития за счет внутререгиональных ресурсов.

К наиболее значимым индикаторам (параметрам) региональных интересов относятся: соответствие уровня и образа жизни населения государственным и другим стандартам; наличие региональных бюджетно-финансовых и прочих материальных источников (собственности и др.); потенциальные возможности для использования имеющихся ресурсов, мест приложения труда, интеллекта; наличие инфраструктуры для развития внутри- и межрегиональных связей; природоресурсный и экологический потенциалы региона; стабильность общественно-политической и национально-этнической ситуации. Наряду с региональными интересами важнейшим критерием для оценки ситуации в регионах имеют цели их развития, воплощаемые в форме подготовленных управленческих решений и действий. Эти цели могут не совпадать в точности с региональными интересами, но необходимо обеспечить их принципиальное соответствие. Последнее выступает как база оценок и обоснований принятия решений и действий.

По нашему мнению, при проведении комплексной оценки уровня социально-экономического развития региона необходимо учитывать следующие основные принципы:

- комплексность оценки принимает во внимание важнейшие составляющие показателей уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации;
- системность оценки предполагает взаимосвязь базовых показателей и характеристик развития регионов;
- достоверность исходных данных при выборе базовых показателей регионального развития;
- соответствие системы индикаторов задачам анализа и прогнозирования уровня социально-экономического развития регионов;
- информативность результатов оценки уровня развития регионов обеспечивает возможность принятия оптимальных решений на федеральном и региональном уровнях государственного управления;
- сочетание общеэкономических индикаторов с показателями результатов деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по решению важнейших социальных и экономических проблем.

Основной информационной базой для проведения оценки уровня социально-экономического развития регионов являются:

- годовая статистическая отчетность Государственного комитета Российской Федерации по статистике;
- материалы, полученные от субъектов Российской Федерации в ходе осуществления мониторинга и разработки прогнозов социально-экономического развития регионов.

На наш взгляд, перечень основных принципов проведения комплексной оценки уровня социально-экономического развития, предлагаемый Министерством экономического развития РФ требует некоторой доработки. В частности, принцип комплексности оценки должен обеспечивать не только учет всех важнейших составляющих показателей уровня социально-экономического развития, но и показатели уровня развития отраслей социальной инфраструктуры и промышленности.

Для комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации нами предложены следующие показатели, представленные в табл.1.

Таблица 1

Показатели оценки уровня социально-экономического развития регионов

Название показателя	Порядок расчета	Расшифровка показателей	Кем разработан
1	2	3	4
Промежуточный показатель			
Коэффициент уровня покупательной способности (Кпс)	$K_{пс} = \frac{ПР_{мин}}{ПР_{мин\ рф}}$	ПР _{мин} - среднедушевой прожиточный минимум в регионе, руб.; ПР _{мин рф} - среднероссийский показатель прожиточного минимума, руб.	Министерство экономического развития РФ
Базовые индикаторы комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов			
1) Валовой региональный продукт (с учетом покупательной способности) на душу населения, тыс. руб. (ВРП _{дн})	$ВРП_{дн} = \frac{ВРП}{ЧН} / K_{пс}$	ВРП - валовой региональный продукт, тыс. руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.; Кпс - коэффициент уровня покупательной способности	Министерство экономического развития РФ

1	2	3	4
Промежуточный показатель			
2) Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, тыс. руб. (Идн)	$\text{Идн} = \text{И} / \text{ЧН} / \text{Кукз}$	где И - объем инвестиций за счет всех источников финансирования, тыс. руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.; Кукз - коэффициент удорожания кап затрат (Кукз)	Министерство экономического развития РФ
3) Объем внешнеторгового оборота на душу населения, долл. США (ВТОдн)	$\text{ВТОдн} = \text{ВТО} / \text{ЧН} = (\text{Эксп} + \text{Имп}) / \text{ЧН}$	Экс - суммарный объем экспорта, тыс. долл.; Имп - суммарный объем импорта, тыс. долл.; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Министерство экономического развития РФ
4) Финансовая обеспеченность региона с учетом покупательной способности на душу населения, тыс. руб. (ФОдн)	$\text{ФОдн} = \text{Д} / \text{ЧН} / \text{Кпс}$	Д - доходы консолидированных бюджетов, тыс. руб.; ЧН - численности населения, тыс. чел.; Кпс - коэффициент уровня покупательной способности	Уточнен автором
5) Доля среднесписочной численности работников, занятых на частных предприятиях (ДЧРчп)	$\text{ДЧРчп} = \text{Ччп} / \text{Чэ}$	Ччп - численность занятых на частных предприятиях, тыс. чел.; Чэ - численность занятых в экономике, тыс. чел.	Уточнен автором
6) Уровень зарегистрированной безработицы, % (к экономически активному населению) (Убз)	$\text{Убз} = \text{Чбр} / (\text{Чэ} + \text{Чбр}) \times 100\%$	Чбр - численность зарегистрированных безработных, тыс. чел.; Чэ - численность занятых в экономике, тыс. чел.	Министерство экономического развития РФ
7) Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума (Инд ДД)	$\text{Инд ДД} = \text{ДДнд} / \text{ПРмин}$	ДДнд - величина среднедушевых денежных доходов населения; ПРмин - величина среднедушевого прожиточного минимума	Министерство экономического развития РФ
8) Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения (ДЧН ниже мин)	$\text{ДЧН ниже мин} = \text{ЧН ниже мин} / \text{ЧН}$	ЧН ниже мин - средняя численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, чел.; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Министерство экономического развития РФ
9) Суммарный оборот розничной торговли, общественного питания и платных услуг в расчете на душу населения, тыс. руб. (СумОБ)	$\text{СумОБ} = (\text{РТО} + \text{Ооп} + \text{Опу}) / \text{ЧН} / \text{Кпс}$	РТО - сумма объема розничного товарооборота, тыс. руб.; Ооп - оборот общественного питания, тыс. руб.; Опу - объем платных услуг, тыс. руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.; Кпс - коэффициент уровня покупательной способности	Министерство экономического развития РФ
10) Основные фонды отраслей экономики на душу населения, тыс. руб. (ОПФнд)	$\text{ОПФнд} = \text{ОПФ} / \text{ЧН}$	ОПФ - основные фонды отраслей экономики, тыс. руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Министерство экономического развития РФ
11) Коэффициент плотности автомобильных дорог (коэффициент Энгеля)	$\text{Кэнгеля} = \text{Пад} / \sqrt{\text{ЧН} / \text{Стер}}$	Пад - плотность автодорог (рассчитывается как отношение протяженности автодорог (тыс. км) (Пад) к площади территории (Стер); ЧН - среднегодовая численность населения, тыс. чел.; Стер - площадь территории, тыс. км ²	Министерство экономического развития РФ
12) Сводный показатель уровня развития отраслей социальной инфраструктуры			
а) обеспеченность дошкольными образовательными учреждениями, мест (на 1000 чел.) (ДШКнд)	$\text{ОДКШнд} = \text{ЧДШК} / \text{ЧД}$	ЧДШК - число дошкольных учреждений; ЧД - численность детей в них, тыс. чел.	Министерство экономического развития РФ
б) обеспеченность дневными общеобразовательными государственными учреждениями, мест (на 1000 человек) (ОШнд)	$\text{ОШнд} = \text{ЧШ} / \text{ЧО}$	ЧШ - число общеобразовательных государственных и муниципальных учреждений на начало учебного года; ЧО - численность обучающихся в них, тыс. чел.	Введен автором

1	2	3	4
в) выпуск квалифицированных рабочих, чел. (на 10000 чел. населения)*			Введен автором
г) выпуск специалистов государственными средними учебными заведениями, тыс. чел.*			Уточнен автором
д) выпуск специалистов государственными высшими учебными заведениями, тыс. чел.*			Введен автором
е) мощность врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену (на 10000 чел.)*			Введен автором
ж) численность врачей, чел. (на 10000 чел. населения)*			Уточнен автором
и) численность среднего медицинского персонала, чел. (на 10000 чел. населения)*			Уточнен автором
13) Добыча полезных ископаемых на душу населения, руб. (ДПИнд)	$\text{ДПИнд} = \text{ДПИ} / \text{ЧН} \times 1000$	ДПИ - добыча полезных ископаемых, млн руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Введен автором
14) Обрабатывающие производства на душу населения, руб. (ОПнд)	$\text{ОПнд} = \text{ОП} / \text{ЧН} \times 1000$	ОП - обрабатывающие производства, млн руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Введен автором
15) Производство и распределение электроэнергии, газа и воды на душу населения, руб. (ПРЭнд)	$\text{ПРЭнд} = \text{ПРЭ} / \text{ЧН} \times 1000$	ПРЭ - производство и распределение электроэнергии, газа и воды, млн руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Введен автором
16) Продукция сельского хозяйства на душу населения, руб. (ПСХнд)	$\text{ПСХнд} = \text{ПРЭ} / \text{ЧН} \times 1000$	ПСХ - производство сельского хозяйства, млн руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Введен автором
17) Ввод в действие жилых домов на душу населения, кв. м общей площади (ЖДнд)	$\text{ЖДнд} = \text{ПРЭ} / \text{ЧН} \times 1000$	ЖД - ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м общей площади; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Введен автором
18) Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух на душу населения, т (ВЗВнд)	$\text{ВЗВнд} = \text{ВЗВ} / \text{ЧН} \times 1000$	ВЗВ - выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, отходящих от стационарных источников, тыс. т; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Введен автором
19) Сброс загрязненных точных вод в поверхностные водные объекты на душу населения, куб. м (СЗТВнд)	$\text{СЗТВнд} = \text{СЗТВ} / \text{ЧН} \times 1000$	СЗТВ - сброс загрязненных точных вод в поверхностные водные объекты на душу населения, млн куб. м; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Введен автором
20) Число используемых передовых технологий*			Введен автором
21) Объем инновационных товаров, работ, услуг на душу населения, руб. (ИН ТРУнд)	$\text{ИН ТРУнд} = \text{ИН ТРУ} / \text{ЧН} \times 1000$	ИН ТРУ - объем инновационных товаров, работ, услуг на душу населения, млн руб.; ЧН - численность населения, тыс. чел.	Введен автором
22) Число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел. населения*			Введен автором
Комплексная оценка	$\text{БАЛЛр} = \sum \text{БАЛЛр} / 22$	БАЛЛр - значение приведенной балльной оценки; 22 - количество показателей	Уточнен автором

* Данные статистического сборника "Регионы России".

В ходе исследования мы пришли к выводу, что по значению комплексной оценки целесообразно использовать следующую классификацию регионов Российской Федерации, а именно:

- 1-я группа - регионы с высоким уровнем развития (комплексная оценка от 1 до 1,5 балла);
- 2-я группа - регионы с уровнем развития выше среднего (комплексная оценка от 1,6 до 3,0 баллов);
- 3-я группа - регионы со средним уровнем развития (от 3,1 до 4,5 баллов);
- 4-я группа - регионы с уровнем развития ниже среднего (от 4,6 до 6,0 баллов);
- 5-я группа - регионы с низким уровнем развития (более 6 баллов).

Литература

1. Рохчин В.Е. Стратегическое планирование развития города России: системный подход / В.Е.Рохчин, С.Ф.Жилкин, К.Н.Знаменская // Российская академия наук, Институт проблем региональной экономики. СПб.: ИРЭ РАН, «Скифия-принт», 2004. 276 с.
2. Когут А.Е. Региональный мониторинг: качество жизни населения / А.Е.Когут, В.Е.Рохчин // СПб.: Институт социально-экономических проблем РАН, 1994. 87 с.
3. Суриков А. Основные показатели уровня жизни населения в условиях рыночной экономики: Краткие методологические пояснения / А.Суриков // Вестник статистики. 1992. № 12. С.78-81.
4. Чистов Д. М. Социальная защита в системе эффективного управления / Д.М.Чистов. СПб.: Фонд рабочей Академии, 1995. 75 с.
5. Лексин В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н.Лексин, А.Н.Швецов. М.: УРСС, 2003. 368 с.
6. Парфенова В.Е. Моделирование темпов развития социальной инфраструктуры территорий / В.Е.Парфенова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1995. Серия 5. Вып. 1(5). С.21-23.
7. Иванова В.Н. Местное самоуправление: проблемы теории и практики / В.Н.Иванова. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1995. 262 с.
8. Щесняк Е.Л. Воспроизводство основных фондов высших учебных заведений в современных условиях. СПб.: СПбГИЭУ, 2003. 271 с.
9. О внесении изменений в Федеральную целевую программу "Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 годы и до 2015)" Постановление Правительства РФ № 737 от 03 декабря 2004 г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИБРЕЖНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА)¹⁹

В.П.Тоичкина

старший научный сотрудник

Институт экономических проблем им Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. В статье рассматривается исследование тенденций развития процесса воспроизводства населения в Терском муниципальном районе за 2007-2011 гг. по индикаторам устойчивости воспроизводства населения. Дана экспертно-аналитическая оценка стратегического индикатора устойчивого демографического развития «ожидаемая продолжительность жизни при рождении».

Ключевые слова: процесс воспроизводства, устойчивость демографического развития, индикаторы, индексы интенсивности процессов смертности, стандарт-население

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF COASTAL MUNICIPALITIES (CASE OF TERSKIY MUNICIPAL DISTRICT)

V.P.Toichkina

senior researcher

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

Abstract. The article discusses the study of the development trends of the reproduction process in Terskiy municipal district for the years of 2007-2011 by stability indicators of population reproduction. An expert-analytical evaluation of the strategic indicator of sustainable demographic development of "life expectancy at birth".

Keywords: reproduction process, stability of demographic development, indicators, indices of mortality intensity, standard population

¹⁹ Часть результатов получена в рамках выполнения проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития» на 2012-2014 гг., грант целевого конкурса Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Россия в Арктике: история, современность, перспективы».

Комплексное управление прибрежными территориями в рамках стратегий и программ устойчивого социально-экономического развития прибрежных муниципальных образований определяет формирование сбалансированного подхода к решению задач устойчивого демографического развития.

Устойчивое развитие как страны, так и муниципального образования представляет собой стратегически направленный процесс развития, отвечающий вызовам, возникающим в глобальном мире, обеспечивающий неопределенно долгое сохранение и приумножение природного, культурного, человеческого, социального, финансового и физического капитала, базирующийся на социально ответственном участии всех представителей социума в его развитии, а также на справедливом распределении результатов этого развития [1, 2].

Основным фактором сохранения и приумножения человеческого потенциала является устойчивое демографическое развитие, сопровождаемое государственной демографической политикой, представленной в «Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.» [3] и в других нормативно-правовых документах федерального уровня, которые были приняты в 2007-2012 годах. Реализация Концепции осуществляется в три этапа: первый – 2007-2010 гг., второй – 2011-2015 гг., третий – 2016-2025 гг.

На первом этапе реализации демографической политики предполагалось сформировать правовую, организационную и финансовую базу для наращивания дальнейших усилий по поддержке и закреплению позитивных демографических тенденций, снизить темпы естественной убыли населения.

За 2007-2011 гг. численность населения Терского муниципального района уменьшилась на 479 чел. и составила на 1.01.2012 г. 6044 чел. Снижение численности населения в этот период было обусловлено миграционным оттоком и естественной убылью (депопуляцией) населения, доля которых соответственно составила 54,9 и 45,1%. Масштабы миграционного оттока и естественной убыли населения значительно снизились по сравнению с предыдущим пятилетним периодом (2002-2006 гг.) миграционного оттока в 2,7 раза (с 0,7 тыс. чел. за 2002-2006 гг. до 0,26 тыс. чел. за 2007-2011 гг.), естественной убыли в 2,3 раза (с 0,5 тыс. чел. за 2002-2006 гг. до 0,22 тыс. чел. за 2007-2011 гг.).

Оценка социальной эффективности государственной и региональной демографической политики за 2007-2011 гг., исследование демографических тенденций и проблем в Терском районе проводились по индикаторам, принятым для диагностирования устойчивости воспроизводства населения: «коэффициент старения населения», «суммарный коэффициент рождаемости», «младенческая смертность», «условный коэффициент депопуляции», «ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении», в сопоставлении [4]:

- с базовым (2006 г.) уровнем реализации первого этапа демографической политики РФ, принятым для сравнений «Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 г.»;
- с предельно-критическими значениями индикаторов устойчивого демографического развития, принятыми в мировой практике для диагностирования устойчивости процесса воспроизводства населения;
- с показателями, достигнутыми в целом по региону за анализируемый период;
- с демографическими показателями, которые были заявлены в программных документах федерального уровня на прогнозируемый период (этапы реализации Концепции).

Исследование процессов воспроизводства населения Терского муниципального района за период реализации государственной и региональной демографической политики (2007-2011 гг.) по индикаторам устойчивости воспроизводства показывает позитивность их изменений (табл.1).

Динамика по индикатору устойчивости воспроизводства населения - «коэффициенту старения населения» (доля лиц старше 65 лет в общей численности населения) в Терском районе характеризуется значительным снижением с 13,7% в 2006 г. до 10,3% в 2011 г., но по-прежнему остается старше средне-регионального уровня (соответственно составлявшим 8,1 и 8,8%). Коэффициент старения населения в Терском районе в 2006 г. превышал предельно-критическое (11%) значение, принятое в мировой практике для диагностики устойчивости процесса воспроизводства населения, а в 2011 г. имел уже значение ниже предельно-критического уровня. Эти изменения никак нельзя назвать позитивными, так как они обусловлены в основном высокой смертностью в прибрежном районе по отношению к средне-региональному уровню. Более детальное исследование возрастной структуры показывает, что доля женщин фертильного возраста (15-49 лет) в районе самая низкая – 21,4%, в среднем по Мурманской области - 25,8%, и в тоже время одна из

старших, доля женщин 40-49 лет в фертильной группе в районе - 38,2% против 29,2% в среднем по региону (табл.1).

Позитивным изменением в формировании возрастной структуры населения Терского района является рост на 16,9% за соответствующий период (2007-2011 гг. - годы реализации демографической политики) численности детей, рождения 2007-2011 гг., дошкольного возраста (0-4 лет). Доля возрастной группы 0-4 года в общей численности населения района выросла с 4,8% до 5,9%. В целом по Мурманской области рост численности детей (0-4 лет), рождения 2007-2011 гг., составил 7,5%, доля этой возрастной группы соответственно выросла с 5,1 до 5,7%.

Таблица 1

Оценка социальной эффективности реализации демографической политики
в Терском районе и Мурманской области за 2006-2011 гг.

Индикатор	2006 г.	2011 г.	2011 г. к 2006 г., %
Коэффициент старения населения (доля лиц старше 65 лет в общей численности населения) Терский муниципальный район Мурманская обл.	13,7	10,3	75,2
	8,1	8,8	108,6
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной в возрасте 15-49 лет) Терский муниципальный район Мурманская обл.	1,21	1,8	148,8
	1,26	1,49	118,3
Условный коэффициент депопуляции (отношение числа умерших к числу родившихся за определенный период*) Терский муниципальный район Мурманская обл.	2,91	1,55	53,3
	1,3	1,006	77,4
Младенческая смертность (умершие в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми) Терский муниципальный район Мурманская обл.	18,9	13,2	69,8
	10,3	8,6	83,5

Динамика по индикатору «суммарный коэффициент рождаемости» (среднее число детей, рожденных женщиной в возрасте 15-49 лет) за 2007-2011 гг. в Терском районе характеризуется их ростом в 1,5 раза по отношению к базовому уровню 2006 г. (1,21 детей в 2006 г. и 1,8 детей в 2011 г.). Суммарные коэффициенты рождаемости в районе с 2007 г. превышали средне-региональный уровень (по региону в целом - 1,26 и 1,49 детей; рост за 2007-2011 гг. составил 18,3%). Суммарные коэффициенты рождаемости в Терском районе и регионе в целом остаются ниже предельно-критического значения (2,15 детей), принятого в мировой практике для диагностики устойчивости процесса рождаемости (табл.1).

Позитивным является то, что за 2007-2011 гг. среднегодовые темпы роста суммарных коэффициентов рождаемости в Терском районе выше соответствующих региональных.

В 2006 г. по классификации П. Макдональда суммарные коэффициенты рождаемости имели для Терского района и в среднем для Мурманской области крайне низкий уровень (менее 1,5 детей, рожденных одной женщиной). С 2007 г. по 2011 г. в Терском районе суммарные коэффициенты рождаемости по соответствующей классификации имели относительно низкий уровень (1,7-2,0 детей на одну женщину). В среднем для Мурманской области в этот период характерен крайне низкий уровень рождаемости (менее 1,5 детей, рожденных одной женщиной) [5].

Динамика по индикатору «условный коэффициент депопуляции» (отношение числа умерших к числу родившихся за определенный период²⁰) за 2007-2011 гг. в Терском районе характеризуется их значительным снижением по отношению к базовому уровню 2006 г. с 2,91 до 1,55, по региону в целом соответственно 1,3 и 1,006 (табл.1). Условный коэффициент депопуляции в Терском районе значительно выше критического значения (1,0), принятого в мировой практике для диагностики

²⁰ Условный коэффициент депопуляции можно рассчитывать и как отношение общего коэффициента смертности к общему коэффициенту рождаемости за определенный период.

устойчивости процесса воспроизводства населения. В Мурманской области в 2011 г. наблюдался незначительный процесс депопуляции, который был преодолен уже в 2012 г., условный коэффициент депопуляции составил 0,96 (менее единицы). Преодоление процесса депопуляции объясняется как позитивными изменениями в процессах воспроизводства населения, так и более молодой возрастной структурой населения, проживающего в регионе. В других регионах РФ при таких же позитивных изменениях роста рождаемости и снижения смертности, но при старшей возрастной структуре их населения, процесс депопуляции продолжится.

Динамика коэффициентов младенческой смертности (умершие в возрасте до одного года на 1000 родившихся живыми) в Терском муниципальном районе и в среднем по области за 2007-2011 гг. характеризуется их снижением по отношению к базовому уровню 2006 г. соответственно на 30,2 и 16,5% (табл.1). В Терском районе в течение трех лет (2008-2010 гг.), рассматриваемого пятилетнего периода младенческой смертности не было. В 2006-2007 гг. и в 2011 г. было по одному случаю смертности в возрасте до одного года из числа родившихся детей за год. В 2006 г. один случай смертности соответствовал коэффициенту младенческой смертности 18,9, в 2011 г. - 13,2 умерших на 1000 родившихся. Столь высокая разница коэффициентов объясняется меньшим количеством родившихся в 2006 г. по сравнению с 2011 г. (в 2006 г. родилось 53, в 2011 г. – 70 детей, что на 32,1% больше).

Коэффициенты младенческой смертности в 2011 г. в Терском районе и Мурманской области, соответственно 13,2 и 8,6, оставались выше предельно-критического значения (6,0 чел.), принятого в мировой практике для диагностики устойчивости процесса младенческой смертности. Для достижения устойчивости процесса младенческой смертности снизить один случай смертности невозможно, необходимо иметь только нулевую детскую смертность.

Стратегическим индикатором устойчивого демографического развития, обобщающим показатели половозрастной и младенческой смертности, является индикатор «ожидаемая продолжительность жизни при рождении». Для оценки ожидаемой продолжительности жизни населения при рождении в Терском районе были рассчитаны индексы интенсивности процессов смертности, показывающие соотношение интенсивности процессов смертности сравниваемого населения Терского района, и стандарт-населения Мурманской области. Индексы определяют, в какой степени их величина и разница между ними свидетельствует о действительном уровне процесса смертности, о действительной разнице между уровнями сравниваемых процессов смертности Терского района и региона в целом [4, 6].

Динамика индексов интенсивности процессов смертности за 2006 г. и 2011 г. показывает, что соотношение интенсивности процессов смертности сравниваемого населения Терского района и стандарт-населения Мурманской области выше в 2006 г. в 1,34, в 2011 г. - в 1,24 раза соответствующего средне-регионального уровня.

Средне-региональный уровень ожидаемой продолжительности жизни (68,9 лет) отстает от среднероссийского уровня, в 2011 г. по РФ – 69,8 лет, и значительно отстает от предельно-критического значения – 76,7 лет, принятого в мировой практике для диагностики устойчивости процесса половозрастной смертности населения.

Терский район по уровню половозрастной смертности ухудшает динамику (2007-2011 гг.) соответствующих среднеобластных показателей и сдерживает рост индикатора ожидаемая продолжительность жизни при рождении в целом по региону.

Проведенная экспертно-аналитическая оценка индикатора «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» для Терского района за 2006 г. и 2011 г. (табл. 2) показывает:

- индикатор «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» для всего (оба пола) населения в 2006 г. составлял 61,1 лет, что было на 4,1 года ниже среднего уровня по Мурманской области (65,2 лет) и на 15,6 лет ниже предельно-критического значения (76,7 лет), принятого в мировой практике для диагностики устойчивости процесса смертности;

- индикатор «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» для всего (оба пола) населения в 2011 г. составлял 65,2 лет, что ниже на 3,7 лет среднего уровня по Мурманской области (68,9 лет) и на 11,5 лет ниже предельно-критического значения, принятого в мировой практике (76,7 лет);

- за 2007-2011 гг. ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Терском районе увеличилась на 4,1 года, в Мурманской области на 3,7 года.

Увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Терском районе до среднего уровня по области 2011 г. 68,9 лет позволит снизить коэффициент депопуляции в районе на 23% до уровня 1,2 (отношение числа умерших к числу родившихся).

Экспертно-аналитическая оценка индикатора «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» в Терском районе

	2006 г.	2011 г.	2011-2006 гг., лет
Ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении, лет (оба пола)			
Терский муниципальный район	61,1	65,2	4,1
Мурманская область	65,2	68,9	3,7

Исследование тенденций развития процесса воспроизводства населения в Терском муниципальном районе за 2007-2011 гг. по индикаторам принятым для диагностирования устойчивости воспроизводства населения выявило:

на этапе (2007-2011 гг.) реализации государственной [2] и региональной [7] демографической политики к 2012 г. достигнуто значительное снижение на 46,7% депопуляционных процессов;

устойчивую динамику роста суммарного коэффициента рождаемости, который за период 2007-2011 гг. в 1,8-1,5 раз превышал базовый (2006 г.) уровень;

позитивной тенденцией в этот период стал рост на 4,1 года стратегического индикатора устойчивого демографического развития, обобщающего показатели половозрастной и младенческой смертности «ожидаемой продолжительности жизни при рождении»;

индикатор «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» для всего (оба пола) населения в 2011 г. оставался ниже на 3,7 лет среднего уровня по Мурманской области и на 11,5 лет ниже предельно-критического значения, принятого в мировой практике. Это определяет острейшую проблему демографического развития Терского муниципального района - высокую половозрастную смертность населения и как результат этого процесса низкую ожидаемую продолжительность жизни при рождении, которую необходимо решать на последующих этапах реализации демографической политики регионального и муниципального уровней.

Литература

1. Рябова Л.А. Проблемы применения концепции устойчивого развития в РФ: от национального уровня к северному аспекту // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2010 (25). № 1. С.44-49.
2. Рябова Л.А. Концепция устойчивого развития и формирование социальной политики в местных сообществах Севера РФ // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2011(27). № 1. С. 145-152.
3. «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.». Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Тоичкина В.П. Методические аспекты оценки воспроизводства населения муниципальных образований (на примере Мурманской области) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С.188-194
5. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0285/analit01.php>
6. Тоичкина В.П. Процесс воспроизводства населения на первом этапе демографического развития: муниципальный уровень (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2012 (29). № 1. С.74а-78.
7. «О долгосрочной целевой программе «Улучшение демографической ситуации в Мурманской области» на 2007-2010 гг.». Постановление Правительства Мурманской области от 27.09.2007 г. № 442-ПП/17 (ред. от 21.12.2010 г.). Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ*

М.В.Ульченко

К.Э.Н.

Институт экономических проблем им Г.П.Лузина КНЦ РАН

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы оценки уровня экономической безопасности регионов. На основании анализа отечественного и зарубежного опыта автором разработана система показателей экономической безопасности региона, которая включает в себя 8 групп показателей по основным направлениям развития. Кроме того, составлена анкета, осуществлен социологический опрос высококвалифицированных специалистов и обобщены результаты их экспертных оценок. В результате, разработана система показателей экономической безопасности и их пороговые значения для конкретного региона – Мурманской области.

Ключевые слова: северные регионы, экономика, экономическая безопасность, показатели, пороговые значения, развитие.

EVALUATION OF ECONOMIC SECURITY LEVEL OF THE MURMANSK REGION

M. V. Ulchenko

PhD (Economics)

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

Abstract. The article discusses problems of evaluating the level of regions' economic security. On the basis of analyzing the domestic and international experiences the author developed the system of economic security indicators in the region, which includes eight groups of indicators in the key development areas. Besides, the questionnaire was elaborated, the sociological survey of highly skilled specialists was carried out and results of their expert evaluations were summarized. As a result the system of economic security indicators and their threshold values for the concrete region – the Murmansk region – were developed.

Keywords: northern regions, economy, economic security, indicators, thresholds, development

Проблема обеспечения экономической безопасности является актуальной темой исследования, чему свидетельствует большое количество научных публикаций. В России понятие «экономическая безопасность» получило широкое применение в начале 1990-х гг. Среди отечественных ученых, уделяющих большое внимание исследованиям вопросов экономической безопасности, следует выделить работы Абалкина Л.И., Глазьева С.Ю., Сенчагова В.К., Татаркина А.И., Балабанова В.С., Борисенко Е.Н. и др. [1, 2, 3, 4].

Используемые определения понятия «экономическая безопасность региона» отличаются от понятия «экономической безопасности государства» только заменой слова государства на регион. Тем не менее, следует понимать, что объектами экономической безопасности региона являются территория региона и все относящееся к его экономике, а объектом экономической безопасности государства является вся территория страны.

Большинство отечественных авторов сходятся во мнении, что региональную экономическую безопасность целесообразно рассматривать концептуально, как проекцию Концепции национальной безопасности РФ на региональный уровень в плане обеспечения защиты жизненно важных интересов индивида, общества, государства от внутренних и внешних угроз. Тем не менее, следует понимать, что интересы региона не всегда совпадают с интересами государства, возможны ситуации, когда они даже противоречат Государственной стратегии экономической безопасности. Например, рыночные механизмы делают выгодным развитие экологически вредных производств, а государство заинтересовано сдерживать их развитие [5].

Поэтому под экономической безопасностью региона мы понимаем совокупность условий и факторов, характеризующих стабильность экономики, устойчивость и поступательность ее развития, степень независимости и интеграции с экономикой страны, а также способность региональных органов государственной власти создавать механизмы противодействия внешним и внутренним угрозам [6].

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 12-06-00192 «Неоднородность экономического пространства и районирование российского Севера».

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 13-32-01266 «Исследование и разработка принципов управления социально-экономическим развитием северного региона, ориентированных на индикаторы качества жизни».

Вместе с тем, необходимо отметить, что экономическая безопасность является составной частью национальной безопасности (рис.1).

Тем не менее, следует признать, первостепенную значимость экономической безопасности, так как остальные виды безопасности не могут быть реализованы в полной мере без экономического обеспечения. Например, экологическая безопасность региона или страны напрямую зависит от разработки и внедрения технологий, позволяющих ликвидировать или минимизировать воздействие вредных производств на окружающую среду, возможность финансирования таких разработок напрямую зависит от состояния экономики.



Рис.1. Основные составляющие национальной безопасности

Под угрозой безопасности понимается совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества, региона или государства. Угрозы безопасности имеют объективный характер и возникают в результате столкновения интересов индивидов, слоев общества, классов, регионов, государств при их взаимодействии в процессе общественного развития [1].

В общем виде угрозы безопасности делятся на внешние и внутренние, на рис.2 представлены основные угрозы экономической безопасности региона.

Основанием для оценки угроз и ущербов от воздействия угроз как приемлемых или неприемлемых являются критерии экономической безопасности, которые могут быть качественными или количественными. Критерии выражаются показателями экономической безопасности. Таким образом, сущность экономической безопасности реализуется в системе критериев и показателей. Причем важен не только круг показателей угроз экономической безопасности, описывающих ситуацию в определенной сфере, но и их пороговые значения, выход за пределы которых вызывает угрозы экономической безопасности региона. Определение пороговых значений показателей является важнейшей проблемой, от решения которой во многом зависит разработка эффективных мер по предупреждению ущерба [6].

Наиболее широкое распространение в 1990 гг. получила система показателей экономической безопасности с пороговыми значениями разработанная академиком С.Ю.Глазьевым [2]. Ключевыми параметрами экономической безопасности в этом комплексе стали динамика производства, состояние бюджета и государственного долга. Данная система показателей была рекомендована Советом безопасности РФ для использования на национальном уровне с целью определения угроз экономической безопасности страны [7]. Однако, со временем, нашлись и противники данной системы показателей [8], в частности, по мнению А.Илларионова данный комплекс показателей не может быть использован для анализа проблем экономической безопасности, поскольку:

- в соответствии с предложенными пороговыми значениями все страны мира должны быть отнесены к разряду экономически небезопасных;
- фактические данные о состоянии российской экономики и российского общества в значительной степени фальсифицированы;
- полученный рейтинг России относит её к группе наиболее благополучных стран с точки зрения экономической безопасности (российские показатели удовлетворяют 7 критериям из 20), то есть ситуация в нашей стране в 1996 г. оказалась лучше, чем примерно в 70% стран мира

Попытка адаптации данного перечня показателей к региональному уровню, которая была осуществлена в рамках НИР «Научное обоснование стратегических направлений устойчивого экономического развития российской Арктики в условиях нарастания нестабильности мировых рынков» Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН в 2010 году, также показала, что использование данного комплекса показателей на уровне регионов малоэффективно:

- во-первых, разработанные пороговые значения предназначались для отражения ситуации в переходный период экономики и в настоящее время, требуют пересмотра исходных величин;

- во-вторых, сама система показателей предназначалась для использования на национальном уровне и ее применение на уровне регионов без соответствующей доработки самих показателей нецелесообразно;

- в-третьих, каждый регион имеет свои специфические проблемы обеспечения экономической безопасности, которые определяются особенностями самого региона. Например, для регионов Севера и Арктики характерны: огромный природно-ресурсный потенциал, суровые природно-климатические условия жизни, критическая зависимость от ввоза важнейших видов продукции первой необходимости, особое геополитическое и военно-стратегическое положение [9, 10], поэтому и сам перечень показателей, и пороговые значения для различных регионов должны отличаться [7].

В настоящее время, в соответствии с Государственной стратегией экономической безопасности Российской Федерации, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. на национальном уровне утверждены показатели экономической безопасности и их пороговые значения, а вот соответствующая система показателей для регионального уровня в Стратегии не предусмотрена. Тем не менее, в Стратегии отмечается, что состав критериев и показателей экономической безопасности Российской Федерации по регионам должен корреспондировать с соответствующим составом критериев и параметров в части, касающейся экономики и национальных интересов России в целом. Такой подход удовлетворяет требованиям государственных, но не региональных органов власти. Как уже отмечалось, все регионы имеют свои специфические особенности в развитии, поэтому: во-первых, круг показателей должен быть дополнен не только показателями, описывающими все стороны жизни, но и отражающими специфические особенности в развитии регионов; во-вторых, сами пороговые значения должны быть пересмотрены. Например, для регионов Севера РФ значение показателя «Доля импорта во внутреннем потреблении населения» - 30% является невыполнимым, что объясняется, все теми же, специфическими условиями жизни. Стоит отметить, что анализ не многочисленных работ [4, 8, 11], посвященных разработкам систем показателей экономической безопасности и их пороговых значений для регионального уровня, показал, что рекомендации носят фрагментарный характер и не доведены до уровня практического применения [7].

С целью проведения оценки уровня экономической безопасности Мурманской обл., автором на основании отечественного и зарубежного опыта разработана система показателей и их пороговые значения. В таблице представлены результаты оценки экономической безопасности Мурманской обл.

В связи с ограниченными возможностями статьи, а также из-за недостаточности и недоступности некоторой статистической информации автор не может провести полноценную оценку уровня экономической безопасности Мурманской обл. за 2010 г. Отмечу только, что значения многих показателей не дотягивают до пороговых значений. Так расходы на НИОКР, культуру, здравоохранение и спорт, в % по отношению к ВРП региона значительно меньше пороговых величин. Кроме того, продолжается миграция трудоспособного населения в регионы с более благоприятными климатическими и социально-экономическими условиями проживания, и это притом, что значение показателя «Уровень депопуляции» ниже единицы, а продолжительность жизни населения ниже, чем в среднем по стране.

Тем не менее, стоит признать, что Мурманская область обладает достаточным запасом прочности, если при оценке уровня экономической безопасности опираться на такие традиционные показатели как «объем ВРП на душу населения, в % к соответствующему периоду прошлого года», «индекс промышленного производства, в процентах к предыдущему году», «уровень инфляции». По ним отмечается значительное превышение пороговых значений.

Показатели экономической безопасности Мурманской области [12]

Показатели	Мурманская область 2010 г.	
	пороговые значения	фактическое состояние
1	2	3
1.Способность региона к устойчивому развитию		
1.1. Объем ВРП на душу населения, в % к соответствующему периоду прошлого года	104	122
1.2. Темпы роста ВРП к соответствующему периоду прошлого года, %	104	116
1.3. Инвестиции в основной капитал, в % к ВРП	20	14,9
1.4. Индекс промышленного производства, в процентах к предыдущему году	104	105,2
1.5. Индекс производства продукции сельского хозяйства, в процентах к предыдущему году	103	97,7
1.6. Индекс физического объема оборота розничной торговли, в процентах к предыдущему году	103	103,0
1.7. Уровень инфляции за год, %	10	8,6
1.8. Доля в промышленном производстве:		
- обрабатывающей промышленности, %	50	-
- машиностроения, %	10	-
- металлургии, %.	40	-
1.9. Доля новых видов продукции в общем объеме выпуска, %	5	-
2. Устойчивость финансовой системы региона		
2.1. Дефицит консолидированного бюджета в % к ВРП	2,5	1
2.2. Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, %	105	108,6
2.3. Объем внутреннего долга в % к ВРП	5	3
2.4. Объем внешнего долга в % к ВРП	10	2,35
3. Зависимость экономики от импорта важнейших видов продукции		
3.1. Отношение импорта к экспорту, %	20	-
3.2. Доля импорта во внутреннем потреблении населения, %	40	-
в том числе продовольствия	30	-
4. Уровень бедности и безработицы		
4.1. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, % к общей численности населения	9	13,0
4.2. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения	8	13,7
4.3. Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (на конец года), в % к среднероссийской стоимости	130	127
4.4. Уровень безработицы по методологии МОТ, %	7	8,9
5. Научный потенциал		
5.1. Расходы НИОКР, % от ВРП	2,5	1
5.2. Численность населения с высшим образованием на 1000 человек	200	222
5.3. Количество студентов на 1000 человек	40	28
5.4. Численность работающих в науке и образовании, в % к занятым в экономике	2	0,65
5.5. Количество заключенных и выполненных хозяйственных договоров между научными организациями и предприятиями на конец года, ед.	-	-
6. Качество жизни		
6.1. Расходы на здравоохранение и спорт % к ВРП	7	2,2
6.2. Продолжительность жизни	71	67
6.3. Соотношение средней зарплаты и прожиточного минимума, %	300	296,7
6.4. Уровень преступности, количество преступлений на 100 тыс. человек	2000	2109
6.5. Расходы на культуру в % к ВРП	3	0,5
6.6. Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м.	-	28
6.7. Удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %	6	2,2
6.8. Соотношение ежемесячных расходов населения на отопление по региону, к среднему значению ежемесячных расходов населения на отопление по РФ, %	130	-
6.9. Соотношение ежемесячных расходов населения на электроэнергию по региону, к среднему значению ежемесячных расходов населения на электроэнергию по РФ, %	130	-

1	2	3
7. Демография		
7.1. Уровень депопуляции (количество рожденных к количеству умерших)	1,5	0,97
7.2. Рождаемость, человек на 1000 населения	12	11,7
7.3. Смертность, человек на 1000 населения	8	11,9
7.4. Младенческая смертность, в возрасте до 1 года (на 1000 родившихся)	3	5,3
7.5. Сальдо миграции, тыс. человек	-	-6713
7.6. Смертность населения по причине заболеваний вызванных профессиональной деятельностью, человек на 1000 населения	5	-
8. Экология		
8.1. Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, тыс. тонн	-	368
8.2. Сброс загрязненных сточных вод (без очистки и недостаточно очищенных), млн м ³	-	1744

Литература

1. Абалкин Л.И. Институциональная экономика // Новая институциональная экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2005. 416 с.
2. Глазьев С.Ю. Показатели экономической безопасности по методике С.Глазьева. Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/86483>
3. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие (книга четвертая). ИЭ РАН. Москва. ЗАО «Финстатинформ». 2002. 128 с.
4. Балабанов В.С., Борисенко Е.Н. Продовольственная безопасность: (международные и внутренние аспекты) // Управление риском. 2002. № 4. С.61-62.
5. Уткин Э.А., Денисов А.Ф. Государственное и региональное управление. М.: ИКФ «ЭКОС», 2002. 320 с.
6. Бункина М.К. Национальная экономика: учебное пособие. М.: Дело, 2007. 272 с.
7. Ульченко М.В., Вышинская Ю.В. Оценка уровня экономической безопасности территориальных систем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 47 (188). С.66-71.
8. Илларионов А.Н. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С.35-58.
9. Васильев В.В. Результаты апробации комплексного природохозяйственного выделения зоны Арктики и определения ее южной границы // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2012 (29). № 1. С.93-98.
10. Селин В.С., Васильев В.В. Ретроспективный анализ методов районирования российского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: изд-во КНЦ РАН. 2012 (31). № 3. С.126-130.
11. Прокопов Б.И. Сущность и содержание экономической безопасности // Проблемы современной экономики, №4 (28), 2009 г. Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2245>
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. Режим доступа: <http://www.gks.ru>

INTEGRATION PROCESSES IN THE EUROPEAN NORTH

E.S.Saenkova

(Murmansk, MSTU, Department of Global Economic Relations)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных тенденций экономической и политической интеграции на Севере Европы. Рассматриваются исторические предпосылки становления политических и экономических интеграционных процессов. Анализируется деятельность государств всеобщего благосостояния в рамках “Европейской модели”. Большое внимание уделяется обзору международных региональных организаций функционирующих на Севере Европы.

Abstract. The article covers the main tendencies of economic and political integration in the European North. The historical preconditions of formation of political and economic integration processes are considered. The activity of

welfare states within the European model is analyzed. Much attention is paid to the overview of international regional organizations functioning in the European North.

Keywords: Political and economic integration, the Northern Europe, the European model, regional unions and associations, welfare states and social democracies, European North conception, The Arctic Council, Barents Euro-Arctic Council (BEAC), The Nordic Council, the Nordic Council of ministers, The Northern Dimension of European Union, neighborhood policy

The different purposes of unions, alliances and associations formation could be considered as a peculiarity trait of the regionalization processes character for international relations development at the second half of the XX century. Regional integration in Europe is considered as a constantly developing process of political, legal, economic, cultural, social, industrial and business integration of different states. The idea to consider such global processes as economic and political integration within the framework of an article has its own reasons and explanations connecting to mutual influence of these two processes. Economic integration, when not accompanied by political integration, can lead to less innovation and slower growth as companies respond to increased competition in the economic market by focusing more on rent seeking activity. And in the case when economic integration is accompanied by political integration, innovation and growth could be stronger and welfare higher. It is necessary to underline that political and economic integration can be complementary. It is highly important to consider the influence of political and economic integration on innovation growth, welfare and market structure. Generally there is a need to admit that political boundaries of some market of some country could influence the size of its market and its level of productivity. But from the other side under the free trade conditions the size of countries becomes irrelevant for the size of markets and in its turn it is not related to level of productivity. It follows that the equilibrium number of countries and the extent of economic integration are independent. The European North could not become an exception in the integration processes. There appear to be sufficient reasons for considering the European North as a region combining close geographical location, common cultural roots, economic connections and political cooperation on the one hand and as a platform for developing joint activities in the different spheres directed on the life living conditions increasing of the people living in the North from the other hand. But first of all it is necessary to understand what countries make the European North. European North typically includes the Nordic countries:

Denmark, Finland, Iceland, Norway, and Sweden. But today in different articles devoted to the development of North of Europe it is possible to meet also inclusion of Lithuania, Latvia, Estonia, the north-west of Russia and adjoining regions of Poland and Germany which forms so called *New European North conception*. The changing regional power balances in the Northern Europe appeared in the form of new institutional models and policy practices. Preceding from the purposes of the present article it looks considerable to operate the traditional notion of the European North. One of the characteristic features of the European North countries could be named certain stability of the region; it is interesting that the borders were mostly changed within the region but not relative to outside world. The reasons for that are different and they range from the geographic position of the region, cultural and ethnical identity to developed economic and political connections between states of the region supported by unions' formations and strong family tights. All these things allow us to consider the European North countries as unique in some way models of social and political as well as economical divisions, characterized by own development paths in more or less similar historical conditions joining in different unions with various purposes as for example the Kalmar Union (1397-1521) which included Sweden, Norway and Denmark under the rule of the Danish queen Margrete with the aim of strengthening royal power at the expense of the council of State while Sweden and Denmark were to be subjugated to the chief realm of Denmark. As well as dissolutions of the unions with the purpose to get political and economic independence necessary for the following development of the countries as for instance the unilaterally dissolving of the Swedish-Norwegian Union (1814-1905) by the initiative of Norway in order to get the adoption of legislation to establish a separate Norwegian consular service. Ever since 1814 Norway had been so called the junior partner in the union and by the end of 19th century the union conflict arose again. There was an opinion that the union was of less and less economic importance to Norway. But economic independence was not the only reason for dissolution, the concept of nation state (one person one state) had gained acceptance in Europe embarked on a process of nation building that emphasized the special elements of the Norwegian history and culture. Besides that there appeared the evaluation of the union as a break on democratization process. Norway became the first country in Europe to institute parliamentary government in 1884 and universal suffrage for men in 1889. It is interesting to admit the fact that in 1814 Norway was an underdeveloped country with weak infrastructure and institutions, but in 1905 Norway was a well-developed state with 91 years' experience of independent

government since the union with Denmark. Its armed forces were no longer as heavily outnumbered in comparison with those of Sweden. All these experience cumulated for centuries marked by close communication of the countries allowed to good dialogue base in the present circumstances despite some inconsistencies of the past. Nevertheless during the Cold war the Northern Europe was filled with disunity and differing security identities. Common historical, cultural, social and linguistic ties could not prevent the division as far as security identities were concerned. Norway and Denmark became the NATO members in 1949 and were within the USA sphere of influence during the Cold War while Sweden and Finland professed their neutrality but in different ways. The establishment of regional institutions was connected to the direct consequences of WWII, for example, Norway, Iceland, Sweden and Denmark as well as Austria, France, Luxembourg, Greece, Ireland, Italy, the Netherlands, Belgium, Portugal, Switzerland, Turkey and the UK became members of the Organization for European Economic Cooperation (OEEC) which intended to be the permanent organization for economic cooperation. It is interesting fact that Finland joined this organization only in 1969 after changing its name to the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) in 1961. If to consider integration path of Finland it should be mentioned that this country was also late in joining the United Nations as a full member. Denmark and Norway became the members of the UN in 1945, Iceland and Sweden in 1946; Finland joined the UN only in 1955. The same situation was with the Council of Europe. The Council of Europe was established in 1949 while Treaty of London was signed by ten states such as Belgium, Denmark, France, Ireland, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Norway, Sweden and the UK. Finland became the member of the Council of Europe only in 1989. The idea that the neutral position of Finland was guaranteed by international treaty and was not part of international law as a product of the WWII is widely discussed [1]. Here the Treaty of Friendship, cooperation and mutual assistance signed in 1948 by Finland and the Soviet Union is meant. All these examples just illustrate that the states of the Northern Europe were active participants of the majority of the integration processes in Europe, but what was the situation with strictly Nordic cooperation and integration? The processes of creation both the conditions for regional stability and the Northern European identity were the evolution of existing institutions and the construction of new regional ones. The institutionalization processes of new interaction forms among the Northern European countries are considered as ways of increasing regional stability and security.

Analyzing the economic and political integration within this article it is important to understand that when we talk about northern countries first of all we imply the European model consisting of welfare countries based on social democracies and this fact could not have any influence of integration processes. *The European model* based on such fundamental purposes of social protection as guarantee of a living standard consistent with human dignity and access to health care, social integration itself and the maintenance of a reasonable standard of living for people who cannot work any longer is widely implemented nowadays. European northern welfare states grow increasingly similar with deepening integration, given that regional integration reduces economic differences among national economies in Europe [2]. Most recent studies on the welfare states have focused exclusively on a single set of challenges to the welfare state either consequences of globalization or domestic challenges, such as demographic changes. As a result, existing studies have not to date examined how the different internal and external challenges to the welfare state relate to one another, and how they impact the political ability of governments to enforce public policies. To evaluate accurately the future prospects of the Northern European welfare states, one must take into account both the direct and indirect effects of “internal” and “external” constraints on welfare provisions and their impact on the capacity of states [3]. The process of tighter international integration is by some taken to imply that welfare states have to be rolled back, while others point to this as strengthening the need for welfare state activities. These issues are increasingly brought to the forefront in policy debates on the welfare state, but also in many cases shaping views on the pros and cons of international integration. It is indisputable that international integration is proceeding at a rapid pace and that it changes economic structures, and therefore in turns both the scope and need for welfare state activities. It is also necessary to take into account the differences between countries of the Northern Europe connected to the way of welfare policies working out. For instance, integration strategies of Sweden and Norway are quite different from the Danish one as Denmark tries to involve a major part of the private sector in welfare services and implies flexicurity model within the labor market. Iceland is considerably different from the other Nordic countries, as access to welfare services is to a large extent based on the “welfare-to-work” principle. In Finland, the voluntary sector has played a significant role in providing care for the elderly. In Norway, public-sector provision of welfare services has been more dominant than elsewhere [4]. But it is really significant to note that all these differences in welfare policies are not obstacles on the ways of

political and economic integration trends. International migration and demographic change, globalization and European integration, more open economies, changes in the class structure and some ideological and political currents have had a visible impact on the master dimensions of the Nordic welfare state. Although the state is still the main financier of welfare services, extensive stateless is giving way to more private endeavors and competition within and outside the public sector. This holds especially true at the local level. Furthermore, although universalism has continued to be the backbone of the Scandinavian welfare state in the last two decades there has, for instance, been a very visible shift towards a more income-related benefit system. Inequality has tended to increase and especially those at the top of the income scale have succeeded in getting a greater share. At the same time, what has come to be known as the ‘Scandinavian’ or ‘Nordic welfare model’ has attracted growing attention in international mass media and, intergovernmental organizations – although hardly with enthusiastic blessing from any of them, but more so in the social policy literature. Important elements of this model are comprehensive governmental welfare provision; the scale of welfare employment (broadly speaking); public employment relative to total employment; redistribution; financing mainly from fiscal revenues; family policies and a gender perspective that encourages women to participate in the labour market; an active labour market policy; high legitimacy of state/public welfare provision; and universal, citizenship-based social rights. While the Nordic welfare states differ in many respects, they can be said to be sufficiently similar on a number of counts to make them a distinct category or ‘family’ of welfare states in the world. Of course the so called welfare miracle of the countries of the European North could not be explained without taking into consideration of their prehistorical conditions of formation but it is not in the focus of the present article.

Discussing the economic and political regional international processes it is important to make an observation of regional international organizations foundations in the Northern Europe. There were several as time shows successful projects of creation of international organizations with multipurpose aims, the following list is going to illustrate the wide range of the present organizations:

1. The Arctic Council (19.09. 1996); Constant members: Canada, Denmark, Iceland, Finland, Norway, Russia, USA, Sweden and a number of Non-Governmental Organizations. Countries-memebers are called as circumpolar countries as their territories partly are placed in the Arctic circumpolar zone of the Earth, the territory with the center at the North Pole. Observers: Could be non-Arctic countries, Non-Governmental Organizations. Now there are Great Britain, Netherlands, Poland, Germany, France. For these countries the participation the Arctic Council work is determined by their interests (geopolitical and strategic) in the Arctic region; Aims: Promotion the cooperation in the sphere of environmental protection and providing of stable development of Polar Regions.

2. Barents Euro-Arctic Council (BEAC) (11.01.1993); Constant members: Denmark, Iceland, Norway, Russia, Finland, Sweden and European Commission; Norway holds the chairmanship for the period 2011-2013; Observers: Great Britain, Germany, Italy, Canada, Netherlands, Poland, France, USA and Japan; Aims: Assistance to stable development of the region and multisided cooperation in the spheres of economy, trading, science and techniques, environment, infrastructure, education and cultural exchanges, tourism as well as realization of projects devoted to indigenious peoples support.

3. The Nordic Council (1952); The Council has 87 elected members from Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden as well as from the Faroe Islands, Greenland and Åland; Aims: The Nordic Council was established to meet the need for closer Nordic co-operation in the wake of WWII. Now there are several operating committees: Culture, Education and Training Committee; Citizens' and Consumer Rights Committee; The Environment and Natural Resources Committee; Business and Industry Committee; Welfare Committee; Control Committee. Council works annually to discuss different political issues and it finances several institutions operating in the Northern Europe.

4. The Nordic Council of ministers (1971); Observers: Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden have been members of the Nordic Council of Ministers since 1971. Secretariat is placed in Copenhagen (Denmark). In addition, Greenland, the Faroe Islands and Åland have also increased their representation and position in the Nordic Council of Ministers, with the same representation as the above mentioned countries. Aims: The purpose of inter-governmental co-operation in the Nordic Council of Ministers is to work toward joint Nordic solutions that have tangible positive effects – Nordic synergies – for the citizens of the individual Nordic countries. Besides that within the partnership the countries take part in cooperation in the spheres of environmental protection, health care and social welfare, science and culture, education and some others.

5. The Northern Dimension of European Union (The ND Policy was initiated in 1999 and renewed in 2006). Observers: In addition to the four ND Partners namely EU, Russia, Norway and Iceland, also

participating EU Members States in national capacity; Regional Councils, e.g. the Arctic Council (AC), the Barents Euro-arctic Council (BEAC), the Council of the Baltic Sea States (CBSS) and the Nordic Council of Ministers (NCM); International Financial Institutions (IFIs), e.g. European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), the European Investment Bank (EIB), the Nordic Investment Bank (NIB) and the Nordic Environment Finance Corporation (NEFCO) as well as other financial institutions; universities and research centers and business community; Canada and the United States as observers; Belarus participates in practical cooperation. Aims: promote dialogue and concrete cooperation; strengthen stability, well-being and intensified economic cooperation; promote economic integration, competitiveness and sustainable development in Northern Europe. The main spheres of cooperation are environmental protection, energetic, health care, IT and communications, boundaries infrastructure, researches, regional and cross border cooperation, trading, entrepreneurship, business and investment project and etc.

There are also quite a large number of different organizations having joint activities in the spheres of financial institutes and Arctic studies now. The issue of integration of the countries of the European North is important not only in the sphere of their so called internal integration but also at the level of EU integration. The countries of the Northern Europe made several attempt to deepen their economic cooperation, but for example in 1960 not all the countries joined the European Economic Community (EEC) founded the European Free Trade Association (EFTA) which had a strong stimulating effect on intra-Nordic trade [5]. Close integration of the northern European countries has become even more valuable in the midst of the turmoil currently plaguing the European Economic and Monetary Union. The northern countries' good reputation and their tried and tested credibility is just what European integration as a whole needs right now. In addition to new euro countries, the potential EU membership of Iceland and Norway would substantially augment the integration progress. The Baltic Sea region now needs a substantial effort to increase economic cooperation, transport and improve safety. These issues are also essential elements of the EU Baltic Sea Strategy [6]. In the short term the EU must make its integration decisions after careful deliberation and using discretion in certain cases. The European integration process has always influenced the political settings in the Northern Europe, but it was and it is quite limited. But here we have to distinguish two levels of integration in the European North: the vertical integration that means all the integrative processes between the countries of the European North and the EU and the horizontal integration that presumes regional level integration directly between the states of the European North. It is worth to admit that these two levels are often interrelated. Concluding it is important to underline that processes of regional integration at level of economic and political cooperation in the European North is characterized by high speed and constant development with the aim of widening and strengthening of the cooperation in the North in different spheres with such a consequence as full integration of the European North in the developed policies of the EU. Besides that it is important to notice that cooperation in the European North has its own historical experience starting from the periods of face-to-face postures to the periods of integration processes. But is more important is that in all integration processes the principle of good neighborhood is placed and there are some strong regional institutions as for example BEAC and Arctic Council which are often called as the sub-regional engines of the Northern Europe. It is also worth to notice that in the light of all the political and economic integration processes special attention should be paid to national interests of the RF. Foundation of different regional integrated unions unfortunately do not exclude the certain geopolitical contradictions in the European North especially in the issues connecting to the Arctic. Integration processes in the European North and the RF as a strong partner of all these movements show the positive intentions for creating a good platform for further development and cooperation within the vital spheres for North.

References

1. Miles, L. Sweden and European Integration. Brookfield, VT: Dartmouth, 1997.
2. Atikcan, E.O., "Widening and Deepening of European Integration: Challenges and Strategic Choices Facing the European Union", 6th EUCE conference, Dalhousie, April 11-13, 2012.
3. Gizelis, T.I., "Globalization, Integration, and the European Welfare States", Chapman University. International Interactions, 31: 139–162, 2010.
4. Andersen, T. M., "International integration and the welfare states", Cambridge University Press, 2009.
5. Bonnen, P., Sosted, M. The origin, development and perspectives of Nordic Cooperation in a New and Enlarged European Union. In: Ostetteichische Zeitschrift fur Politicwissenschaft, Nr.1/2003, pp. 19-23.
6. Perspectives of Northern EU Integration, The central Chamber of Commerce of Finland, June 2010. Mode of access: www.keskuskauppakamari.fi

7. The Arctic Council [Electron. resource]. – Mode of access: <http://www.arctic-council.org>
8. Barents Euro-Arctic Council (BEAC) [Electron. resource]. – Mode of access: <http://www.beac.st>
9. The Nordic Council [Electron. resource]. – Mode of access: <http://www.norden.org/en/nordic-council>
10. The Nordic Council of ministers [Electron. resource]. – Mode of access: <http://www.norden.org>
11. The Northern Dimension of European Union [Electron. resource]. – Mode of access: <http://www.eeas.europa.eu>
12. Organization for European Economic Co-operation [Electron. resource]. – Mode of access: <http://www.oecd.org>

NEW FACTORS OF THE RUSSIAN MIGRATION POLICY TENDENCIES DEVELOPMENT

I.Z.Tchetinskaya
(Murmansk, MSTU, Department of Global Economic Relations)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современной миграционной политики России. Раскрывается специфика формирования ее новых приоритетов направленных на обеспечение экономической и демографической безопасности России и достижения ее устойчивого развития. Большое внимание при этом уделяется вопросам проведения согласованной миграционной политики со странами-членами СНГ.

Abstract. The peculiarities of modern migration policy of Russia are considered in the article. The specific formation of its new priorities directed to the providing of economic and demographic safety of Russia and reaching of its stable development is covered. Much attention is paid to issues of the migration policy coordinated with countries-members of CIS.

Keywords: migration policy, human assets, working migrants, demographic crisis, repatriation of migrants, country immigration, labor potential, the CIS single market of labour force, migrants' money remittances, financial infrastructure, brain drain, outsourcing programs, intellectual migration

At the present time Russia develops in a unique historic period, when the migration policy may become one of the most important elements of its economic and demography security and sustainable development.

For the migration policy to bring sustainability and provide for progressive development, it is vital to recognize, that migration processes stay among necessary conditions for overcoming of the demographic crisis, and of labor market disparities. The adequate migration policy demands understanding of importance of Russian human capital assets improvement. Foreign labor force and integration processes are possible only if the social and cultural core of the society is preserved. Profit maximization at all levels is to be equaled with social risks, aroused by the migration processes. In other words, the migration strategy is to be weighted and reasonable, which makes impossible both overestimating, and underestimating of the migration role [2].

Concerning all this, new priorities of the migration policy are introduced into the new development strategy to stimulate the further reforms in the economy. The migration policy of the recent periods has been oriented to attraction of variety of categories of migrants: season working migrants, in-migrants (who came with the aim of permanent residing); co-nationals, being the target audience; help was provided also for compatriots coming to Russia for resettlement. Every category needs the development of a specialized program and methods of its realization. When season workers are concerned, the first task is to use their labor efficiently and provide for the turnover; the in-migration processes support overcoming of the demographic crisis, increase of labor potential and human capital assets, with an allowance for ethnic social tension minimization; concerning compatriots issue, the first question is to populate the strategic target regions, to prevent depopulation of the Far East and Siberia [2].

The temporary labor migration regulation policy is aimed at:

first, the legalization of migration flows, targeted at counteracting of 'shadow' economy and attracting of money into the budget. The task can be solved, from one side, through facilitation of access to the labor markets, which is realized with the help of making registration a simple notification and getting of work permit; from the other side, it is necessary to organize amnesty of all illegal residents;

second, realization of targeted temporary migration, which can be provided with combined state and business working guest programs, with combining of microprograms with labor agreements on the base of single target. This aim can be realized on the base of the contract system, established with a carefully selected subcontractors;

third, determination of guidelines, which can help to overcome the cumulative continuous character of the temporary migration and its gradual changing into the permanent one. In connection with this, they develop contractual mechanisms, which provide for increase of responsibility of entrepreneurs and agents. From the other side, they use the long-term experience of the countries, which have always had a target for labor migration, and for dozens of years these countries have been implementing different programs, stimulating migrants come-back and facilitation of their reintegration into their home-countries economy.

The state programs for support of migrants come-back are the combination of various measures, among them: payment of travel expenses for come-back, one-time monetary allowance for adaption in the home-country, subsidy assistance in starting of a small-scale business, and professional training. Some programs highlights the support for the repatriation of migrants with the assistance in the home-country economic development [2].

The aim of the migration policy, directed at **in-migrants** attraction and based upon careful selection, is the immigration structuring and advancing of mechanisms of selection and encouragement of integration.

Russia has the same objectives, as most immigration countries. The immigrants' integration policy is to involve them into the full-scale social and economic participation in all spheres of social life. Russia must consider both positive and negative results of long-time experience of most immigration countries, when developing integration programs. The key feature of such programs is their orientation towards different migrants' groups. Integration of a specialist differs from integration of an immigrant, who has no special skills and familiarity with a language. If the first one needs affordable housing, job placement, small-scale business establishment, then apart from these the second also has problems with language, professional training, and sometimes also with the very means for living.

The important pre-requirement for the successful adaptation and further integration is access of the immigrants to the labor market. The most programs, performed at the countries, which are the traditional target for immigration, are directed at the professional training of immigrants to facilitate their free access to the labor market. We know such programs in Germany, Sweden, France, Spain, Norway, Finland, and recently in Switzerland. At the same time these programs can be implemented into the general policy, which has the universal character, as it has been done in Netherlands [2]. For development and coordination of the integration policy a special body or a commission can be established. Such bodies have been created and operate now in some countries. For example, in Great Britain they established the Commission for Racial Equality, aimed to tackle racial and ethnic discrimination in the country; in Spain there is the Superior Council For Regulation and Coordination of Foreign Residents' Affairs and Immigration (Plan Greco), aimed at coordination of efforts of governments of three levels on immigration policy development, which policy is to include issues of social integration and employment; and also the Forum on Integration, which is the consultative body, developing recommendation for government on foreigners integration affairs. For successful integration the complex and coordinated measures are needed, which are aimed at strengthening the ties between all actors, that is between migrants, government, education system, state employment services, forms and associations, non-governmental organizations. At this the enhanced coordination between different levels of the authorities (that is, local, regional and national levels) is the most important factor for increase of their efforts efficiency [2]. One of the most significant elements of the migration strategy of Russia is the support for compatriots abroad and creation of friendly environment for their voluntary come-back. It is obvious, that the new paradigm of the migration policy is less advantageous for returning compatriots [6] as they have no right to choose the place of living and the well-paid job. The only motivating reason for them is the very return to their home-country and provision of new future for their children. So we must provide some unequalled benefits, otherwise the claimed policy remains only a claim. At the same time it may result in social strain in the country. To soften the conflict it is required to connect the migration policy with that part of the social and economic policy, which is targeted at preservation of natural and territorial potential of the country. The preferences for coming migrants must be followed with material allowances, benefits, and loans, provided for the local population; the state policy must also create favorable labor conditions, business and investment environment; establishment of the modern infrastructure, accessible both for repatriates and the local residents. Because if we want to increase the population of some certain regions, we have to create seeable economic advantages [2].

Development of the modern Russian policy on migration has to take into account the original countries' interests and strong influence of the international migration processes factors. The strategy, which

considers all these factors, is the necessary pre-requisite for migration to become a positive trend in the development of Russia and adjacent countries.

Noteworthy, today the role of migration of the CIS countries population into Russia is underestimated. By means of migration the acute social contradictions decrease, and the CIS countries get an opportunity to develop their market economy, thus creating the background for the united economic space establishment within the CIS borders. Concerning geopolitical interests of Russia, the stability in adjacent countries is difficult to overestimate.

All the above said aspects allow to evaluate migration processes as new possibilities, created by the international labor migration for the mutual development of Russia and the CIS.

So, in the modern circumstances the migration policy of Russia must be oriented towards better usage of immigrant remittances, which can support development of Russian and CIS economies.

Russia has always been a contributor for the most of the USSR republics. In previous times the republics depended of financial backing of their economies and got it without any restrictions; today the CIS countries depends on immigrant remittances from those citizens, who come to Russia for paid work. Russian money transfer branch keeps increasing in 60-70% every year, comparing to the world sector increase only in 20% for the same period [2].

About 80% of all money transfer is conducted for the CIS countries (Ukraine, Tajikistan, Uzbekistan, Armenia, Azerbaijan, Moldova, and Georgia). The average sum of such transfers comprises circa \$643. Over the last 4 years immigrant remittances has grown in 8 times. The total volume of cash transfers from Russia to other countries, performed by natural persons for the accounts of natural persons via money remitters, has exceeded 9.4 billion USD [2].

As in the whole world, money remittances prevent balance of payments crisis of the less developed CIS countries: they free bond restrictions, which are applied by the official banking sector onto small investments; they create stable effective demands. Meeting the demands is possible also at the local expenses. The products manufacture develops, agricultural and food products shares in markets and trading system increase. On the other side, revival of the commodity market is accompanied with the production growth, increase of turnover goods volume between Russia and the CIS countries.

It is worth to mention, that unofficial money flows related to the official part is larger in Russia comparing to the other world's regions. Experts summarize, that the total volume of unofficial transfers is 2-3 times greater, than official ones. So we can suppose, that together official and unofficial remittances may combine from 10 to 50% of the GDP of countries, which are the recipients of cash transfers from Russia [2].

As far as money remittances are target provided, they are used by those who earned them also for their business development. Unfortunately, the state shows no interest to such business development. In its turn Russia does not use this factor as an instrument for the adjacent countries development. The only interested side is the business itself which has taken the mission of improvement of the financial infrastructure.

When the importance of immigrant remittances flows has become obvious, Russian banks get active in the cash transfer services sector. Apart from the well-known developed systems of Western Union and MoneyGram in Russia, a number of home systems have appeared. Today the following money transfer systems may be found in Russia: Anelik, Contact, InterExpress, Migom, PrivatMoney, Ria Envia, STB-Express, Travelex Worldwide Money Ltd, UNIStream, YIP Money Transfer, Bystraya Pochta, Guta Sprint, Zolotaya Korona, and also the remittance system CyberDengi of the Russian Post [1].

We can notice that today volumes of money transfers via the Russian banks' systems grow rapidly.

Concerning the prospects of the further formation of the financial infrastructure of money transfers, great possibilities may be found in the credit cooperation and close integration of banks and post operation, which has not been active yet. Once it is fully developed, the global availability of remittance systems is possible, which in future may redirect unofficial money flows of immigrants' remittances into official channels.

It is very important, that establishment and development of such systems may at the same time form infrastructure of the retail financial services, which allows for diversification of money remittance systems, connecting them to various programs: payment for utility services, repayment of loans to banks, development of e-commerce via Internet and many others. The significance of these systems for Russia and the CIS countries is rather high, as provision of these services to end-consumers is the strategic task for market infrastructure enhancement, which is the necessary background for economic growth [2].

Modern Russian environment can't resolve the acute problem of brain drain, which results in great financial losses for the country. According to the UN statistics, the brain drain costs Russia 25 billion USD per year. The existing methods of evaluation of direct and consequential losses show different figures; however, one fact is obvious – the social and economic results of migration of highly qualified specialists are far-reaching. Thus, the research, conducted by the 'Marketing and Consulting' Information Analytical

Agency, stated, that Russian emigrants, residing in the USA, provide 20-25% of the American hi-tech production which makes circa 10% of the global market [4.5].

There are specifics of the modern migration processes of highly qualified specialists, which are connected with internationalization of the global ties and development of information technologies. Many qualified specialists from Russia participate in labor internal flows of transnational corporations. They work under 1 to 3 years contracts.

Many Russian specialists are involved into outsourcing programs of large western companies, which are the famous software developers.

More and more Russian students go abroad to get education there. Many of them have their own financial means for payment for their education; others find possibilities in various exchange programs. According to the UNESCO, the total number of the Russian students in foreign universities was about 13 thousand people in the mid of 90s. The Sociological Research Center of Russian Ministry of Education estimates the number of Russians in foreign universities as much as 50,000, including short-term exchange programs. Young people, who intend to live abroad, have developed the typical procedure: they get higher education in Russia, then continue studies abroad in order to obtain a foreign certificate or diploma, and getting job then, stay there forever. As the Internet interview results show, after finishing education in some foreign university, only 20-25% of Russian studying migrants plan returning home.

The Russian science, both fundamental and applied, still cannot get out of the deep crisis. This very crisis is the reason for intellectual migration from Russia. Lack of possibilities for self-realization at home forces Russian scientists to “unite their efforts with the foreign partners”. It is clear, that forbiddances and restrictions for leaving country is not an acceptable solution of the problem. Russia is open now for the world and has the same conditions to overcome the negative consequences of the brain drain; but having equality in conditions, it has no equal possibilities for it. Today Russia may attract intellectuals in hard competition with other countries, which lack of highly qualified specialists. This is the only way now to withstand the specialists’ migration.

Russia has no special remedy against brain drain; the only way to cope with it is to develop state economic policy, which will be based upon carefully designed strategy of development, stimulating the newest branches of industry. Russia has to suggest competitive positions, which will make our country more attractive for professional labor force. Today we need to re-establish research centers, stimulate development of science at universities, to determine main directions for the state support in fundamental and applied scientific fields.

Today Russia does not put any efforts to become a provider of labor force at the market of skilled personnel. Actual provision of such specialists is not controlled by any institution. On the other hand, if Russian skilled specialists are highly demanded and leave the country to work abroad, Russia needs targeted strategy of personnel training business, oriented towards national labor force expansion. Together with introduction to the external labor market, it is highly demanded to arrange the system of national specialists return home; countries, which have succeeded in this issue, may provide Russia with their experience. The realization of programs, aimed at attraction of qualified specialists to our country, implementation of training programs, which could stimulate circulation and re-circulation of specialists, and also of programs for attraction specialists from other countries – all these require the development and implementation of the qualified labor market instruments, that is the contract system, social security system, taxation instruments, and so on. The mentioned measures may help our country to find the adequate place at this market [2].

In conclusion, formation of new priorities of the Russian migration policy is to be seen as the pacing factor in increase of role of migration processes; these priorities are to be oriented towards Russian economic and demographic security and sustainable development. The Russian Federation is the closest neighbor of countries with rich labor resources, and for a long time we shared united economic, political, and cultural space, which fact creates an excellent possibility to resolve many acute problems, related with ageing of population, pension system crisis, etc. Integration within the united economic space of the CIS, demands in easy adaptation of workers from the CIS countries set out the necessity of creation of the united labor market, which has to be supported by the Russian migration policy and establishment of special conditions for acceptance and integration of migrants from the Commonwealth countries.

References

1. Gusman, N.O. 2005. “The *Contact* Gets More Contacts” *Analiticheskiy Bankovskiy Journal*. Moscow. N 5. P.120.
2. Glushchenko, G. I. 2008. “Migration and Development”. Moscow.
3. Ivakhniuk, I. V. 2005. “International Labor Migration”. Faculty of Economics, MSU.
4. “Migration and Security of Russia”. 2000. Edited by G. Vitkovskaya and S. Panarin. *Interdialect+*. Moscow.
5. Rybakov, S. 2007. “Intellectual Pillaging”. *Financial Control*. No 4.
6. Mukomel, V. *Methodical and Practical Aspects of the Immigrants Integration Research*. Moscow, Adamant, 2007.

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

К ОЦЕНКЕ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ЛАТЕНТНОГО ПЕРИОДА ВЫСОКОЙ ЦЕЛИ

Ю.Т.Глазунов

Технологический факультет МГТУ, кафедра технологии пищевых производств

Факультет технической физики и прикладной математики

Гданьский технический университет, кафедра теоретической физики и квантовой информатики

Аннотация. Введено понятие мечты, содержащей в себе цель. Показано, что такая цель проходит два этапа развития: скрытый (в форме мечты) и явный (в форме сформулированной и подлежащей достижению цели). Предложен метод нахождения продолжительности скрытого периода существования цели. Метод основан на использовании сетевых моделей. Приводится пример расчёта скрытого периода мечты «Стать министром промышленности».

Ключевые слова: цель, сетевая модель, прагматическая информация, продолжительность работы

ESTIMATION OF DEVELOPMENT DURATION OF A HIGHER GOAL IN THE SHAPE OF A DREAM

Y.T.Glazunov

Professor

Technology Department Technical State University of Murmansk

Abstract: The notion of a dream including a goal was introduced. It was shown that this dream has two development periods: furtive (in the shape of a dream) and apparent (in the shape of a formulated and possible to achieve goal). The method of finding the length of a latent goal development period was proposed. This method is based on using network models. Estimation of a latent period of a goal „Hold an industry minister position” was shown as an example.

Keywords: purpose, network model, pragmatic information, work duration

Введение

Определение и постановка целей в экономике и управлении – один из важных этапов всякого планирования. Этот процесс называется целеполаганием. Правильно поставленная цель определяет успех деятельности любой хозяйственной организации, поэтому вопросам целеполагания в экономике и управлении уделяется в настоящее время большое внимание. В каждой организации существует множество целей, определяемых временным промежуткам достижения, характером отношения к внешней или внутренней среде, связью с производством или персоналом и т.п. Все они являются предметом возрастающего научного интереса. Поэтому их выявление и оценка доведены в настоящее время почти до алгоритма [1]. Однако существует разновидность целей, исследование которых как бы ускользает от внимания учёного. К наиболее слабо развитой области стратегического планирования относятся проблемы построения генеральных целей организации. Почему?

Дело в том, что из других внутрисистемных целей генеральная цель непосредственно не вытекает. Она сама определяет эти цели. Поэтому-то постановка генеральной цели – процесс сугубо творческий и неформализуемый. Ситуация осложняется и тем, что самой организации такая цель имманентно не присуща. Она создаётся человеком, как элементом этой организации. А, если это так, то логику её конструирования следует искать внутри человеческой психики [2]. Особенно значимым психическим феноменом в рассматриваемом нами вопросе является мечта.

Поскольку мечты не ограничены реально существующими обстоятельствами, в них отражаются наиболее сокровенные и смелые человеческие желания. Поэтому-то основанные на мечтах цели для людей наиболее значимы, важны и особенно для них ценны. Появившиеся таким путём цели с полным основанием можно назвать высокими целями (спортивный рекорд, научное

открытие, шедевр искусства, принципиально новое техническое решение, хозяйственное достижение и т.п.). Сюда же можно отнести и генеральные цели развития.

Не каждая мечта содержит в себе цель. Для отличия интересующей нас мечты от иных разновидностей этого психического феномена мы назовём её целесодержащей мечтой. Из этого и следует, что появление генеральных целей в первую очередь следует искать в целесодержащих мечтах.

Формирование высокой цели

Несмотря на многовековой интерес людей к проблеме мечты, этот феномен и сегодня во многом остаётся за пределами непосредственных научных изысканий. Его исследования отрывочны и часто связаны с решением иных психологических проблем. Необходимо признать, что несмотря на всю важность этого понятия и до сих пор отсутствует четкое представление о побудительных механизмах мечтаний, о влиянии мечты на личность индивида, о её роли в становлении профессиональной ориентации человека. Остаются без ответа и другие вопросы, связанные с этим феноменом.

Мечта – созданный воображением образ чего-либо важного и для мечтающего индивида желанного, того что расположено в отдаленном будущем и в данный момент недоступно. Мечта обычно содержит и образ самого индивида как успешного участника этого будущего. Мечты представляют собой важный фактор познавательной и творческой активности как отдельных людей, так и человеческих сообществ. Они появляются тогда, когда нереализованное желание порождает напряжение, которое отчасти снимается благодаря исполнению желания хотя бы в воображении. Мечта реализует и иные функции. Среди них выделяют формирующую, компенсаторную, насыщающую, побуждающую, а также функцию целеполагания [3], которая в данном исследовании интересует нас в первую очередь. Дело в том, что существует разновидность мечты, способной к овеществлению благодаря своему превращению в цель реальной деятельности.

Способ развития целесодержащей мечты и выдвижения высоких целей представляет предмет как научного, так и практического интереса.

В работе [3] проанализированы обстоятельства, при которых мечтание становится первой стадией цикла человеческой деятельности, завершением которого является достижение высокой цели. Показано, что полный путь от зарождения мечты до появления вызванной ею цели состоит из двух этапов (рис.1).

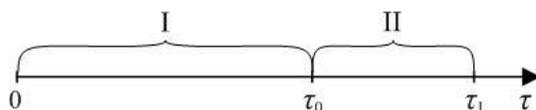


Рис.1. Этапы постановки и достижения высокой цели:

I – латентный период существования высокой цели в форме мечты; II – явный период существования высокой цели; $\tau=0$ – момент появления мечты, τ_0 – момент завершения латентного периода, τ_1 – момент достижения высокой цели

Примем, что мечта зародилась в момент времени $\tau=0$. Отрезок времени, обозначенный римской цифрой I, мы называем латентным (от лат. *latentis* – скрытый, внешне не проявляющийся) этапом существования высокой цели. На этом этапе сама цель ещё не оформилась. Не обеспеченная необходимыми ресурсами мечта существует в своей чистой форме абстрактного не связанного с реальной деятельностью П-пространственного образа. Она закреплена в личности, поддерживается некой потребностью, однако мотив её достижения ещё отсутствует.

Под психическим образом мы понимаем образ предмета, ситуации, движения, ощущения, психического образования и т.п., расположенный в имманентном для индивида пространстве психических образов. Это «вместилище» мы называем кратко П-пространством [2].

В момент τ_0 латентный период заканчивается тем, что под воздействием некоторых обстоятельств формируется бинарное отношение «мотив – цель». Для индивида этот процесс проходит «плавно» и малозаметно, поскольку стимул не появляется неожиданно. Он здесь давно известен. Целью становится уже существующий предмет мечтаний. С течением времени для

индивида он делался всё ярче и привлекательнее постепенно приближаясь к тому, что мы называем целью.

Породившая мечту потребность в течение латентного периода также развивалась, чтобы превратиться в момент τ_0 в актуальный мотив. Формировавшийся подспудно мотив в этот момент активизируется и становится движущей силой реальной деятельности, направленной на достижение цели. Эта трансформация обусловлена накоплением критического количества информации о средствах достижения цели, которыми субъект располагает в данный момент (прагматической информации I_B). Под информацией здесь понимается совокупность знаний, способствующих достижению цели и касающихся совершенства навыков и умений субъекта; физических, энергетических, интеллектуальных и психических ресурсов его организма; возможности получения посторонней помощи; времени, требующегося для организации необходимых для достижения цели действий и т.п.

Дело в том, что в процессе мечтаний прагматическая информация не остаётся постоянной. Её количество у индивида постепенно увеличивается. Происходят изменения в окружающей среде (появляются различные достижения, способствующие приближению осуществления мечты), в обществе (проявляется большая заинтересованность проблемой), да и в самом человеке (развивается его духовный мир, он приобретает необходимые знания, новые умения и навыки). Поэтому следует приять, что $I_B = I_B(\tau)$ – возрастающая функция.

Обозначим символом I_{B0} количество прагматической информации, существующей в момент τ_0 начала действия мотива, а символом A – критическое значение прагматической информации, необходимое для актуализации мотива. Тогда условие его актуализации записывается как

$$I_B(\tau_0) = I_{B0} = A. \quad (1)$$

В момент $\tau = \tau_0$ субъект ощутил, что уже располагает достаточной для начала деятельности прагматической информацией. Согласно общей теории целеполагания [1] возникает эмоция, сопровождающая выделение энергии, необходимой для построения бинарного отношения «мотив – цель». Благодаря этому внутри нашего П-пространства формируется новая пара элементов, управляющая процессом целенаправленной деятельности и одновременно его стимулирующая. Развитие ситуации переходит в новый этап, обозначенный на рис. 1 цифрой II. Это уже этап целенаправленной деятельности.

При анализе подобного рода целеполагания важно знать продолжительность латентного периода I, т.е. величину τ_0 , поскольку от этого зависит планирование будущей деятельности. Совершенно ясно, что точное определение продолжительности латентного периода не представляется возможным в силу стохастического характера развития как внешней среды, так и самого человека. Однако, приближенная оценка величины τ_0 вполне возможна.

Прогнозирование продолжительности латентного периода

Окончание латентного периода связано с достижением необходимого количества прагматической информации. Поэтому и определять продолжительность этого периода следует с помощью прогнозирования появления средств, необходимых для трансформации мечты в цель. Факт появления одного из таких средств мы назовём событием. Событиями могут быть, например, следующие факты: «Индивид зачислен в высшее техническое учебное заведение», «Индивид завоевал общественным доверие», «Собственная фирма производственного характера создана» и т.п. Появление каждого из событий несёт в себе некоторое постоянное количество прагматической информации I_{Bj} , где j – номер события. Она включается в общее количество прагматической информации $I_B = I_B(\tau)$, уже накопленной за счёт свершения предыдущих необходимых для появления цели событий. Поэтому имеет место отношение

$$I_B(\tau) \rightarrow I_{B0}, \quad (2)$$

способствующее выполнению равенства (1). Например, если мы выявили n событий, достаточных для завершения латентного периода некоторой цели, то справедлива формула

$$\sum_{j=1}^n I_{Bj} = I_{B0} = A. \quad (3)$$

В практике оценки латентного периода измерение величины I_{Bj} (т.е. информации, которую в достижение величины A вкладывает событие j) вовсе не обязательно: сам факт свершения события, необходимого для превращения мечты в цель, уже достаточен. Следует, однако, учитывать, что события не возникают сами собой. Они являются результатами выполнения направленных на их овеществление работ. Учёт и отображение этих работ столь же необходимы, как и фиксация событий.

Стохастический характер процесса появления событий при прогнозировании продолжительности латентного периода высокой цели позволяет опереться на вероятностные оценки. Используем для этой цели вероятностные сетевые модели, применяемые в системе PERT.

Построим модель, состоящую из событий, способствующих трансформации мечты в цель, появление которых ожидается в латентном периоде, а также работ, приводящих к их достижению. Такие конструкции называют сетевыми моделями. Согласно общей теории сетевого моделирования [1] работа изображается в ней стрелкой, начало и конец которой символизируют начало и конец работы.

Рассмотрим вкратце необходимую терминологию. Промежуточная цель, на достижение которой направлена работа, называется событием и обозначается кружком. Событие представляет собой результат выполнения одной или нескольких предшествующих ему работ. Событие продолжительности не имеет (оно свершается, т.е. появляется мгновенно), однако его свершение обусловлено выполнением ряда предшествующих работ и создаёт условие для начала всех зависящих от него последующих работ. В модели работы и события укладываются в той последовательности, которой требует внутренняя целевая структура деятельности.

Далее мы используем следующие обозначения (рис2):

i – номер начального события работы (события, появление которого позволяет её начать);

j – номер конечного события работы (события, которое символизирует результат достижения промежуточной цели);

(i, j) – код работы.

В сетевом программировании события нумеруются с помощью натуральных чисел. Мы будем употреблять такие слова, как «событие с номером i », а также использовать обороты типа: «работа (i, j) ». Обычно предусматривается нумерация событий, подчиненная условию $i < j$. Уложенные в необходимой последовательности события и работы называют сетевой моделью.



Рис.2. Изображение работы и связанных с ней событий:

i – начальное событие работы; j – конечное событие работы

Итак необходимо построить приближенную сетевую модель протекания латентного периода высокой цели и оценить продолжительности входящих в неё работ. Способ использования сетевой модели для определения продолжительности латентного периода рассмотрим на следующем примере.

Наблюдая за трудным материальным состоянием собственной семьи и людей из своего окружения, некий, достаточно способный учащийся лица подумал: «Вот, если бы министром промышленности был я, ...» Эта мысль начала к нему возвращаться и, завладев сознанием юноши, превратилась в целесодержащую мечту. Вначале зародившаяся мысль пребывает в исходном состоянии мечтания и юноша серьезно не задумывается над её реализацией. Однако мечта способна осуществиться.

Попробуем оценить продолжительность латентного периода содержащейся в ней цели, для чего построим приближенную структурную модель появления событий, необходимых для трансформации мечты в цель. Такую работу индивид может выполнить самостоятельно, однако лучшие результаты будут получены, если этим займётся группа экспертов.

В колонках 1 и 2 табл.1 приведены коды начального и конечного событий каждой работы, а также содержание всех работ составляющих структурную модель латентного периода рассматриваемой цели.

Перейдём к определению продолжительностей работ и сроков свершения событий.

В детерминированных сетях, составленных из работ, имеющих нормативную базу, неопределенность в оценке времени отсутствует. Время выполнения работы однозначно определяется ее трудоемкостью и количеством выделенных средств.

В сетях разового использования (к которым относится и наша модель) для определения продолжительности работ применяются иные приёмы. Здесь принимается, что продолжительности работ подчиняются широко распространённому закону β -распределения, а время завершения всего комплекса работ – нормальному закону распределения [4]. Величина продолжительности работы становится вероятностной и определяется на основе экспертных оценок специалистов.

Таблица 1

Работы, выполнение которых приводит к завершению латентного периода цели
«Стать министром промышленности»

Код работы (i, j)	Содержание работы	Продолжительность работы (в годах)			
		τ_{\min}	τ_{\max}	$\tau_{ож}$	σ^2
(1, 2)	Успешное окончание лица	1	3	1,8	0,058
(1, 4)	Укрепление здоровья за счёт спортивных занятий	3	9	5,4	0,518
(2, 3)	Поступление в высшее техническое учебное заведение	0	2	0,8	0,057
(3, 4)	Приобретение собственного жилья	3	10	5,8	0,706
(3, 5)	Выбор политической партии	1	4	2,2	0,130
(3, 6)	Обучение в высшем техническом учебном заведении	5	7	5,8	0,058
(3, 9)	Завоевание общественного доверия	5	16	9,4	1,742
(4, 7)	Создание семьи	1	6	3,0	0,360
(5, 8)	Вступление в политическую партию	1	5	2,6	0,230
(6, 7)	Создание собственной фирмы производственного характера	2	5	3,2	0,130
(6, 8)	Приобретение опыта практической работы на производстве	4	8	5,6	0,230
(7, 8)	Фиктивная работа	0	0	0	0
(8, 9)	Создание сети производственных фирм	3	8	5,0	0,360

В качестве исходных принимаются следующие значения времени выполнения работы:

- оптимистическое τ_{\min} , т.е. минимально возможный срок выполнения (время, необходимое для выполнения работы при наиболее благоприятном стечении обстоятельств);
- наиболее вероятное $\tau_{нв}$, т.е. время, необходимое для выполнения работы в нормальных условиях (время, которое могло бы иметь место, если бы требовалось только одно значение);
- пессимистическое время τ_{\max} , т.е. максимально возможная продолжительность выполнения работы (при стечении наиболее неблагоприятных обстоятельств).

При использовании этих значений находится среднестатистическая величина – ожидаемое время выполнения работы $\tau_{ож}$ по формуле:

$$\tau_{ож} = \frac{\tau_{\min} + 4\tau_{нв} + \tau_{\max}}{6}. \quad (4)$$

Применяется и другой вариант расчета, основанный на использовании двух вероятностных оценок: максимальной τ_{\max} и минимальной τ_{\min} по формуле

$$\tau_{ож} = \frac{3\tau_{\min} + 2\tau_{\max}}{5}. \quad (5)$$

Для оценки продолжительностей работ в нашей модели был избран последний вариант расчёта. Фигурирующие в выражении (5) величины приведены в колонках 3, 4 и 5 табл.1. Дальнейший расчёт параметров сетевой модели осуществляется стандартным образом с использованием ожидаемых оценок как детерминированных. Основная цель расчёта – определение продолжительности критического пути $\tau_{кр}$, которую мы и принимаем в качестве срока окончания латентного периода, т.е. $\tau_{кр} = \tau_0$.

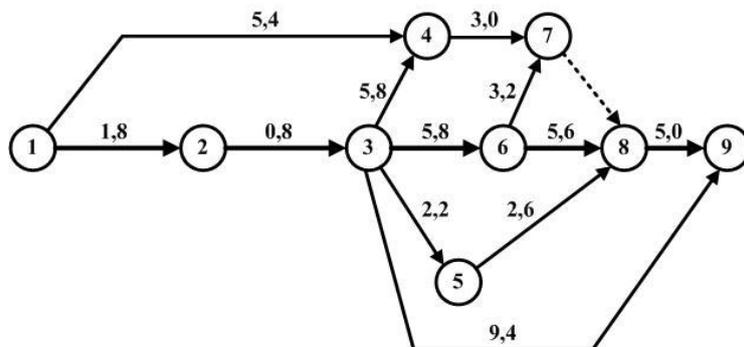


Рис.3. Структурная модель событий и работ, необходимых для трансформации мечты в цель «Стать министром промышленности»

В нашем примере продолжительность критического пути составляет $\tau_{кр} = \tau_0 = 19$ лет. На рис.3 составляющие его работы выделены жирными стрелками. Это и есть период пребывания цели «Стать министром промышленности» в форме мечты. Актуальный мотив достижения этой цели сформируется только через 19 лет от момента появления мечты. После этого начнётся целенаправленная деятельность, продолжительность которой можно оценить тем же методом.

Очевидно, что чем дальше отстоят друг от друга оптимистическая и пессимистическая оценки продолжительности работы (чем больше размах распределения), тем больше неопределенность, связанная с оценкой времени выполнения работы, вызываемая недостаточностью исходной информации. Эта неопределенность выражается величиной разброса вероятностных оценок вокруг ожидаемой и называется дисперсией.

При трех временных оценках дисперсия продолжительности работы определяется как

$$\sigma^2 = [(\tau_{\max} - \tau_{\text{ож}}) / 6]^2; \quad (6)$$

а при двух оценках как

$$\sigma^2 = [(\tau_{\max} - \tau_{\text{ож}}) / 5]^2. \quad (7)$$

Вычисленные по формуле (7) значения дисперсии продолжительностей работ приведены в колонке 6 табл.1. Согласно основной граничной теореме теории вероятностей распределение вероятных сроков окончания латентного периода подчиняется нормальному закону [4].

Как использовать эту информацию для оценки латентного периода? Предположим, что индивид стремится ускорить процесс появления актуального мотива и хочет закончить латентный период за 18 лет. Назовём этот срок директивным и обозначим как $\tau_{\text{дир}}$. Итак, пусть $\tau_{\text{дир}} = 18$. Какова вероятность этого события?

В связи с нормальным законом распределения сроков завершения всего комплекса работ вероятность превращения мечты в цель в принятый индивидом срок $\tau_{\text{дир}}$ определяется формулой

$$P(\tau_0 \leq \tau_{\text{дир}}) = \Phi(t), \quad (8)$$

где p – вероятность завершения латентного периода в установленный индивидом срок $\tau_{\text{дир}}$; $\Phi(t)$ – значение функции нормального распределения для величины аргумента t , определяемого формулой

$$t = \frac{\tau_{\text{dup}} - \tau_0}{\sqrt{\sum \sigma^2}}. \quad (9)$$

Значения функции нормального распределения приводятся во всех пособиях по математической статистике. В табл. 2 в качестве примера дан фрагмент такой таблицы, содержащий интересные нас значения (они выделены в первой и последней строке жирным шрифтом).

Таблица 2

Фрагмент таблицы значений функции стандартного нормального распределения $\Phi(t)$

(Для отрицательных значений аргумента значение функции вычисляется по формуле $\Phi(t) = 1 - \Phi(-t)$. Например, $\Phi(-1.67) = 1 - \Phi(1.67) = 1 - 0.9525 = 0.0475$)

	0.00	0.01	0.02	0.03	0.04	0.05	0.06	0.07	0.08	0.09
0.4	0.6554	0.6591	0.6628	0.6664	0.6700	0.6736	0.6772	0.6808	0.6844	0.6879
0.5	0.6915	0.6950	0.6985	0.7019	0.7054	0.7088	0.7123	0.7157	0.7190	0.7224
0.6	0.7257	0.7291	0.7324	0.7357	0.7389	0.7422	0.7454	0.7486	0.7517	0.7549
0.7	0.7580	0.7611	0.7642	0.7673	0.7704	0.7734	0.7764	0.7794	0.7823	0.7852
0.8	0.7881	0.7910	0.7939	0.7967	0.7995	0.8023	0.8051	0.8078	0.8106	0.8133
0.9	0.8159	0.8186	0.8212	0.8238	0.8264	0.8289	0.8315	0.8340	0.8365	0.8389

В нашем случае имеем:

$$\tau_0 = 19, \tau_{\text{dup}} = 18, \sqrt{\sum_{i=1}^{13} \sigma^2} = \sqrt{4,579} = 2,14, t = -0,467.$$

Для $\tau_{\text{dup}} = 18$ имеем $t = -0,467$, $\Phi(-0,467) \approx 1 - 0,68 = 0,32$, или $p = 0,32$.

Для сравнения с предыдущим результатом определим вероятность завершения латентного периода при $\tau_{\text{dup}} = 17$. Имеем: $t = -0,932$, $\Phi(-0,932) = 1 - 0,82 = 0,18$. Отсюда $p = 0,18$. Как и следовало ожидать, исследуемая вероятность существенно уменьшается. Итак, приведенный в данном примере анализ показывает, что завершение латентного периода целесодействующей мечты «Стать министром промышленности» менее, чем за 19 лет весьма маловероятно.

В вышеприведенном примере для оценки латентного периода была использована одноцелевая сетевая модель. Это означает, что сеть имеет единственное завершающее событие с номером 9. В практике оценки могут возникать модели с несколькими несвязанными между собой завершающими событиями – так называемые многоцелевые сетевые модели. Методика расчёта параметров таких моделей изменяется незначительно.

Заключение

Мы доказали, что даже такое сокровенное психическое явление, как мечта, поддаётся математическому анализу. Применение такого анализа позволяет вскрывать не только качественные, но и количественные характеристики этого уникального феномена. Именно такой анализ может быть положен в основу определения генеральных целей общественных и экономических систем.

Заметим в заключение, что все достижения человеческой цивилизации были когда-то предметом человеческих мечтаний. Каждое воплощение мечты вначале кажется совершенством, но с течением времени человек начинает мечтать о новых и более совершенных вещах. Так, воплощенная мечта вызывает новую потребность, а новая потребность порождает новую мечту, что и движет развитием человеческой цивилизации.

Литература

1. Глазунов Ю.Т. Программирование регионального развития. Апатиты, Российская Академия Наук: Кольский научный центр. 2008. 264 с.
2. Глазунов Ю.Т. Моделирование целеполагания. Москва-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». 2012. 216 с.

3. Глазунов Ю.Т. Мечта как предтеча цели: математическое исследование. // Вестник Мурманского государственного технического университета, 2013. (В печати)
4. Бурков В.Н., Новиков Д.А. Как управлять проектами: научно-практическое издание. М.: СИНТЕГ-ГЕО. 1997. 191 с.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЕВЕРА И АРКТИКИ*

В.А.Цукерман

к.т.н., доцент

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Н.Г.Меньших

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН

Аннотация. В работе показано особое место образования в достижении устойчивого развития экономической системы Севера и Арктики. Рассмотрен опыт функционирования НОУ «Корпоративный университет «Норильский никель». Определены основные проблемы и предложены конкретные решения в образовательной сфере.

Ключевые слова: устойчивое развитие, интеграция науки и образования, подготовка и переподготовка кадров, корпоративное обучение

EDUCATION AS THE FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE NORTHERN AND ARCTIC ECONOMIC SYSTEMS

V.A.Tsukerman

PhD (Tech.), Docent

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

N.G.Men'shyh

Luzin Institute for Economic Studies Kola Science Centre of RAS

Abstract. The paper shows a special place of education in achieving sustainable economic development of the North and the Arctic. The experience of the functioning of the NEI "corporate university" Norilsk Nickel ". The main problems and propose specific solutions in the field of education.

Keywords: sustainable development, integration of science and education, training and re-training, corporate training

Происходящие кардинальные изменения в социально-экономическом развитии северных регионов, реализация инновационных технологий на предприятиях оказывают огромное влияние на рынок труда, который в свою очередь предъявляет новые серьезные требования к уровню подготовки современных специалистов. Сегодня недостаточно только обеспечивать фундаментальные знания, умения и навыки, необходимо формировать потребность к постоянному профессиональному самосовершенствованию, развивать творческие способности исходя из личных интересов, способностей и возможностей.

Достижение устойчивого развития экономических систем Арктической зоны Российской Федерации – одна из наиболее актуальных проблем. Устойчивость экономического развития территорий – такое состояние экономики, при котором поддерживается стабильность выходных параметров развития производственных, социальных и экономических показателей.

В зоне Севера расположено около 70% территории, а разрабатываемые здесь природные ресурсы обеспечивают экономическую и энергетическую безопасность страны, являются основной базой пополнения федерального бюджета и источником валютных поступлений [1]

В соответствии со Стратегией инновационного развития РФ на период до 2020 года «Инновационная Россия – 2020», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р, особое место в достижении устойчивого развития занимает такой фактор как образование.

* Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН № 34 «Прогноз потенциала инновационной индустриализации России» при поддержке РГНФ, проект 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития»

Определяющим принципом для устойчивого развития Севера и Арктики должна стать интеграция науки и образования, которая может базироваться на трех составляющих:

- экономическая основа, представляющая объединение ресурсов и механизмов научного и образовательного комплексов для получения народнохозяйственного и коммерческого эффектов;
- структурная основа, предполагающая организационную интеграцию научных организаций и образовательных учреждений в единые научно-образовательные комплексы с целью оптимизации структуры науки и образования;
- инновационная основа, обеспечивающая интеграцию инновационных потенциалов сферы науки и образования с реальным сектором экономики с целью активизации инновационной деятельности в северных регионах.

Авторами рассмотрены две группы задач, необходимые для решения проблем подготовки специалистов.

Первая группа связана с обеспечением инновационного характера базового образования, где основными вопросами являются:

- обновление структуры сети образовательных учреждений в соответствии с задачами инновационного развития, в том числе формирование интегрированных научно-образовательных структур;
- обеспечение компетентностного подхода, взаимосвязи теоретических знаний и практических умений;
- развитие вариативности образовательных программ, в том числе создание системы прикладного бакалавриата.

Вторая группа связана с созданием современной системы непрерывного образования, подготовки и переподготовки профессиональных кадров, где основными вопросами являются:

- создание системы поддержки потребителей услуг непрерывного профессионального образования;
- поддержка корпоративных программ подготовки и переподготовки профессиональных кадров;
- создание системы поддержки организаций, предоставляющих качественные услуги непрерывного профессионального образования.

Общей проблемой для зоны Севера является практическое отсутствие инновационных образовательных технологий обучения, ориентированных на выпуск специалистов, знания которых соответствовали бы требованиям развития отраслей и комплексов народного хозяйства Севера.

Необходимо расширять практику разработки и внедрения инновационных образовательных программ и образовательных технологий. Их внедрение в образовательный процесс протекает с большими трудностями по целому ряду причин, где основной их них является отсутствие среди ученых и специалистов единого мнения о понятии «инновации в образовании» и их классификации.

Авторами рассмотрены варианты классификации инноваций в образовании, основные из которых следующие [2]:

- инновации, меняющие содержание образования;
- методические инновации;
- инновации в формах контроля образовательных достижений обучающихся;
- административные инновации.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (далее – Закон) расширены требования к использованию инновационных технологий, основные из которых [3]:

- специфика образования в настоящее время предъявляет особые требования к использованию разнообразных технологий, прежде всего инновационных.
- инновационные технологии в высшем учебном заведении – технологии, основанные на нововведениях.
- использование инновационных технологий позволяет повысить количество образования и его качество, а, следовательно, возможность повышения конкурентоспособности высшего учебного заведения на рынке образовательных услуг.

В Федеральном законе по сути и не конкретизированы направления, которые должны содействовать обеспечению повышения качества подготовки специалистов и не сформулированы

особенности системы образования для специалистов, работающих в зоне Севера. В рамках экономической системы послевузовского образования следует предусмотреть:

- поддержку образовательных программ в направлении повышения квалификации специалистов и овладения смежными специальностями;
- переподготовку специалистов по невостребованным специальностям в связи с угрозой безработицы;
- разработку образовательных программ для лиц пенсионного возраста, способных эффективно трудиться (для военных – пенсионеров, отдельных категорий граждан).

Требуется совершенствование форм взаимодействия научных организаций, высших учебных заведений и предприятий, таких как:

- научно-образовательных центров;
- центров передовых технологий на базе объединения вузовских и академических научных коллективов;
- совместных испытательных баз предприятий, вузов и научных организаций;
- научных и технологических парков;
- бизнес – инкубаторов;
- центров трансфера технологий.

Для повышения качества образования и подготовки специалистов учреждениям высшего профессионального образования, функционирующих на Севере, необходимо активизировать различные виды деятельности, в т.ч.:

- проведение фундаментальных исследований, финансирование которых возможно за счет федерального бюджета или получения грантов, выделяемых отечественными или зарубежными научными фондами;
- укрепление связей с другими научными организациями, в первую очередь Институтами РАН, которые будут способствовать сбалансированному сочетанию научной и образовательной деятельности.
- выполнение работ на хоздоговорных началах с организациями и предприятиями реального сектора экономики, которое может рассматриваться в качестве перспективного потенциала вузов в сфере развития прикладных разработок и последующей их коммерциализации.
- формирование ключевых элементов инновационной инфраструктуры.

В Законе указано, что организации, входящие в систему образования, должны принимать участие в проведении совместных научных исследованиях, осуществлять фундаментальные и прикладные научные исследования в сфере образования, а также совместно осуществлять инновационную деятельность.

Авторы предлагают рассмотреть применение и такой формы повышения квалификации работников Арктической Зоны как корпоративное обучение.

Корпоративное обучение — это система внутреннего обучения сотрудников предприятий, выстроенная в рамках корпоративной идеологии на основе единой концепции и методологии, охватывающая все уровни руководителей и специалистов. Данная форма может быть разделена на несколько составляющих:

- самообразование сотрудников;
- долгосрочное дополнительное образование сотрудников, связанное со стратегическими задачами компании;
- краткосрочное обязательное образование сотрудников, вызванное необходимостью поддержания технологических процессов на современном уровне;
- краткосрочное дополнительное образование сотрудников, связанное со стратегическими задачами фирмы.

В последнее время наблюдается повышенное внимание к корпоративному обучению. Затраты прогрессивно развивающихся компаний на обучение сотрудников несоизмеримы с затратами на оплату труда. В ведущих фирмах мира до 10 процентов рабочего времени отводится на повышение профессионального уровня работников [4]. Такое обостренное внимание менеджмента предприятий к обучению внутри фирмы связано с тем, что в условиях конкуренции некомпетентные работники приносят предприятию прямые убытки, а пригласить новых специалистов сложно.

С помощью формы корпоративного обучения крупные предприятия могут решать следующие основные задачи:

- сократить время адаптации молодых специалистов и новых сотрудников к условиям их работы в предприятии;
- ускорить освоение работниками производственных обязанностей;
- минимизировать время и затраты на повышение квалификации персонала;
- эффективно обучать персонала для освоения инновационных технологий.

В отличие от профессионального образования в ВУЗе учебные центры, отделы, сектора, цеха предприятий в своей основе обеспечивают адекватное, своевременное и полномасштабное реагирование на запросы предприятий в сфере повышения квалификации работников и передачи им практических навыков работы в новой производственной среде.

К современным высоким требованиям рыночной конкуренции, приоритетностью характеристик инновационного потенциала в обеспечении конкурентоспособного развития многие предприятия регионов Севера оказались не готовы. Следование новым приоритетам должно перевести внимание топ-менеджмента компаний на исследовательскую компоненту, на уровень высокого качества кадрового потенциала, обновление технологической базы производства [5].

Корпоративное обучение, как живая динамическая система, очень быстро и четко реагирует на внедрение инновационных технологий в производство и производственные отношения, а также на возникающие образовательные потребности и запросы предприятий. Распространение корпоративного обучения является одной из наиболее заметных и характерных особенностей развития профессионального образования и подготовки кадров для предприятий и организаций. Без профессионально подготовленных кадров, постоянно поддерживающих высокий уровень своих знаний, практически невозможно организовать успешный бизнес.

В качестве примера можно привести действующее с 2006 года негосударственное образовательное учреждение «Корпоративный университет «Норильский никель» (далее – Корпоративный университет). Организационно система обучения в Корпоративном университете представляет целый ряд различных видов и направлений: курсы, дистанционное обучение, тренинги, семинары, стажировки и т.д. Система дистанционного обучения доступна для каждого работника предприятия, имеющего доступ к базе данных компании. [6]

Корпоративный университет имеет лицензию на образовательную деятельность по 40 направлениям и более 300 профессиям. Среди них – повышение квалификации и подготовка руководителей и специалистов в соответствии с требованиями надзорных органов, учебные мероприятия, направленные на развитие кадрового резерва руководителей различных уровней управления, более 40 курсов дистанционного обучения, тренинги и семинары, при этом два курса являются обязательными для каждого вновь принятого на работу сотрудника: адаптационный и ознакомительный.

Созданная система обучения в Корпоративном университете позволяет работникам компании:

- получить квалификацию, соответствующую требованиям компании, а для рабочих специальностей;
- обучиться рабочей профессии или повысить разряд.
- создать задел для карьерного роста;
- получить соответствующие документы государственного образца.

Основная цель Корпоративного университета — не только создание системы обучения для компании, но и значимый этап повышения знаний для каждого работника.

Профессорско-преподавательский состав Корпоративного университета формируется как за счет специалистов компании, которые ведут подготовку по дисциплинам и курсам, непосредственно связанных со своей профессиональной деятельностью, так и преподавателей ФГБОУ ВПО «Норильский индустриальный институт», а также сотрудников других организаций. Особое внимание уделяется качественной профессиональной подготовке рабочих специальностей в соответствии с растущими требованиями производства и долгосрочными планами развития ОАО «ГМК «Норильский никель».

Кроме того, кураторство и передача опыта корпоративного обучения осуществляется и в дочерних организациях компании. Так, в марте 2012 в г.Заполярном открыт учебный подземный полигон для подготовки рабочих Заполярного филиала «ГМК «Норильский никель» (далее – Филиал). Его площадь составляет около 5 тыс. м². Основное место полигона отведено практическим занятиям. В состав полигона также входят учебный класс на 24 слушателя, складские и

вспомогательные помещения. На полигоне имеется собственная ремонтная база, сварочные комплексы, гаражи для самоходной техники.

В условиях, максимально приближенных к производственным, обучающиеся имеют возможность ознакомиться с технологией и техникой, изучить практические приемы ремонта, эксплуатации и обслуживания дорогостоящего импортного оборудования.

Обучение проводят как специалисты Филиала, так и призывающие преподаватели Корпоративного университета. Каждый слушатель параллельно с изучением теоретического материала проходит практическую подготовку на оборудовании в подземных, но безопасных условиях.

Крупным предприятиям, расположенным как на Кольском полуострове, так и находящимся в других регионах Севера, следует изучить опыт подготовки и переподготовки специалистов, а также обучения рабочим специальностям в Корпоративном университете.

Приоритетной стратегической целью системы образования регионов Севера и Арктики является такое качество предоставляемых образовательных услуг, которое соответствует запросам экономики, в частности, промышленного производства, и общества в целом с целью устойчивого социально-экономического развития Севера и Арктики.

Помимо задачи повышения знаний, овладения умениями и навыками специалистов, стоит не менее актуальная задача – формирование непрерывного образовательного пространства, как основы обучения индивида, способного на протяжении всей жизни получать и обрабатывать информацию, приобретенную как в институциональной среде, так и самостоятельно. Такой подход предполагает выстраивание всей системы образования на базе прогнозирования социально-экономических и научно-технических потребностей инновационного развития северных регионов.

Для устойчивого развития экономических систем Севера и Арктики в рамках образовательного фактора следует законодательно закрепить:

- развитие системы грантов и премий талантливой молодежи из малообеспеченных семей, проживающих в регионах, в целях стимулирования их дальнейшей учебы;
- развитие контрактной формы подготовки молодых специалистов;
- создание системы прохождения практики студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования;
- введение нормы, предусматривающей обязательную отработку выпускником образовательного учреждения высшего профессионального образования, который обучался на бюджетном отделении;
- проведение целевой подготовки и переподготовки молодых специалистов с учетом формирования государственного и частного заказа на подготовку квалифицированных кадров.

Литература

- 1 Селин В.С. Экономический кризис и устойчивое развитие северных территорий // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 1(27). С.21-26.
- 2 Меньших Н.Г., Цукерман В.А. Подготовка квалифицированных кадров для реализации программ инновационного и технологического развития региона // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; отв. ред. Ю.С.Пивоваров. М., 2012. Ч. 1. 700 с. С.376-379.
- 3 Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.
- 4 Насибуллин Н.Э. Корпоративное обучение как фактор повышения интеллектуального потенциала персонала организации // Образование в техническом вузе XXI веке: международный межвузовский научно-методический сборник / ГОУ ВПО «Камская государственная инженерно-экономическая академия». Вып. 4. Набережные Челны: изд-во Кам. гос. инж-экон. акад., 2009. С.55-57.
- 5 Козлов А.А. Инновационная система предприятия как инструмент обеспечения инновационного развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 2 (28). С.53-55.
- 6 Официальный сайт негосударственного образовательного учреждения «Корпоративный университет «Норильский никель». Режим доступа: <http://www.university.nornik.ru/>